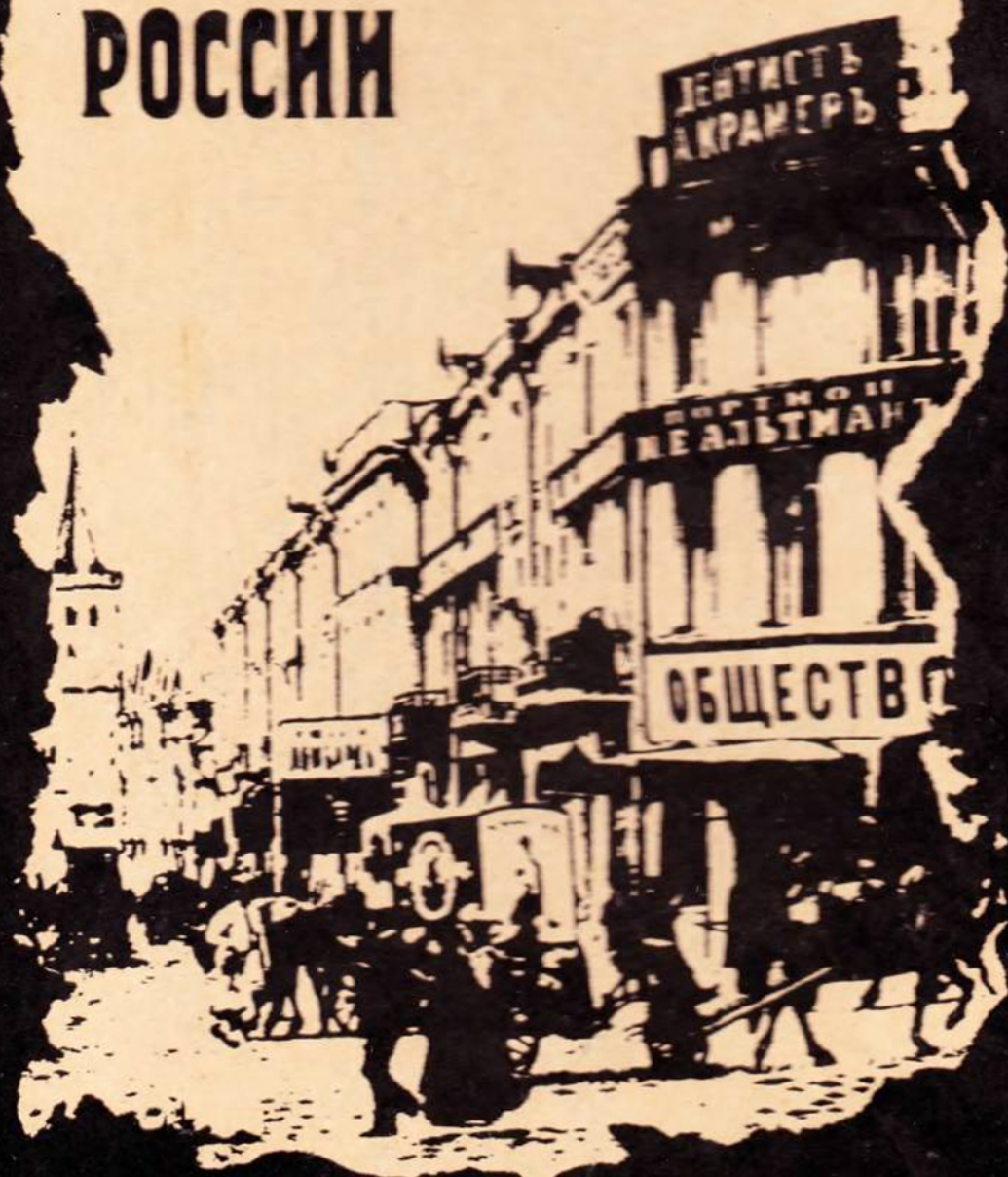

С. С. Остроумов

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРИЧИНЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

С. С. Остроумов

Преступность и ее причины в дореволюционной россии

**Издательство
Московского университета
1980**

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор юридических наук
Ю. М. Ткачевский,
доктор юридических наук
Э. Б. Мельникова

Остроумов С. С.

Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980, с. 204.

В монографии анализируются структура, динамика и причины преступности в дореволюционной России. Суть и формы преступности поставлены в прямую связь с социально-политической жизнью страны и рассмотрены конкретно по трем историческим этапам: дореформенный, эпоха промышленного капитализма, период империализма.

11801—142
48—80 1203100000
077(02)—80

© Издательство Московского университета 1980 г.

В период развитого социализма борьба с пережитками прошлого и особенно с их наиболее опасным порождением — преступностью приобретает большое значение. Отсюда основной задачей, стоящей перед уголовно-правовой и криминалистическими науками, является тщательное исследование преступности в целях выработки эффективных мер по ее предупреждению. Напомним, что для плодотворной разработки любых научных проблем в целях всемерной помощи практикам огромную роль играет изучение истории данной проблемы. Исторический подход является характерным для марксистского диалектического метода, рассматривающего все события и факты в их возникновении и связи с конкретными историческими условиями. В процессе научного исследования необходимо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Следовательно, решая актуальные проблемы современности, надо видеть изменяющийся, а не застывший мир, надо всесторонне изучать явления, в том числе и преступность, в их закономерной исторической связи. Поэтому для советских криминалистов, процессуалистов и криминологов большой интерес представляет исследование преступности и ее причин в дореволюционной России, поскольку именно от нее «в наследство» мы получили пережитки прошлого: чуждые и враждебные нашему обществу частнособственнические, эгоистические взгляды, традиции, нравы, привычки. «Наследуя» в качестве преемственности эти пережитки, мы видим, что они сохраняются очень долго и после того, как исчезают социально-экономические условия, породившие их, ибо «психология человека переделывается куда медленнее, чем материальные условия его жизни»².

Исходя из этих соображений, мы и попытались провести исследование указанной проблемы, подразделив нашу работу на две части: преступность и ее причины в царской России по трем периодам: 1) дореформенный, эпоха промышленного капитализма и период империализма, и 2) основные концепции о причинах преступности и борьбе с ней в дореволюционной России.

В данной работе автором были использованы различные источники. С одной стороны, материалы официальной уголовной статистики, «Статистические своды», ежегодно составляемые и публикуемые царским министерством юстиции после судебной реформы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² Брежнев Л. И. О 50-лети СССР. М., 1972, с. 57.

1864 г.³ С другой — многочисленные труды авторов тех лет, посвященные изучению преступности в царской России⁴.

Проводя исследование преступности на основе соответствующих статистических материалов, следует прежде всего выяснить их научно-познавательное значение, их достоверность, т. е. установить, насколько точно эти материалы отражают (измеряют) те или другие стороны преступности, а также отдельные стадии борьбы с ней. Материалы официальной уголовной статистики, несмотря на серьезные недостатки, снижающие их достоверность, дают возможность проанализировать состояние преступности и установить прямую обусловленность социальной и экономической структурой общества. Более того, тщательный анализ русских уголовно-статистических и криминологических источников наглядно показывает, что еще задолго до революции был создан ряд интересных приемов изучения преступности, контроля за деятельностью органов юстиции, обобщения статистических материалов науками уголовного права и процесса в целях их теснейшей связи с практикой.

Все эти источники автор, основываясь на марксистско-ленинской теории, пытался критически обработать, дать целостную картину структуры и динамики преступности, проводя анализ ее причин в тесной взаимосвязи с социально-экономическими условиями того времени. Это исследование помимо несомненного исторического интереса имеет, как нам представляется, и то актуальное значение, что большинство современных буржуазных уголовно-правовых и криминологических направлений представляют собой перепевы старых, давно раскритикованных теорий, модернизированных в соответствии с новой исторической обстановкой.

Разоблачение подобных направлений, как и всемерная поддержка прогрессивных взглядов на причины преступности и борьбу с ней в условиях капитализма, является серьезной задачей советских наук уголовного права и криминологии. Следует также иметь в виду, что некоторые приемы изучения преступности после очищения их от всего реакционного и устаревшего могут и должны быть использованы советской криминологией и статистикой, уголовным правом и процессом. Напомним, что «марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного...»⁵. Любые исторические исследования надо рассматривать как одно из средств разрешения многих научных и практических проблем современности.

³ Подробнее см.: Остроумов С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России, ч. I. М., 1961.

⁴ К числу таких исследований можно отнести: Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России. М., 1860; Вильсон И. Уголовная статистика государственных крестьян по данным за десятилетие 1847—1856 гг. М., 1871; Ткачев П. Статистические этюды (опыт разработки русской уголовной статистики). — «Библиотека для чтения», 1863, № 10; Анучин Е. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг. СПб., 1873; Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг. СПб., 1899; и др.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

Преступность и ее причины в дореформенной России

В дореформенной России — первая половина XIX в. — проходил процесс разложения старого крепостного хозяйства в связи с развитием новых капиталистических отношений. Крепостное право тормозило рост производительных сил страны, обуславливало отсталость сельского хозяйства и препятствовало развитию капитализма. Несмотря на это, царское правительство старалось сохранить крепостной строй и укрепить господствующее положение дворянства. Положение крестьянства становилось все более тяжелым, что вызывало постоянные «мятежи» и «беспорядки». Передовая часть общества, и в первую очередь прогрессивная часть дворянства и разночинной интеллигенции, недовольная феодально-крепостническими порядками, приходила к выводу о необходимости борьбы против отживших свой век «устоев» русской жизни.

Вопрос об уничтожении крепостного права все более и более стал занимать умы передовых людей того времени. Вся идейно-политическая борьба в этот период сосредоточивалась вокруг крепостного права и его порождений. Эта борьба достигла особой остроты в конце 50-х и начале 60-х годов, когда в России, по выражению В. И. Ленина, сложилась революционная ситуация. Особенности развития России в первой половине XIX в. не могли не отразиться на совершении преступлений, т. е. действий, направленных против дворянского государства и установленного в нем правопорядка.

Структуру и динамику преступности дореформенной России, выявление ее основных причин можно проследить на основании работ, посвященных изучению преступности в России.

Особое место среди монографий о преступности России первой половины XIX в. занимает труд Е. Н. Анучина «Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг.» (М., 1866). На наш взгляд, эта книга является ценным источником для исследования структуры преступности крепостнической России.

Е. Анучин использовал богатейшие, по сути дела «сырые» материалы о числе сосланных в Сибирь «на каторгу, поселение и водворение», хранящиеся в архиве Тобольского приказа, где все ссыльные записывались в особые книги по различным признакам: пол, возраст, религия, вид совершенного преступления, сословие, наказание и пр. Он самостоятельно разработал материалы за 20-летний период (1827—1846) и, как справедливо указано в предисловии Географического общества к его книге, «материал этот очищен автором критически весьма добросовестно, а его разработка... составляя труд громадный, особенно для одного лица, окончена во всех подробностях и с замечательным знанием дела»¹.

При изучении данной работы возникает вопрос, является ли представленный материал показательным, репрезентативным для характеристики всей преступности в России? На этот вопрос автор дает утвердительный ответ в отношении наиболее тяжких преступлений, поскольку в продолжении рассматриваемого им 20-летнего периода (1827—1846) ссылка в Сибирь за подобные преступления была обязательна и применялась в широких размерах.

«Следовательно, процент ссылаемых в Сибирь за тяжкие преступления вполне может служить выражением степени вероятности их в разных местностях России по полу, возрасту, сословию и пр. Значит, хотя мы и говорили лишь об исследовании ссыльных в Сибирь, однако достигаем главной цели уголовно-статистического исследования — именно возможности определить вероятность зависимости преступления от пола, возраста и пр., так как общие выводы относительно изменения процента ссыльных под влиянием вышеуказанных условий всегда можно отнести и к вероятности преступлений вообще»².

Такое утверждение вполне правомерно.

---

¹ Анучин Е. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг.—«Материалы для уголовной статистики России». Изд. 2-е. Спб., 1873, с. 2.

² Анучин Е. Указ. соч., с. 2.

Обратимся к краткому рассмотрению конкретных показателей преступности России в первой половине XIX в. Хронологически следует начинать с работы Е. Н. Анучина, поскольку она охватывает период с 1827 по 1846 г. Заметим, что материалы, обобщенные Анучиным, измеряют преступность в субъектах преступления (число ссыльных), а не «в противозаконных деяниях», на что всегда надо обращать серьезное внимание. Следовательно, такой материал не дает возможности проанализировать события или факты преступлений, а лишь их виновников. Однако материалы Е. Анучина пригодны для исследования структуры преступности по различным признакам. Подобное обстоятельство, зачастую имеющее место в уголовной статистике, объясняется главным образом изменением уголовно-процессуального законодательства, нарушающего сопоставимость динамического ряда преступности, измеряемого Е. Анучиным числом ссыльных. Отметим, что законодательство о ссылке в Сибирь неоднократно изменялось, что приводило к значительным колебаниям числа ссыльных по годам.

Для анализа структуры преступности Е. Анучин берет итоговые данные за 20 лет. За это время через Тобольский приказ прошло 159 755 осужденных лиц, число достаточно большое для выявления определенных закономерностей в структуре преступности.

Приведем для примера группировку числа ссыльных по полу и отдельным видам преступлений в редакции уголовного законодательства того времени. Эта группировка дает весьма яркую характеристику преступности крепостнической России в период царствования Николая I (табл. 1).

Как видно из табл. 1, ссылка в Сибирь осуществлялась не только по приговорам суда, но и административным порядком, что характеризует беспощадную внесудебную расправу дворянско-крепостнического государства с любыми действиями, опасными в какой-либо мере для интересов господствующего класса. И это действительно так. Число сосланных административным порядком превышает число сосланных по судебным приговорам. Показательно, что более 60% административно сосланных падает на бродяг (48,6 тыс. человек), т. е. главным образом крестьян, бежавших от гнета помещиков. Любопытно, что число сосланных административным порядком за дурное поведение по воле помещиков за второе десятилетие (1837—1846) против первого (1827—1836) возросло более чем вдвое (с 2131 до 4755)³. Это, безусловно, характеризовало усиление недовольства крестьян и расправу с ними помещиков, что подтверждается значительным числом ссыльных в Сибирь и по судебным приговорам за «возмущение и неповиновение». То же самое можно сказать и об административно сосланных за дурное поведение по распоряжению местного начальства. Интересно, что Е. Анучин, констатируя увеличение этой категории ссыльных,

---

³ См.: Анучин Е. Указ. соч., с. 22.

Таблица 1

Число сосланных по полу и отдельным видам преступлений*

Виды преступлений	Число сосланных за 20 лет		
	мужчин	женщин	всего
<i>I. Сосланные по судебным приговорам</i>			
За преступления против веры	261	184	445
За святотатство	1 374	119	1 493
За оскпление	145	55	200
За государственные преступления	439	4	443
За возмущение и неповиновение	2 354	57	2 411
За неповиновение помещикам	811	193	1 004
За побег за границу	174	10	184
За побег из службы, из-под стражи	1 429	38	1 467
За похищение и растрату казенного имущества	157	—	157
За лихоимство	82	—	82
За смертоубийство	11 552	2 979	14 531
За членовредительство	853	—	853
За пристанодержательство	840	411	1 251
За подделку документов	2 943	602	3 545
За корчемство	1 227	20	1 247
За контрабанду	164	14	178
За кражу золота на приисках	118	8	126
За подделку и перевод фальшивых ассигнаций и монет	1 245	56	1 301
За оскорбление родителей	69	2	71
За плотские преступления	658	195	853
За разбой и грабеж	4 818	250	5 068
За зажигательство	1 085	833	1 918
За воровство и мошенничество	35 416	5 244	40 660
За ябеды, доносы и лживые поступки	327	31	358
Итого:	68 541	11 305	79 846
<i>II. Сосланные административным порядком</i>			
За бродяжничество	38 656	9 910	48 566
За дурное поведение (свободных сословий)	5 116	1 013	6 129
За дурное поведение (крепостных)	4 197	2 689	6 886
За побег из Сибири	17 805	523	18 328
Итого:	65 774	14 135	79 909
Всего сослано:	134 315	25 440	159 755

* А н у ч и н Е. Указ. соч., с. 28, 24.

заявляет, что подобное «не может служить признаком ухудшения нравственности, а всего более помещичьей власти над крепостными людьми»⁴.

⁴ А н у ч и н Е. Указ. соч., с. 27.

В 1866 г. он пишет, что крепостное право «хотя уже отменено, но быт народа далеко не налажен, а это может привести к увеличению преступности, если не будут приняты меры, „облегчающие жизнь тружеников”».

Более половины всех сосланных по судебным приговорам падает на виновных в воровстве и мошенничестве, что прямо указывает на тяжелые материальные условия преобладающей части населения. Обращает на себя внимание большое число сосланных за убийство, объясняемое наряду с другими причинами тем, что все без исключения виновные в этом тяжком преступлении обязательно ссылались в Сибирь. Из приведенных данных видно, что число сосланных женщин в общем числе ссыльных составляет 15,9%. Отметим, что Е. Анучин подробно исследует преступность женщин, приводя весьма любопытные расчеты и основанные на них соображения. Интересно, что между ссыльными на 100 мужчин приходилось женщин: за детоубийство — 1912, за прелюбодеяние — 492, за супругоубийство — 162, за воровство — 15 и т. д.⁵

Бесправие и забитость русской женщины, насильственная выдача замуж, позор из-за внебрачного ребенка — все это можно увидеть в приведенных данных. Анучин правильно подчеркивает, что не столько физиологические особенности, сколько общественное положение женщины обуславливает различие в преступности полов.

«Там, где женщина более свободна, там разница в степени вероятности преступления между полами уменьшается, и наоборот. Так, в числе сосланных за тяжкие преступления между дворовыми людьми на 100 лиц мужского пола приходится 37,43 женщины, а между купцами — 5,37. Между тяжкими преступлениями протестантского вероисповедания на 100 мужчин приходится 31,77 женщин, а между магометанами — 1,83 женщины». «Невыгодность условия общественного положения женщины, а не физиологические особенности ее организации — вот, в частности, причина детоубийства, когда вся вина незаконной половой связи падает на женщину»⁶.

В работах тех лет дается характеристика преступников и по другим признакам: возрасту, грамотности, национальности и др. Анализ этих признаков проводился отдельными авторами, исходя из их политических взглядов.

В исследовании преступности дореформенной России особый интерес представляет распределение осужденных по классовому признаку. Так, например, Анучину группировка ссыльных по условиям дала возможность сделать прогрессивный, особенно для того времени, вывод:

«Преступнейшими оказываются именно те сословия, которые находятся в самых неблагоприятных экономических условиях, и,

---

⁵ Там же, с. 32.

⁶ Анучин Е. Указ. соч., с. 36, 38.

напротив, самыми нравственными оказываются именно те, которые наиболее обеспечены с материальной стороны»⁷.

Для выяснения роли сословий в совершении отдельных преступлений он приводит таблицу (мы даем ее в сокращенном виде — табл. 2).

Как видно из этой таблицы, из 100 сосланных за все преступления приходилось: на высшие сословия (дворяне, духовенство, купцы) — 3,46, а на низшие (крестьяне, мещане, солдаты) — 96,54.

Весьма любопытно, что если из общего числа сосланных за все преступления 2,43% составляли дворяне, то в государственных преступлениях участие дворян выражалось в 63,05%, т. е. превышало среднюю почти в 26 раз!

Здесь необходимо иметь в виду, что бурное развитие капитализма в России, подтачивающее устой крепостного хозяйства, приводило к «оскудению» значительных слоев дворянства, которые не смогли приспособиться к новым экономическим условиям и разорались.

Выбитая из привычной колеи «привольной и барской жизни», часть этих дворян поступала на государственную и общественную службу, где нередко шла на всякие аферы с целью «позолотить свой герб», часть превращалась в авантюристов, искателей легкой наживы, и затем нередко попадала на скамью подсудимых.

«Два условия приводят к большому распространению преступности среди дворянства — экономическое положение некоторых слоев дворянства и несоразмерность потребностей этого сословия с его средствами. Надо заметить, что в 40-х годах из 127 103 помещиков — мелкопоместных было 108 937, или 88,9%. $\frac{2}{5}$ всех помещичьих имений с $\frac{2}{3}$ всех крестьян было заложено в государственно-кредитных учреждениях, не говоря об имениях, заложенных в частные руки»⁸.

Любопытно, что при среднем проценте представителей духовенства в общем числе сосланных, выражавшемся в 0,78%, процент данного сословия среди сосланных за святотатство, т. е. за похищение предметов церковного культа и всякого другого церковного имущества, достигал 17,19%, следовательно, превышал среднюю более чем в 22 раза. Наряду с другими причинами немалую роль здесь играло материальное положение низшего духовенства, а также далеко не высокий нравственный религиозный уровень многих «блюстителей веры», легко нарушающих ими же защищаемые каноны. Это подтверждается также тем, что среди сосланных за преступления против веры духовенство занимало 2,86%, т. е. почти в 4 раза превышало среднюю, а за подделку документов — 1,89%. Небезынтересно отметить, что по проценту среди ссыльных за изнасилование духовенство более чем в 2 раза превышает свою среднюю. Как мы уже говорили, крепостническое государство в борь-

⁷ Анучин Е. Указ. соч., с. 104.

⁸ Анучин Е. Указ. соч., с. 112.

Таблица 2

Процентное соотношение между сословиями по различным категориям ссыльных*

	Дворяне	Духовенство	Купцы	Мещане	Государственные крестьяне	Владельческие крестьяне	Военные сословия	Вообще	
								высшее сословие	нижнее сословие
На 100 сосланных вообще приходится	2,43	0,78	0,25	7,89	36,63	43,14	8,87	3,46	96,54
На 100 ссыльных:									
За преступления против веры	2,86	2,86	1,71	2,28	64,57	7,43	18,28	7,43	92,57
За святотатство	1,98	17,19	0,47	8,83	24,95	27,06	19,52	19,64	80,36
За государственные преступления	63,05	—	—	6,40	12,32	4,93	13,30	63,05	36,95
За возмущение и неповиновение властям	1,56	0,24	0,18	2,28	35,23	52,82	7,68	1,98	98,02
За побег за границу	1,35	1,35	—	6,76	33,79	54,05	2,70	2,70	97,30
За побег из службы и из-под стражи	0,12	0,12	—	1,27	22,93	15,05	70,51	0,24	99,76
За преступления по службе	33,33	—	0,70	11,81	51,38	2,79	—	34,03	65,97
За убийство посторонних	1,37	0,59	0,23	3,67	37,27	38,47	18,40	2,19	97,81
За убийство родителей	5,08	—	—	6,78	57,66	25,40	5,08	5,08	94,92
За убийство мужа или жены	1,91	0,48	—	0,91	50,34	37,41	7,64	2,39	97,61
За убийство других родных	4,41	—	0,74	1,47	45,59	39,71	8,08	5,15	94,85
За детоубийство	0,85	0,42	—	2,55	43,04	36,87	16,32	1,27	98,73
За самоубийство	0,86	—	—	3,45	31,03	54,31	10,35	0,86	99,14
За подделку документов	10,06	1,89	0,30	9,46	22,18	50,68	5,44	12,25	87,75
За изнасилование	3,59	1,80	—	4,94	40,35	23,77	25,57	5,39	94,61

* См.: Анучин Е. Указ. соч., с. 71.

бе с опасными для него людьми применяло в значительных размерах и внесудебную расправу в форме административной ссылки, причем почти исключительно против представителей низших сословий. Так, по вычислению Анучина, в общем числе ссыльных в административном порядке сослано «за дурное поведение — дворян — 2,75, духовенство — 11,0, государственных крестьян — 14,86, мещан — 15,12 и помещичьих крестьян — 25,61 %»⁹. Здесь не ставится вопрос об интенсивности преступности у отдельных сословий. Ясно, что абсолютные величины преступлений (количество ссыльных) были бы здесь непригодны, поскольку численность таких сословий в населении различна. Поэтому автор прибегает к помощи обобщающих показателей, вычисляя коэффициенты преступности. Если взять ссыльных мужчин только за тяжкие преступления, «то на 100 тыс. населения сословия по этим преступлениям располагаются в таком порядке (среднее за 20 лет — 1827—1847 гг.): солдаты — 710, заводские и фабричные — 686, дворовые — 584, однодворцы — 542, военные поселяне — 498, дворяне — 306, мещане (горожане) — 290, государственные крестьяне — 257, помещичьи крестьяне — 257, духовенство — 163, купцы — 150»¹⁰.

Эти обобщающие показатели дали возможность Е. Анучину сделать вывод об очевидном совпадении двух моментов: степени преступности со степенью материального благосостояния.

Кризис крепостнического хозяйства особо обострился в конце 50-х годов после поражения России в Крымской войне. Вековые устои хозяйства и основанные на нем политические, социальные и правовые отношения были подорваны. Царское правительство, напуганное движением «снизу», готовится проводить и проводит реформы «сверху», облегчающие превращение России из крепостнической в капиталистическую. Выбитые из привычной жизненной колеи, огромные массы народа, в первую очередь крестьяне, а также многие представители дворянства (особенно провинциального) не всегда могут приспособиться к новой социально-экономической обстановке. Материальное положение преобладающего большинства трудящегося населения и значительной части привилегированных сословий резко ухудшается.

Все это, как мы уже говорили, не могло не способствовать росту преступности.

И действительно, если обратиться к официально опубликованным материалам того времени, то при всех их недостатках мы видим значительное увеличение числа подсудимых и осужденных (табл. 3).

Как видим, с 1857 по 1865 г. число подсудимых увеличилось на 1/3, а число осужденных более чем в 1,5 раза. Конечно, в определенной степени на это увеличение оказало влияние введение с 1860 г. в судах судебных следователей, что привело к более тща-

⁹ Анучин Е. Указ. соч., с. 83.

¹⁰ Там же, с. 103—104.

Таблица 3

*Движение числа подсудимых и осужденных
(в тыс. человек) с 1857 по 1865 г.**

	1857 г.	1858 г.	1859 г.	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.
Подсудимых	383,2	404,1	422,6	393,0	433,5	456,3	458,4	458,1	510,5
Осужденных	60,4	70,7	74,2	72,5	79,7	83,5	88,7	94,4	94,0

* Военно-статистический сборник, вып. IV. Спб., 1871, с. 898.

тельному расследованию, а отсюда к росту числа возбужденных уголовных дел. Но несомненно, основной причиной роста преступности явилось не процессуальное нововведение, а резкое изменение всей экономической обстановки в результате свершившегося в стране экономического переворота. Существенно, что за эти годы в общем итоге преступлений резко возросли кражи и мошенничества, порубки казенных лесов и государственные преступления (увеличение последних, наряду с другими причинами, объясняется также большим числом привлеченных к уголовной ответственности за участие в польском восстании 1863—1864 гг.). Весьма характерна структура преступлений, которая видна из табл. 4, отражающей среднегодовые числа осужденных по отдельным видам уголовных нарушений за 1860—1867 гг. (табл. 4).

Из приведенной таблицы видно, что более $\frac{2}{3}$ всех уголовных нарушений за рассматриваемое восьмилетие падало на имущественные преступления: на кражу и незаконную порубку казенных лесов, причины которых коренились в тяжелых материальных условиях населения. Любопытно, что даже составители «Военно-статистического сборника» объясняют порубку леса следующим образом. «Нарушение уставов о казенных лесах есть в большинстве случаев тоже воровство, которое в народных понятиях не имеет никакого преступного значения и очень часто вынуждается бедностью крестьян и крайним обременением их платимыми в казну налогами»¹¹. С этим вполне можно согласиться. Что касается кражи, то здесь совершенно справедливо утверждение М. Филиппова. «Этот род преступлений вызывается обыкновенно экономическим бытом народа, так что чем менее в нем пролетариев, тем меньше и число воров»¹². Второе место по численному значению занимали государственные преступления, где доминировало бродяжничество и нарушение паспортной системы, что опять-таки упиралось в неустройство экономического быта, в совершенно нетерпимые правовые условия. В общем итоге государственных преступлений значи-

¹¹ Военно-статистический сборник, вып. IV, с. 904.

¹² Филиппов М. О судебной статистике в России.— «Русское слово», 1864, июнь, с. 151.

Таблица 4

Структура преступности и среднегодовое число осужденных за 1860—1867 гг.*

Виды преступлений	Среднегодовое число осужденных за 1860—1867 гг.	В процентах к общему числу осужденных
1. Против религии	1 506	1,8
2. Против законов внутреннего устройства государства	16 336	19,5
В том числе:		
а) бродяжничество и нарушение паспортной системы	6 094	7,2
б) против верховной власти, государственной службы и органов верховной власти	5 599	6,6
3. Против личности	9 769	11,7
4. Против собственности государства	26 103	32,3
В том числе:		
а) против уставов о казенных лесах	24 326	28,9
5. Против частной собственности	28 228	33,7
В том числе:		
а) воровство-кража	22 505	30,4
б) воровство-мошенничество	3 020	1,1
Итого:	83 142	100,0

* Военно-статистический сборник, вып. IV, с. 904.

тельное место ($\frac{1}{3}$) занимали преступления против верховной власти, что характеризовало постоянную политическую борьбу «недовольных» против дворянского государства.

Чрезвычайно интересны данные об участии отдельных сословий в преступлениях за 1860—1865 гг., что видно из табл. 5.

При всей несравнимости этих показателей и относительности характеристики сословий классовой принадлежности осужденных можно констатировать, что на первом месте по интенсивности преступности были наименее обеспеченные слои населения, потерявшие связь с деревней, живущие впроголодь, или, с другой стороны, лица, желающие с помощью афер упрочить свое материальное положение. Не следует забывать, что в эти годы доля дворян в общем числе политических преступников была значительной. Действительно, «дети чиновников низших степеней», как указано в «Военно-статистическом сборнике», ремесленники и цеховые, мещане, личные дворяне — все это в большинстве своем люди, ведущие постоянную борьбу с нуждой, представители городской бедноты или мелкого чиновничества. Крестьяне, занимая доминирующее положение в абсолютном числе осужденных, по интенсивности преступности находятся на одном из последних мест. В дальнейшем, когда разложение крестьян под влиянием развития капита-

Таблица 5

Распределение числа лиц, совершивших преступления,
по отдельным сословиям*

Звания	Среднегодовое число осуж- денных за 1860—1867 гг.	На сколько чело- век населения дан- ного сословия при- ходится один осужденный
Всего:	83 142	—
В том числе:		
дворян потомственных	766	1014
дворян личных	722	475
духовенства	190	3684
почетных граждан	106	396
купцов	843	639
мещан	9 324	498
ремесленников и цеховых	649	463
крестьян государственных и удельных	41 036	739
крестьян временнообязанных (бывших поме- щичьих)	23 487	1126

* Военно-статистический сборник, вып. IV, с. 906.

лизма примет все более и более острые формы, когда обезземеливание и разорение погонят их в города на фабрики и заводы, где не всегда можно будет получить работу, тогда уголовная преступность крестьян резко возрастет. Изменится по составу своих участников и политическая преступность. Пролетариат, в недалеком будущем, выйдет на политическую арену. Освободительное движение резко демократизируется, и дворянство, занимающее первое место в этом движении, а за ним и либералы перейдут почти полностью на сторону реакции. Рассматривая приведенные коэффициенты преступности, надо иметь в виду их относительность. Здесь необходимо принимать во внимание и абсолютные числа, ибо более $\frac{9}{10}$ общего числа осужденных царским судом были выходцами из низших сословий, главным образом крестьян. Небезынтересно также при исследовании данного вопроса выяснить движение преступности по отдельным сословиям и тем самым определить темпы их вовлечения в преступность. В «Статистическом временнике Российской империи»¹³ приведены сведения о движении осужденных по сословиям с распределением их по главным видам преступлений за 1860—1863 гг. При рассмотрении этих сведений следует учесть два обстоятельства: во-первых, они включают осужденных не только гражданскими, как было в предыдущих таблицах, но и военными судами, и, во-вторых, в 1863 г. происходило польское восстание, что привело к резкому увеличению государственных

¹³ Статистический временник Российской империи, ч. 1. Спб., 1866.

преступлений. Поскольку здесь дана группировка преступности по отдельным видам, мы можем видеть, за счет чего увеличиваются их общие итоги (табл. 6).

Как видно из табл. 6, общее число осужденных возросло всего лишь за три года почти на одну треть (с 79,0 до 104,0 тыс. человек), причем особенно интенсивно — почти на 40% — увеличилось государственные преступления (против личности государства), кражи казенного леса — в 1,5 раза (против собственности государства) и воровство — немногим менее $\frac{1}{3}$ (против частной собственности). Возникает вопрос: каковы темпы роста осужденных за это время по их сословной принадлежности?

Мы не будем останавливаться на структуре осужденных по отдельным сословиям, ибо уже известно — раз численность низших сословий, живущих в тяжелых материальных и правовых условиях, доминирует в общем количестве населения, то, очевидно, она будет доминировать и в общем числе осужденных. Так оно и есть — привилегированные сословия в табл. 6 занимают среди осужденных не более 4—5%. Но нас интересует вопрос, какое сословие наиболее интенсивно втягивается в сферу преступности. Для ответа на этот вопрос мы должны оставить в стороне группу политических преступников, идущих в таблице под рубрикой «лица гражданского звания, осужденные военным судом», число которых возросло более чем в 12 раз (с 412 до 4952), что объясняется главным образом расправой царского правительства с участниками польского восстания, и по тем же соображениям не учитывать группу «военных». Как видим, рост осужденных этих групп протекал за счет государственных преступлений, что само по себе является яркой иллюстрацией силы освободительного движения начала 60-х годов прошлого столетия.

Однако мы не знаем, к какому сословию принадлежали осужденные двух таких групп, как военные и лица гражданского звания, осужденные военным судом, хотя вероятнее всего, что значительная часть из них относилась к низшим сословиям: солдатам, разночинцам, крестьянам.

Рассматривая темпы роста осужденных других групп, мы видим, что эти темпы наиболее интенсивны у крестьян государственных — увеличение почти на $\frac{1}{3}$ и крестьян временнообязанных (бывших помещичьих) — около 40%. Если из общего числа осужденных исключить осужденных за государственные преступления, поскольку 1863 год не является характерным и обычным для этого вида преступлений, то темпы роста осужденных крестьян будут еще значительнее, они превышают средние темпы по всему итогу осужденных, а следовательно темпы роста других сословий. Даже без соответствующей корректировки на число политических преступлений мы видим, что количество осужденных из духовного звания сократилось, а дворян увеличилось почти на 17%. Правда, очень значителен рост числа осужденных, проходящих по группе купцов и почетных граждан, — более чем на 40%. Но здесь объединены

Таблица 6

Число осужденных по сословиям с распределением по главным родам преступлений*

Сословия	Против религии		Против личности государства		Против собственности государства		Против личности		Против частной собственности		Итого	
	1860 г.	1863 г.	1860 г.	1863 г.	1860 г.	1863 г.	1860 г.	1863 г.	1860 г.	1863 г.	1860 г.	1863 г.
Итого:	1765	1123	21 408	28 197	19 183	28 413	9337	10 403	27 336	36 895	79 029	10 403
Из них:												
дворян	9	18	536	582	80	86	325	338	327	450	1 277	1 474
военных	49	55	3 874	6 972	147	180	550	746	2 347	3 557	6 967	11 510
духовных	16	30	34	27	17	16	31	29	88	68	186	170
купцов и почетных граждан .	18	20	249	324	78	144	173	211	222	338	740	1 037
крестьян казенных и удельных	1259	657	5 992	6 248	14 891	20 200	3434	3 689	9 349	13 145	34 925	43 939
крестьян временнообязанных .	255	229	3 904	4 668	3 036	6 488	2528	3 166	9 877	12 442	19 600	26 993
лиц гражданского звания, осужденных военным судом	1	3	278	4 783	36	34	41	44	56	88	412	4 952
скрывших свое происхождение	9	2	4 017	2 332	150	51	202	98	549	370	4 927	2 853
мещан и цеховых	144	91	2 241	1 801	637	1 106	1712	1 822	3 827	4 589	8 561	9 409

*Статистический временник Российской империи, ч. 1. Спб., 1866, с. 19 (таблица дана в сокращенном виде).

далеко не однородные категории населения, почему такой рост мало показателен. Расшифровывая подвиды преступлений данной группы, мы видим, что большой удельный вес занимают нарушения торговых уставов, мошенничества, банкротства, оговоры, т. е. уголовные нарушения, специфические для представителей коммерции. Значительная доля осужденных из купцов и почетных граждан ($\frac{1}{3}$ их общего числа) участвует в государственных преступлениях, хотя во всем количестве осужденных за такие преступления они занимают немногим более 1%.

Итак, наиболее интенсивно увеличивается число осужденных крестьян, причем особенно за счет краж. Например, число осужденных за кражу казенного леса возросло за три года среди бывших помещичьих крестьян более чем в 2 раза (с 3,0 тыс. до 6,5 тыс. человек), а среди государственных крестьян почти на 40% (с 14,8 тыс. до 20,2 тыс. человек). Весьма значителен рост осужденных крестьян и за другие виды кражи (против частной собственности). Все это говорит о том, что низшие сословия не только по своему удельному весу в общем количестве осужденных, но и по темпам роста преступности превышали аналогичные показатели привилегированных сословий. Причина такого превышения очевидна: материальные условия жизни дворянско-крепостнического государства того времени.

Здесь важно подчеркнуть, что характерной особенностью движения преступности в России, как и в Западной Европе, за рассматриваемый нами период являлось превышение темпов роста преступности над темпами роста населения. Такая тенденция, установленная еще 100 лет назад классиками марксизма, приводила к все большему вовлечению отдельных слоев общества, главным образом неимущих, в орбиту преступности.

Следует отметить, что в русской уголовно-статистической литературе впервые на это важное обстоятельство обратил внимание П. Ткачев¹⁴. Развивая тезис о том, что наказание не может уменьшить преступность, поскольку она «зависит от неурядицы и неустройства в экономической и социальной жизни народа», которую необходимо в корне изменить, П. Ткачев обосновывает его статистическим материалом. Строгость наказаний влечет не к снижению, а к росту преступлений. Следовательно, не наказаниями надо лечить общество от растущей преступности. Автор отмечает, основываясь на анализе статистических показателей о числе осужденных за 1858—1861 гг. и приросте народонаселения, что темпы этого прироста значительно отстают от темпов увеличения преступности.

«Ежегодно прибавлялось подсудимых на 30 079 человек. Это значит, что процент приращения преступлений за 4 года равняется 7,8%, или ежегодного приращения 1,95%, т. е. почти 2%. Тогда как процент, по которому возрастало народонаселение, был, как доказывает Кольб («Руководство к сравнительной статистике», т. 1),

¹⁴ Ткачев П. Статистические этюды.— «Библиотека для чтения», 1863, № 10.

менее 1% (0,95). Факт такого чрезмерного приращения преступлений, вдвое превышающий приращение народонаселения, поистине грустный факт»¹⁵.

Отсюда П. Ткачев делает такой вывод: «Репрессивные меры вроде уголовного наказания не в состоянии не только уничтожить, но даже и уменьшить это зло, все эти меры направлены против последствий известных причин, а не против самих причин; они остаются нетронутыми, а пока не будут ослаблены причины, до тех пор зло, ими производимое, не уменьшится»¹⁶.

Рассматривая основные показатели движения преступности в России до судебной реформы, следует упомянуть те меры, которые принимало царское правительство против «нарушителей закона».

По этому вопросу в отчетах министерства юстиции некоторые данные касались лишь судебной репрессии. Вполне понятно, что значительное число лиц подвергалось наказаниям во внесудебном порядке, как например, расправа помещиков над своими крестьянами, полицейский произвол, особенно в отношении «простолудинов», высылка «неблагонадежных» административным путем и т. д. Следовательно, приводимые показатели не отражали истинной картины карательной деятельности царского правительства. Кроме того, в статистических отчетах министерства юстиции отсутствовали данные о деятельности военных судов, рассматривающих преступления военных и политические преступления «лиц гражданского звания». Для уголовного процесса николаевской России при огромных размерах внесудебной репрессии было характерно широкое привлечение к уголовной ответственности без достаточных оснований, когда с точки зрения полицейских или прокурорских органов в действиях привлекаемых лиц усматривалось какое-либо нарушение закона. Напомним также, что до 1860 г. вся следственная деятельность сосредоточивалась в полиции. По данным отчетов министерства юстиции, число осужденных по отношению к общему количеству подсудимых не превышало 25—30%, а число оправданных было даже несколько больше, чем число осужденных. Значительное количество оправданных, так же как и подсудимых, оставшихся в подозрении (свыше 10%), объяснялось тем, что дореформенный суд руководствовался в своей деятельности теорией формальных доказательств. Отсюда зачастую он имел в наличии против подсудимого лишь несовершенно доказательства, недостаточные для вынесения обвинительного приговора.

Рассмотрим некоторые данные, иллюстрирующие классовый характер судебной репрессии в дореформенной России (табл. 7).

Наибольший процент оправдания приходился, естественно, на дворян и купцов. Можно предположить, что имущественное положение купечества при чрезвычайно развитом взяточничестве судей спасало их от осуждения даже больше, чем дворян их родовитость.

¹⁵ Ткачев П. Указ. соч., с. 30.

¹⁶ Там же, с. 17.

Таблица 7

Количество и процент оправданных и осужденных по различным сословиям за 1834—1845 гг.*

Название сословий	Оправдано	Осуждено	Всего	Процент оправдан-ных	Процент осужден-ных
Дворяне	23 678	18 183	41 861	56,5	43,5
Почетные граждане и купцы .	7 112	3 901	11 013	64,6	35,4
Ремесленники и мастеровые ка- зенных заводов	2 325	3 868	6 193	37,5	62,5
Крестьяне государственные . .	110 260	141 932	252 192	43,7	56,3
Крестьяне помещичьи	82 997	117 562	200 559	41,4	58,6

* Материалы статистики России, собранные по ведомству государственного имущества, вып. VI. Спб., 1871.

Надо учесть, что с большинством крестьян помещики расправлялись сами без суда, так что приведенные данные о крестьянах резко занижены.

Значение классовой принадлежности с еще большей наглядностью обнаруживается из рассмотрения процента осуждения и оправдания по отдельным преступлениям (табл. 8).

Таблица 8

Процент оправданных и осужденных за различные преступления за 1834 г.*

Название преступлений	Оправдано	Оставлено в подозре- нии	Передано в низшие инстанции	Присужде- но к нака- занию	Всего
Злоупотребление помещичьей властью	42,1	3,6	4,3	50,0	100
Неповиновение крестьян поме- щикам	18,5	5,5	4,3	71,7	100
Бродяжничество	5,3	1,4	5,0	88,3	100

* См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 2. М., 1951, с. 514.

Разница в проценте осужденных и особенно оправданных между привилегированными и низшими сословиями очень велика. Несмотря на то что помещики попадали под суд за жестокое обращение с крестьянами в самых исключительных случаях, лишь половина из них признавалась виновными. Вполне понятно, что совсем другая картина наблюдалась в отношении широких трудящихся масс. Надо заметить, что до судебной реформы 1864 г. особенности судебного рассмотрения уголовных дел, характерные для эпохи Николая I, почти не изменились. Произвол судей проявлял-

ся в широких размерах. Как и ранее, огромное место занимала внесудебная репрессия. По данным «Военно-статистического сборника» (с. 899) за 1860—1865 гг., среднегодовое число подсудимых равнялось 434,5 тыс. человек, из них было оправдано 120,8 тыс. человек, или около 28%, осуждено 84,0 тыс. человек, или около 20%, обращено к административному разбирательству 78,3 тыс. человек, или 18%, оставлено в подозрении 50,3 тыс. человек, или почти 12,5%, дела остальных подсудимых были рассмотрены в следующие годы.

Из общего числа осужденных 32,6% (27,3 тыс. человек из 84,0 тыс.) было приговорено к тяжким наказаниям (каторжные работы, арестантские работы, на поселение в Сибирь и пр.), более 20% (17,2 тыс. человек) — к тюремному заключению. Остальные — к более легким наказаниям¹⁷.

Надо заметить, что с конца 50-х годов случаи ссылки в Сибирь становятся реже, а приговоры к тюремному заключению чаще (удельный вес тюремного заключения возрос с 3,8% в 1860 г. до 23,5% в 1866 г.)¹⁸. Это требовало кардинального улучшения всей пенитенциарной или тюремной системы, которая поистине находилась в плачевном состоянии. Известные публицисты, юристы, писатели уделяют данному вопросу много внимания¹⁹.

---

¹⁷ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 2. М., 1951, с. 907.

¹⁸ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 2, с. 526.

¹⁹ См., например: Ткачев П. Современное положение наших тюрем.— «Журнал министерства юстиции», 1863, № 9.

Исследование преступности и ее причин в России в период промышленного капитализма

Период промышленного капитализма в России характерен существенными изменениями в политической, правовой и культурной жизни страны. В 1861 г. была принята крестьянская реформа, которая, по характеристике В. И. Ленина, была порождена всем ходом экономического и политического развития, втягивающего Россию на путь капитализма. Объективный ход этого развития привел к созданию в стране к концу 50-х годов XIX в. революционной ситуации. Стремясь предотвратить революцию, царское правительство, получившее двойной удар извне (поражение в Крымской войне) и изнутри (рост массового крестьянского движения), вынуждено было «освободить» крестьян «сверху», так как понимало, что в противном случае крепостное право будет свергнуто «снизу».

«1861 год, — писал В. И. Ленин, — породил 1905»¹. Вполне понятно, что период промышленного капитализма в России, характеризующийся обострением классовых противоречий и обнищанием широких трудящихся масс, знаменателен также непрерывным ростом преступности.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.

Анализ показателей преступности до новой организации уголовной статистики (1871 г.)

Рассматривая показатели преступности в пореформенной России, мы вынуждены ограничиться периодом с 1874 г., когда был составлен первый «Свод», охватывающий 33 губернии Европейской России, входящие в район 6 судебных округов, организованных в соответствии с судебной реформой 1864 г. Так и поступает Е. Н. Тарновский в работе «Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг.»¹, являющейся единственной в русской пореформенной уголовной статистике работой, содержащей сводные сопоставимые данные о преступности за 20-летний период. К этим данным мы далее и обратимся. Было бы любопытно иметь соответствующие материалы о движении преступности за время с 1861 по 1874 г., которые, казалось бы, можно было получить из ежегодных отчетов министерства юстиции. К сожалению, это не представляется возможным в связи с полной несопоставимостью таких материалов в различные годы и отсутствием единой системы составления статистических отчетов министерства юстиции до начала 70-х годов. Новая система уголовной статистики была организована только с 1871 г. Она давала четкую характеристику деятельности органов юстиции и состояния преступности. Надо добавить, что до 70-х годов в отчеты министерства юстиции включались разнообразные показатели, как например, число уголовных дел, рассматриваемых старыми еще пореформенными судами, а также новыми, организованными в соответствии с судебными уставами 20 ноября 1864 г. и некоторыми другими — волостными, коммерческими и пр. Причем в одни годы деятельность старых судов была показана в отчетах, а в другие — нет. То же относится и к новым судам. Так, например, в отчете министерства юстиции за 1866 г. читаем:

«В отчетном году судебная реформа была введена в двух столичных округах, деятельность которых не показана в прилагаемых ведомостях из-за отсутствия соответствующих сведений. Остальные ведомости отмечают делопроизводство прочих губернских судебных мест»².

В отчете же 1867 г. деятельность новых судов отражена полностью, но отсутствуют показатели по волостным и коммерческим судам. Вполне понятно, что сравнение итоговых показателей таких годовых отчетов не представляется возможным в силу несопос-

¹ См.: Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг. Спб., 1899.

² Отчет министерства юстиции за 1866 г. Спб., с. 3.

вимости имеющихся там данных. Однако каждый из этих отчетов в пределах того или иного вида суда отмечал значительный рост числа уголовных дел и подсудимых против прошлого года, что позволяет подтвердить тот бесспорный вывод, что бурное развитие капитализма в России после реформы 1861 г. сопровождалось систематическим ростом преступности. Так в отчете министерства юстиции за 1865 г., т. е. еще до организации новых судов, отмечается, что «сравнительно с 1854 г. число подсудимых увеличилось на 52 384 чел., или почти на 12%»³.

В отчете за 1867 г. указано:

«В двух столичных округах, где в 1866 г. была введена судебная реформа, за отчетный год выросла в большой пропорции численность уголовных дел, подсудимых и обвиненных, что имело место во всех других губернских судебных местах, где судебная реформа пока не введена»⁴.

Таким образом, налицо ежегодное увеличение преступности. В этом отношении Россия почти ничем не отличалась от других западноевропейских стран, вступивших на путь капиталистического развития, который, обрекая большинство населения на безработицу, голод и бесчеловечную эксплуатацию, неминуемо приводил к росту преступности, являвшейся, как известно, неизбежным спутником капитализма. Чтобы охарактеризовать более конкретно состояние преступности пореформенной России до 1874 г. (когда уже имелись указанные сопоставимые данные, мы можем обратиться к работе В. А. Новаковского⁵. В ней автор приводит итоговые данные о числе подсудимых и обвиненных, взятые им непосредственно из архивов министерства юстиции и сведенные раздельно по общим и мировым судам. К сожалению, В. Новаковский не сообщает методов объединения своих итоговых данных, но ясно, что, объединяя показатели, характеризующие деятельность старых и новых судов, он не принимает во внимание происшедшие различия уголовно-процессуального характера. Сделать какие-либо выводы о движении преступности не представляется возможным не только в связи с несопоставимостью сведенных Новаковским данных, но и потому, что он приводит лишь 10-летние итоги без подразделения их по годам. Однако, принимая во внимание, что уголовное законодательство царской России того времени оставалось в основном прежним, дореформенным, можно на основании сводных 10-летних итогов о числе подсудимых получить более или менее ясное представление о структуре преступности.

Из указанной книги следует, что с 1861 по 1871 г. общее число подсудимых во «всех общих судах» составило 2 991 543 человека (в это число не вошли подсудимые в мировых судах, которые

---

³ Отчет министерства юстиции за 1865 г., с. 12.

⁴ Отчет министерства юстиции за 1867 г., с. 7.

⁵ См.: Новаковский В. А. Опыт подведения итогов уголовной статистики с 1861 по 1871 г. Спб., 1891.

стали постепенно организовываться начиная с 1866 г.). Принимая приведенное число подсудимых за 100%, отмечаем, что наибольший удельный вес занимали следующие виды преступлений: против собственности частных лиц — 35,45%; против имущества и доходов казны (главным образом хищение казенного леса) — 30,30%; против благоустройства и благочиния (буйство, драки, брань, пьянство и пр.) — 12,05%; против личности — 10,91%; против порядка управления и суда (фальшивомонетничество, лжеприсяга, оскорбление полиции, неплатеж налогов и сборов и пр.) 5,05% ⁶.

Как видим, приведенные пять категорий преступлений составляли более 90% общего итога, причем почти 66%, т. е. $\frac{2}{3}$ падало на имущественные преступления, что прямо указывало на основную причину их совершения — крайне тяжелое материальное положение большинства населения страны. Тоже подтверждали показатели подсудимых и обвиненных мировыми судами, приводимые Новаковским за 6 лет, — с 1866 по 1871 г. Здесь общее число подсудимых было равно 1 439 435 человек, из них к судебной ответственности привлекались: за хищение и повреждение леса — 22,21%, за кражи, мошенничество и обман — 16,43, за самовольное пользование чужим имуществом и повреждение оно — 5,37, за нарушение устава о паспортах — 6,19% ⁷.

Такова структура преступности за десятилетие после крестьянской реформы, способствующей интенсивному развитию капитализма в России, в условиях сохранения многочисленных сословно-дворянских привилегий. Это, в свою очередь, привело к обострению целого ряда противоречий и, в частности, к значительному увеличению уголовнонаказуемых по царскому законодательству деяний.

А что же представляло собой состояние преступности в последнюю четверть прошлого века? Для характеристики этого периода приведем данные, взятые из уже упомянутой работы Е. Тарновского, рассматривающего движение преступности за 1874—1894 гг. Но прежде чем переходить к исследованию указанных данных, необходимо обратить внимание на ряд вопросов уголовно-статистического и уголовно-процессуального характера, без решения которых исследование преступности будет весьма затруднительно.

При анализе преступности, определения ее объема неизбежно возникает вопрос об единицах измерения преступности, в качестве которых могут использоваться как уголовные дела, или, вернее, число зарегистрированных преступлений, так и лица, выявленные в их совершении (осужденные, обвиняемые). Какой же из этих измерителей наиболее правильно отражает объем и движение преступности? По данному вопросу в свое время высказывались многие авторы.

Так, В. Срезневский, юрист и статистик, полагал, что наиболее четким показателем для характеристики преступности населения

⁶ См.: Новаковский В. А. Указ. соч., с. 6—10.

⁷ Новаковский В. А. Указ. соч., с. 19—20.

является число преступлений, совершенных одним лицом. «Важно деяние, — правильно писал В. Срезневский, — причем безразлично, удалось ли судебной власти обнаружить лицо, виновное в совершении сего злодеяния, или нет: факт злодеяния существует, а следовательно, существует и лицо, быть может и необнаруженное»⁸. Далее Срезневский отмечает, что только в Германии и Швеции имеется правильный учет уголовных деяний, который, к сожалению, отсутствует в большинстве других стран, в том числе и в России.

То же подчеркивал и Л. Ходский, профессор статистики Петербургского университета. «При совокупности преступлений, совершенных одним лицом, — пишет он, — например, 4 воровства — в Австрии, Бельгии, Франции, Венгрии, России — принимают во внимание только преступника и регистрируют одно преступление; в Германии и Швеции — 4 воровства, т. е. 4 преступления»⁹.

Не приводя высказываний других авторов того времени, укажем на то, что, на наш взгляд, наиболее четким измерителем объема и динамики преступности явилось бы исчисление ее в уголовно-правовых нарушениях, деяниях, совершенных одним лицом¹⁰. Одновременно вести тщательный учет лиц, выявленных в совершении преступлений. Не касаясь других вопросов, связанных с единицами измерения преступности, как, например, вопроса о так называемом научно-познавательном значении материалов уголовной статистики, что выходит за рамки нашей темы, посмотрим, какие же показатели брались за мерилу преступности при ее характеристике за данный отчетный год? В этой связи Е. Тарновский правильно писал, что «предпочтительнее брать число ежегодно возникающих уголовных дел, так как оно более соответствует числу ежегодно совершаемых преступлений, чем число осужденных. Сроки продолжительности рассмотрения у нас уголовного дела, — поясняет он, — оканчивающегося судебным приговором по существу, приблизительно от 8 до 10 месяцев... Таким образом, из числа осужденных каждый год лиц лишь незначительная часть совершили преступления в текущем году. В сущности, число осужденных может служить показателем преступности за предшествующий отчетному год, причем еще следует принять во внимание, что есть известный процент лиц, дела о которых тянутся более 1 года и даже более 2 и 3 лет... число осужденных несомненно меньше числа преступников вообще, считая и тех, которые, совершив преступление, успели скрыться или вообще остались неизвестными суду и полиции»¹¹.

---

⁸ Срезневский В. И. Новые сведения о преступности Германии. — «Журнал министерства юстиции», 1897, № 3, с. 22.

⁹ Ходский Л. В. Основы теории и техники статистики. Спб., 1896, с. 161.

¹⁰ См.: Остроумов С. С. Судебная статистика. М., 1976, с. 86.

¹¹ Тарновский Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России. — «Журнал министерства юстиции», 1898, № 8, с. 77—78.

В своей другой работе Тарновский вновь не без оснований считает, что для измерения преступности число возникших дел предпочтительнее числа осужденных и подсудимых, так как относится к определенному (отчетному) году и не зависит от воздействия посторонних, не относящихся к условиям «народной жизни причин», как, например, большой строгости или снисходительности судебной власти — «всемилодивейших манифестов» и пр.¹²

Разделяя доводы Е. Тарновского, надо, однако, иметь в виду, что преступность, измеряемая в числе дел, в известной мере завышалась за счет включаемых в «Свод» тех уголовных дел, которые в дальнейшем прекращались из-за отсутствия состава преступления (ст. 277 Устава уголовного судопроизводства) и которые составляли весьма значительную долю (от 40 до 50%).

При анализе преступности за длительный период одновременно с числом уголовных дел можно пользоваться и числом осужденных. При этом необходимо всегда иметь в виду, что сопоставимость этих показателей может значительно нарушаться в связи с изменениями, происшедшими в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Так, исследуя движение дел или осужденных «в общих установлениях» за последнюю четверть прошлого века, следует учесть, что законом 18 мая 1882 г. было резко уменьшено число уголовных дел, подведомственных этим «установлениям» по наиболее распространенным преступлениям — кража. Указанным законом (ст. 1647 Уложения о наказаниях) значительная часть дел о краже со взломом перешла из окружных к мировым судам. Поэтому при анализе преступности того времени надо или выделить кражу, если рассматривать движение дел и осужденных в общих судах, или соединить вместе число дел и осужденных в общих и мировых судах.

В последнем случае убыль в делах, происшедших в общих судах с 1882 г., компенсируется соответствующим увеличением числа дел в мировых судах. Однако здесь также возникает ряд трудностей. Так, в силу закона от 12 июля 1899 г. о введении судебно-административных учреждений начиная с 1890 г. были освобождены от представления в министерство юстиции сведения об общем числе находившихся в их производстве дел, присылая только справки о судимости лиц, приговоренных к тюремному заключению. Кроме того, как сообщает Тарновский, по мировым судам нет данных за 1874 и 1875 гг., так что сравнение дел и осужденных в общих и мировых судах вместе может быть дано лишь за 14 лет, т. е. с 1876 по 1890 г.

---

¹² См.: Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг.— «Журнал министерства юстиции», 1899, № 3, с. 120.

Анализ показателей движения и структуры преступности за последнюю четверть XIX в.

Е. Н. Тарновский в своей работе «Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг.» приводит четыре динамических ряда уголовных дел, сопоставляя их с движением населения и делая на этом основании ряд выводов, с большинством из которых нельзя согласиться. Прежде всего приведем эти ряды, представляющие несомненный интерес для исследования преступности России (табл. 9).

Е. Тарновский отмечает, что движение числа возникших дел в общих судах (первый ряд) характеризует отставание роста преступности от роста населения, что, конечно, не соответствует действительности. Во-первых, приведенный ряд не дает основания для каких-либо заключений, поскольку он не сопоставим в связи с изменением подсудности краж, а, во-вторых, численность дел в общих

Таблица 9

Динамические ряды уголовных дел*

Год	Общее число дел, возникших у следователей и в прокурорском надзоре	То же, без кражи	Общее число дел, возникших в мировых судах	Общее число дел в общих и мировых судах	Общее число дел, возникших у следователей и в прокурорском надзоре	То же, без кражи	Общее число дел в общих и мировых судах	Рост населения
1874	81 963	47 927	—	—	100	100	—	100
1875	83 076	48 195	—	—	101	101	—	102
1876	84 410	48 146	409 569	493 979	103	100	100	103
1877	88 930	48 554	384 990	473 920	108	101	96	105
1878	97 375	52 825	422 727	520 102	119	110	106	106
1879	99 304	55 756	478 940	578 244	121	116	117	107
1880	108 043	56 281	501 033	609 076	132	117	123	109
1881	108 530	56 644	485 625	594 155	132	118	120	110
1882	96 986	61 411	549 537	646 523	118	128	131	112
1883	82 184	61 237	562 608	644 792	100	128	131	113
1884	83 865	62 709	594 427	678 292	102	131	137	115
1885	87 027	65 640	637 717	724 745	106	137	147	117
1886	86 193	65 196	644 468	730 661	105	136	148	118
1887	88 724	67 199	666 401	755 125	108	140	153	120
1888	86 792	65 766	644 878	731 670	106	137	148	123
1889	88 747	67 141	689 020	777 767	108	140	157	124
1890	90 516	67 433	—	—	110	141	—	126
1891	96 567	69 483	—	—	118	145	—	128
1892	95 499	68 075	—	—	116	142	—	129
1893	93 292	67 192	—	—	114	140	—	130
1894	95 241	68 667	—	—	116	143	—	132**

* Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг. — «Журнал министерства юстиции», 1899, № 3, с. 123.

** Там же, с. 124.

судах не могла служить характеристикой преступности всей страны, ибо охватывала лишь ее часть и притом весьма незначительную.

Понимая слабость своей аргументации при рассмотрении первого ряда, который может быть использован лишь для характеристики «обремененности общих судебных мест», Е. Тарновский считает, что второй ряд, являющийся полностью сопоставимым, наиболее показателен для характеристики преступности.

«Число уголовных дел, за исключением дел о краже, — пишет он, — возрастало более равномерно за все 21 год, так как не подвергалось изменениям вследствие законодательных мер. Это число и может служить одним из лучших показателей движения преступности»¹.

С этим утверждением нельзя согласиться, ибо приведенный ряд, очищенный от наиболее распространенного вида преступлений, — краж не отражает реального движения преступности. Также не пригоден для той цели и третий ряд — движение числа дел в мировых судах, вследствие несопоставимости его данных. Лишь четвертый ряд является более или менее показательным для характеристики движения преступности, характеристики безусловно заниженной, поскольку здесь не отражены многочисленные уголовные дела, рассматриваемые волостными, военными и другими судами. Следует также напомнить, что сюда включены только уголовные дела мировых судов, по которым обвиняемым грозило наказание не ниже тюремного заключения. Дела подобного рода, по замечанию Тарновского, составляли лишь меньшую часть общего числа дел, подлежащих рассмотрению в мировых судах.

При всей своей преуменьшенности четвертый ряд, объединяя число дел общей и мировой юстиции и являясь, следовательно, сопоставимым, дает все же известное представление о динамике преступности. Показатели этого ряда иллюстрируют характерные особенности развития преступности в любой буржуазной стране, в том числе и в России, вступившей позднее других стран на путь капитализма, в условиях сохранения многих дворянско-крепостнических пережитков (эти пережитки накладывали свой отпечаток и на структуру преступности, наличие, например, религиозных преступлений, уголовная наказуемость за нарушение устоев церковного брака и др.). Как известно, такими характерными особенностями (наряду с другими) являлись систематическое возрастание преступности и превышение темпов роста преступности над темпами роста населения. Эти тенденции вполне подтверждают приведенные данные.

«Общее число возникших дел, — писал Тарновский, — как в общей, так и мировой юстиции с 1876 по 1889 г. возросло на 57%; по 4% ежегодно, тогда как население за это время увеличивалось на 1,5% ежегодно, или почти в 3 раза медленнее»².

¹ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 124.

² Там же.

Таблица 10

Движение числа осужденных в общих и мировых судах*

Годы	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
Число осужденных в общих и мировых судах	49 367	47 751	50 287	50 377	51 748	56 401	59 431	61 720	60 428	58 007	61 253	62 233	68 866	72 461	68 114	70 392	78 748
В процен-тах	100	97	102	102	105	114	120	125	122	117	124	126	140	147	138	143	160

Энциклопедический словарь «Гранат», т. 36, ч. V. М., 1922, с. 631—632.

То же самое мы замечаем, обращаясь к рассмотрению движения числа осужденных в общих и мировых судах, что видно из табл. 10.

Разница между абсолютным числом уголовных дел и числом осужденных объясняется тем, что, по расчетам Тарновского, на 100 возникших уголовных дел в общих судах приходилось лишь около 30 осужденных, а по мировой юстиции менее 15 (напомним, что от 80 до 90% всех дел общих и мировых судов падало на последние). Значительное число дел прекращалось из-за отсутствия состава преступления, вследствие необнаруживания виновных и «всемилоостивейших манифестов», что также следует принять во внимание. Об «отсутствии осторожности в обвинении», о недостаточном основании для возбуждения уголовного дела как одной из главных причин высокого процента оправданий, говорили многие юристы того времени при рассмотрении деятельности судов.

Итак, преступность в рассматриваемый нами период систематически увеличивалась, что подтверждается не только движением числа возникших дел, но движением числа осужденных (так называемая «наказанная преступность»), намного перегоняющего по темпам своего роста темпы роста населения.

Рассматривая структуру преступлений за данный период, мы видим, что имущественные преступления, главным образом кражи, составляли примерно $\frac{2}{3}$ всех уголовных нарушений, что является, как известно, характерной особенностью преступности во

всех антагонистических общественно-экономических форма-
циях.

Вот как распределялось общее число подсудимых в окружных
судах (табл. 11).

Таблица 11

*Общее число подсудимых в окружных судах
за 1889—1893 гг.**

Всего подсудимых	150 786
В том числе:	
кража	83 553
насильственное похищение имущества	13 849
против телесной неприкосновенности	12 490

* Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 265.

Напомним, что здесь указано число подсудимых, привлекавших-
ся к ответственности по обвинению лишь в крупных кражах, по-
скольку дела о мелких кражах рассматривались мировыми судами.

Помимо краж, резко возрастали остальные уголовные деяния
(табл. 12).

Таблица 12

Движение отдельных преступлений по пятилетиям*

В общих судах	1874— 1878 гг.	1879— 1883 гг.	1884— 1888 гг.	1889— 1893 гг.	1894 г.
Лжеприсяга и ложный донос	100	151	271	422	519
Преступления против нравст- венности	100	153	229	363	475
Религиозные преступления	100	120	154	299	365
Преступления против личности	100	132	157	169	187
В том числе:					
убийство	100	119	147	146	142
служебные преступления	100	180	216	281	322
остальные преступления (число осужденных)	100	125	138	162	178
население 33 губерний Ев- ропейской России	100	106	114	122	132

* Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 137—138.

По мнению Е. Тарновского, «преступность в пределах Европей-
ской России несомненно увеличивается и увеличивается в прогрес-
сии, превышающий рост населения»³.

Такой вывод правилен, вытекает из простого сопоставления
приводимых показателей.

³ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 142.

Отмечая рост преступности в России, Е. Тарновский лишь констатирует факты, не давая ответа на основной вопрос — в чем же причина такого большого роста преступности. Правда, позднее он пытается определить причины преступности пореформенной России, основываясь на исследовании уголовно-статистических материалов. И хотя порой Е. Тарновский высказывает ряд ценных соображений, он не в состоянии, как и другие буржуазные ученые, вскрыть истинные корни преступности, ибо исходит из ложных методологических концепций так называемой теории факторов преступности. Е. Тарновский, как и преобладающее большинство его коллег, скользит по поверхности явлений и, не будучи в состоянии вскрыть органическую связь между структурой капиталистического общества и преступностью, ищет ее причины в бедности, алкоголизме, высоких ценах на хлеб, моральной испорченности и в других «факторах».

Как мы уже говорили, бурное развитие капитализма в России после реформы 1861 г. привело к огромному обнищанию широких

трудящихся масс. А это, естественно, влекло за собой резкое возрастание преступности и, в частности, ее двух категорий — имущественных и политических преступлений. Это вполне понятно, поскольку указанные категории преступлений направлены против экономической основы эксплуататорского строя — частной собственности и против того государства, которое охраняет общество, основанное на частной собственности.

Таблица 13

Рост преступности в Петербурге с 1857 по 1877 г.

(на 100 тыс. жителей в Петербурге было совершено)*

Виды преступлений	1857 г.	1877 г.
Убийство	1,2	2,3
Ограбление церквей	0,7	1,2
Поджоги	0,1	1,3
Кражи	55	426

* Михневич В. Указ. соч., с. 124.

Следует отметить, что уголовная статистика, при всей своей неполноте, ярко иллюстрировала систематический рост преступности в пореформенной России, особенно в крупных городах, где контрасты между бедностью и богатством били, что называется, каждому в глаза, где язвы капитализма вырисовывались наиболее рельефно во всей своей отвратительной наготе.

В качестве одного из многочисленных примеров можно сослаться на книгу В. Михневича⁴.

В ней автор с широким привлечением «судебно-полицейских сведений, отличающихся неведомой прежде полнотой», рисует жуткую картину жизни преобладающего большинства населения столицы Российской империи — «современного русского Вавилона». Целые толпы нищих, воров и проституток, готовых на все за кусок хлеба, нравы «петербургских трущоб», домов терпимости и

⁴ См.: Михневич В. С. Язвы Петербурга (опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения). Спб., 1866.

притонов, «мокрые дела» профессиональных преступников, находящихся зачастую в сговоре с полицейскими чинами, и многое другое из мира «нравственности» видит читатель в этой книге. И одновременно он видит представителей «золотой молодежи», живущей вместе со знатными родителями в роскошных особняках, бросающих сотни рублей на ужины и обеды, проигрывающих в клубах тысячи, что порой доводит и этих паразитов до скамьи подсудимых. В. Михневич приводит яркие статистические данные петербургской полиции о громадном росте преступности в столице за 20 лет. Для этого он сравнивает ряд преступлений Петербурга еще во времена крепостного права с Петербургом периода бурного капиталистического развития страны (табл. 13).

Как видим, за двадцать лет число убийств и ограблений церквей на 100 тыс. жителей Петербурга почти удвоилось, число краж увеличилось почти в 8 раз, а число поджогов более чем удесятилось.

Анализ состава осужденных по классам, сословиям и занятиям

Обусловленность роста преступности в России социальной и экономической структурой буржуазно-дворянского государства, обрекающего «низшие сословия» на полуголодное существование и безжалостную эксплуатацию, ярко иллюстрируется распределением осужденных по сословиям (табл. 14).

Приведенные данные говорят сами за себя. Однако было бы весьма показательным сравнить удельные веса каждого сословия

Таблица 14

Звание (сословие) осужденных
общими судами за 1889—1893 гг., %*

Дворяне — 2,0	Мещане — 19,2
Духовенство — 0,2	Купцы — 0,6
Купцы — 0,5	Бродяги — 2,9
Крестьяне — 71,5	Прочие — 3,1
Итого: 100	

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики. — «Журнал министерства юстиции», 1899, № 7, с. 187.

в общих, так и мировых судах процент крестьян и духовенства в составе преступников значительно ниже, чем процент тех же сословий в общем числе жителей. Именно крестьяне в общем составе жителей составляют 82%, а в сумме осужденных в общих судах только 61%, в мировых — 63. Духовное звание — 0,6 и 0,1%. Зато процент осужденных среди мещан намного больше их доли в составе населения — 6 и 12% (в мировых судах даже 19%). Не обнаруживается ли в указанных цифрах, — делает Чупров правильный вывод, — влияние обделенного, почти пролетарского положения, в каком находится мещанское сословие»¹.

Надо сказать, что за какие-нибудь десять с небольшим лет (1879—1889—1893), сословная структура осужденных значительно изменилась. Действительно, если в 1879 г. доля крестьян среди осужденных равнялась в общих судах 61% (в мировых — 63%), то в 1889—1893 гг. она увеличивается до 71,5%, т. е. почти на $\frac{1}{5}$, а в мировых судах до 78,9%, или почти на $\frac{1}{4}$. Соответственно рас-

среди осужденных и среди населения. Не располагая соответствующими демографическими данными за рассматриваемый период, воспользуемся для этой цели материалами первой переписи населения России за 1897 г. Однако вначале приведем некоторые расчеты и рассуждения А. Чупрова, сделанные при анализе «Свода» за 1879 г.

«Замечательно, — пишет он, — распределение осужденных по сословиям. Как

¹ Чупров А. И. Некоторые данные по нравственной статистике России. — «Юридический вестник», 1884, № 8, с. 636.

тет доля осужденных среди мещан — с 12 до 19,2%, т. е. более чем в 1,5 раза. Таким образом, доля крестьян среди осужденных из года в год увеличивается и за рассматриваемое нами время почти приближается к доле крестьян среди населения (по переписи 1897 г. «крестьяне» в общем итоге населения составляли 77,12% плюс 2,33% казаков). Все это косвенно говорит о распаде до-реформенных общинных отношений в русской деревне, о все большем разорении крестьянства. Следовательно, неубедительно звучат выводы Чупрова о том, что «упомянутые цифры красноречиво свидетельствуют о благотворном влиянии земледельческих занятий на нравственное состояние населения»².

Как видим, доля мещан среди осужденных превышает их удельный вес среди населения (правда, по данным конца 70-х годов) более чем в три раза. Приведенные цифры показательны. Они констатируют тот факт, что более 9/10 преступников (точнее 93,6%) являлись выходцами из «низших сословий», т. е. крестьян и трудящихся города, выбитых из привычной жизненной колеи усиливающимся разорением и обнищанием. Правильность этого положения подтверждается значительным повышением доли крестьян и мещан среди осужденных за 10—12 лет. Однако не надо забывать, что это были годы бурного роста капитализма в России, расслаивающего крестьян, превращающего их большинство в бедняков, многие из которых шли в город. Преобладающие слои мещанства, т. е. мелкой буржуазии, тоже разорялись под влиянием капиталистического развития, пополняя собой ряды пролетариата и постоянно дрожа за свое существование мелких ремесленников. Вполне понятно, что эти категории крестьян и мещан являлись первыми кандидатами на скамью подсудимых, куда их неминуемо влекли голод, безработица и каторжный труд за ничтожную плату.

Следует также иметь в виду, что в те времена уголовная преступность была наиболее примитивной и вынужденной формой протеста трудящихся против системы эксплуатации и угнетения. Для России того периода сохраняло свою силу установленное Ф. Энгельсом для Англии 40-х годов известное положение о том, что первой, наиболее грубой и самой бесплодной формой этого возмущения было преступление. Рабочий жил в нужде, нищете и видел, что другим людям живется лучше, чем ему. Он не мог понять, почему именно он, который делает для общества больше, чем богатый лентяй, должен жить в таких условиях. Нужда к тому же победила его врожденное уважение к собственности, и он стал воровать³.

К концу XIX и особенно в начале XX в. русский пролетариат перешел к иным формам сопротивления. Его классовое самосознание возрастало, революционное движение и классовая борьба принимают все более организованные формы.

---

² Там же, с. 637.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 433.

Возвращаясь к рассмотрению распределения числа осужденных по отдельным сословиям, что до некоторой степени может служить косвенной характеристикой классовой структуры преступников, мы видим специфические черты преступности каждой сословной группы. Так, весьма значительное место в общем количестве преступлений, совершенных привилегированными сословиями — дворянством, духовенством, купечеством и почетными гражданами, занимали преступления против порядка управления (23,1, 21,4, 24,3 и 14,2%), а также и преступления политические. Здесь необходимо подчеркнуть что эти сословия, особенно дворянство, все еще играли существенную роль в освободительном движении страны в рассматриваемый нами период. «Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная (1884—1890), — писал В. И. Ленин, — дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но, если прибавить к ним духовенство и купечество, то получаем 49%, т. е. почти половину. Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек»⁴.

Большой удельный вес составляли у осужденных дворян и почетных граждан служебные преступления — 23,1 и 16,2%. Это и понятно, поскольку основное место среди чиновничества занимали указанные сословия. Характерно, что 34,1% преступлений, совершенных купечеством, составляли нарушение уставов торговли и промышленности, в частности «непринятие мер безопасности во время работ», приводившее к колоссальному числу несчастных случаев на производстве, за что фабриканты отделялись ничтожными штрафами»⁵.

У крестьян и мещан первое место в общем итоге преступлений занимали кражи, в то время, как у дворян, осужденных за кражу, составляли всего лишь 17,2%⁶.

Как мы уже отмечали, рассматривая преступность дореформенной России, самые грязные преступления: растление малолетних, кровосмешение, скотоложство и пр. — были преимущественно распространены среди привилегированных сословий и особенно духовенства. Эта особенность преступности высших сословий полностью сохранилась и во второй половине XIX в.

Необходимо отметить значительные изменения, происшедшие в сословной структуре осужденных за последнюю четверть XIX в. (табл. 15).

Приведенные показатели характеризуют резкое увеличение удельного веса среди осужденных крестьян и мещан, что было полностью обусловлено систематическим ухудшением жизненных условий этих сословий. К сожалению, мы не имеем статистических данных о долях указанных сословий в численности населения за

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 398.

⁵ См.: Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 189.

⁶ См.: там же.

Число осужденных по сословиям за последнюю четверть XIX в.

	На 100 человек населения было на 28/I 1897 г.*	На 100 человек общими судами, в 1873 г.**	Было 1879 г. осужденных***
Всего	100,0	100,0	100,0
В том числе:			
дворян	1,47	2,60	1,7
лиц духовного звания	0,47	0,17	0,2
купцов и почетных граждан	0,49	0,42	1,0
мещан	10,66	14,61	19,4
крестьян (включая казаков)	79,45	61,88	75,2

* Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., т. I. СПб., 1905, с. XIII.

** Сведения об-уголовных делах в течение 1873 г. — «Судебный журнал», 1875, № 1, с. 34.

*** Свод статистических сведений по делам уголовным за 1899 г. СПб., 1902, с. 44.

1873 г., которые, конечно, изменились в сторону снижения доли крестьян и роста мещан. Но можно констатировать, что мещане по своему удельному весу среди осужденных почти вдвое превышали их долю среди населения в конце прошлого столетия, а крестьяне (по осужденным) были близки к их удельному весу в численности населения. Надо учесть, что здесь приведены осужденные лишь в общих судах. Бесспорно, что доля крестьян среди осужденных мировыми и волостными судами была гораздо больше. Сильно сократился за 24 года удельный вес дворян в итоге осужденных, что объяснилось в значительной степени меньшим участием этого привилегированного сословия в освободительном движении, которое непрерывно демократизировалось. В «Сводах», как известно, были отражены преступления против порядка управления, в которых особенно интенсивно участвовали дворяне и которые к концу XIX в. изымались из компетенции общих судов и передавались военным судам. Если в 70-х годах доля дворян среди осужденных чуть ли не в два раза превышала долю дворян в численности населения, то в 90-х годах это превышение весьма незначительно. Зато более, чем вдвое увеличился удельный вес купцов в общем итоге осужденных, причем если в 70-х годах он был почти равен доле купцов среди населения, то в 90-х годах превышает ее в два раза. За этой цифрой кроется бурное развитие промышленности и торговли, что привело к огромному росту числа специфических для купцов и фабрикантов преступлений: злостных банкротств, мошенничества, нарушений уставов, зверских калечаний рабочих и т. п. Рассмотренное изменение сословной структуры осужденных и ее сопоставление с данными демографической статистики, как и другие вопросы преступности, должны исследоваться, исходя из той исторической обстановки, тех общественно-экономических условий, которые порождали это изменение и обуславливали специфи-

ческие особенности развития преступности. Классовую структуру преступников надо рассматривать по показателю «Сводов» — «Занятие осужденных», где был подраздел «хозяев и рабочих». Такие показатели действительно были, но их исследование затрудняется отсутствием соответствующих демографических данных, т. е. численности указанных категорий в общем составе населения. Следовательно, мы можем оперировать лишь абсолютными величинами осужденных среди «хозяев и рабочих», что дает очень мало, и лишены возможности пользоваться обобщающими, т. е. сопоставимыми показателями (так называемыми коэффициентами преступности по каждой категории осужденных), играющих, как известно, огромную роль в любом криминологическом анализе. Абсолютные величины «Сводов» констатируют лишь огромное превышение осужденных среди рабочих и батраков по сравнению с осужденными, выходцами из хозяев. Но они ничего не могут сказать об интенсивности преступности этих категорий, для чего было бы необходимо иметь соотношение количества осужденных к численности населения соответствующей группы. Для иллюстрации приведем некоторые абсолютные данные «Сводов». Так, за 1880—1881 гг. среди осужденных окружными судами было занятых ранее в сельском хозяйстве: хозяев, арендаторов и управляющих — 77, а рабочих по найму, т. е. батраков, — 3383, соответственно по мировым судам — 16 и 1437. По обрабатывающей фабрично-заводской промышленности: хозяев и администрации было — 74, а рабочих — 496, соответственно по мировым судам — хозяев было всего 1, а рабочих — 1274⁷. Та же самая картина наблюдалась и в других «Сводах», причем особенно большая разница между осужденными хозяевами и рабочими имела по мировым судам. Это вполне понятно, так как последние разбирали уголовные дела по сравнительно незначительным проступкам: похищение лесного материала, прошение милости, мелкие кражи и пр., где очевидно преобладающее большинство осужденных принадлежало к неимущим слоям населения. Так, за 1890 г. среди осужденных мировыми судами было занятых в сельском хозяйстве: хозяев, арендаторов и управляющих — 36, рабочих по найму — 2572; по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности хозяев — ни одного, рабочих — 1555⁸. Как видим, разница между осужденными хозяевами и рабочими огромна, что, собственно говоря, не вызывало сомнения и до знакомства с приведенными цифрами, поскольку вторых было неизмеримо больше, чем первых. Поэтому, повторяем, отсутствие соответствующих демографических данных оставляет открытым вопрос о точном измерении интенсивности преступности указанных социальных групп, ибо мы не знаем численности хозяев и рабочих в общей массе населения. Конечно, зная политическую и экономи-

⁷ Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1880—1881 гг., ч. II. Спб., 1885, с. 84—85; ч. III. Спб., 1895, с. 15—16.

⁸ Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся за 1890 г., ч. III, с. 10—11.

ческую обстановку исследуемого нами периода, вопрос этот совершенно ясен. Любопытно, что Е. Тарновский, как, впрочем, и другие буржуазные исследователи преступности, не понимая сути классового деления общества, смешивает это деление с самым различным подразделением населения и говорит о «классе образованных», о «просвещенных и непросвещенных классах», о «бедных классах» и пр. Впрочем, что не мешало тому же Тарновскому, как и его коллегам, делать иногда весьма меткие и ценные замечания по поводу преступности, но, как мы уже говорили и будем говорить, они не видели ее основной причины — существование дворянско-буржуазного государства. Отсюда недостаточное внимание буржуазной криминологии и уголовной статистики (сначала по непониманию, а затем сознательно) к анализу действительно классовой структуры преступности, к поискам, собиранию и группировке необходимого для этого материала. Поэтому преобладающее большинство группировок осужденных осуществлялось по целому ряду признаков, затемняющих истинное классовое лицо преступника или дающих о ней лишь косвенное представление (группировка «по сословиям», «по профессии», «по средствам к жизни» и т. п.). Более того, если даже первичный учет и сводные абсолютные показатели уголовной статистики давали, как это имело место в России, более или менее ясное представление о классовой структуре осужденных, то в связи с отсутствием подобных показателей и демографической статистики нельзя было говорить об интенсивности преступности отдельных классов, т. е. о самом главном. Так, Е. Тарновский, анализируя таблицу «Сводов» «Занятие осужденных», пишет: «По занятиям осужденные делятся на 29 подразделений, преимущественно по хозяйственному положению осужденных (хозяева или рабочие). Ввиду отсутствия сведений о числе соответствующего населения надлежит ограничиться рассмотрением только основных профессиональных групп осужденных»⁹.

Следует отметить, что имеющиеся, пусть далеко не четкие, коэффициенты преступности отдельных социальных групп осужденных как в России, так и по другим государствам неопровержимо подтверждали обусловленность преступности при капитализме социальной и политической структурой буржуазного общества (табл. 16).

Анализ этих данных приводит к следующим выводам. Во-первых, как объяснить, что менее половины осужденных было занято до совершения преступления в сельском хозяйстве, в то время как по сословному делению среди осужденных было более 70% крестьян (в общих судах — 71,5%, а в мировых — 78,9%)? В чем причина такого большого разрыва — почти на $\frac{1}{3}$? Нам думается, что такой причиной являлось разорение и расслоение русского крестьянства в период бурного развития капитализма, уход значительной доли бедняков в города, на заработки. Таким образом, при-

---

⁹ Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 176.

Сельское хозяйство	Промышленность (обрабатывающая, добывающая и строительная)	Торговля (трактирная и перевозочная)	Поденщики и чернорабочие	Либеральные профессии			Итого
				госслужба	прислуга	прочие	
46,5 (в том числе в общих судах 49,4)	15,6	6,9	20,2	2,1	4,2	4,5	100

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 177.

надлежа юридически к сословию «земледельцев-крестьян», они фактически давно бросили землю, которую захватили кулаки, и стали пролетариями, источником формирования рабочего класса. Нужда, безработица, каторжный труд зачастую вынуждали их совершать преступления, преимущественно кражи. Во-вторых, важно подчеркнуть, что доля осужденных, занятых ранее в промышленности и торговле, значительно превышала долю населения, занятого в этих отраслях народного хозяйства. Так, в промышленности, торговле и транспорте удельный вес осужденных был равен 22,5%. Считая, что одна треть числа поденщиков и чернорабочих работала ранее также в этих отраслях, находим, что среди осужденных почти одна треть до совершения преступления была занята в промышленности, транспорте и торговле. По материалам же Первой Всероссийской переписи 1897 г., замечательно обработанным В. И. Лениным в 1907 г., удельный вес торгово-промышленного населения России составлял 17,2% (21,7 млн. из 125,6 млн. человек)¹⁰. Таким образом, сопоставление этих двух цифр говорит о нетерпимых условиях труда, о нищенской зарплате, о долгих днях безработицы, т. е. о всех тех неизбежных для любой капиталистической страны условиях, которые обрекали многих трудящихся на совершение преступлений. Для России того времени сюда еще прибавляли полицейский гнет самодержавного государства и многочисленные остатки крепостнических отношений. В-третьих, надо иметь в виду, что доля осужденных, занятых прежде в сельском хозяйстве, была значительно меньше доли сельскохозяйственного населения страны (46,5 и 77,3%). На этом основании, как мы уже упоминали, целый ряд буржуазных ученых, например Чупров, Янсон и др., неоднократно высказывали идиллические соображения в народническом духе о том, что «земледельческие занятия благотворно влияют на нравственность народа». Ко всякому явлению, как известно, надо подходить строго исторически, т. е. рассматривать его в процессе возникновения и развития, в связи с конкретными общественно-экономическими условиями, породив-

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 502.

шими данное явление. С этой, единственно правильной, точки зрения «земледельческие занятия» в период интенсивного расслоения крестьянства, обреченного в своем большинстве на разорение и пролетаризацию, едва ли «благотворно влияли на их нравственность». Все обстояло как раз наоборот. Интенсивное развитие капитализма в России ломало старые экономические отношения и соответствующие им патриархальные моральные нормы. Сама гнетущая действительность постепенно разбивала еще сохранившуюся у большинства крестьян веру в вечность и справедливость феодально-крепостнических пережитков, обычаев и традиций, освященных самим «господом богом». Победное шествие капитализма все более освобождало крестьян от «идиотизма деревенской жизни». Конечно, это был длительный и мучительный процесс. Крестьянин, будучи в плену старых понятий и правил, выбивался из сил, шел в кабалу к кулаку и помещику, чтобы сохранить хотя бы видимость «самостоятельного» хозяина. К чему все это приводило в конечном счете, нам хорошо известно. Напомним, что из 97,0 млн. сельскохозяйственного населения в 1897 г., по расчетам В. И. Ленина, было «около 48,5 миллионов пролетарского и полупролетарского населения; около 29,1 миллионов беднейших мелких хозяйств и их семей и около 19,4 миллионов населения в зажиточных мелких хозяйствах»¹¹.

Таким образом, процесс распада старых отношений в сельском хозяйстве под влиянием бурного развития капитализма в России приводил к разорению преобладающего большинства крестьянства, к постепенному его освобождению от патриархальных воззрений и традиций и в конечном счете к росту преступности. Нищий, угнетаемый кулаком и помещиком крестьянин был вынужден иногда пойти на преступление, главным образом против собственности и порядка управления.

---

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 503.

**Анализ состава осужденных
по демографическим
и юридическим признакам**

При рассмотрении данных, характеризующих преступников, необходимо иметь в виду пол, возраст, образование, рецидив. В среднем за 1889—1893 гг. женщины составляли 12% от общего числа осужденных общими судами (в мировых судах — 12,3%)¹. Здесь надо иметь в виду, что все большее и большее участие женщин в хозяйственной жизни страны, втягивание их в сферу хозяйственной деятельности под влиянием развития капитализма, разрушающего семью крестьян и ремесленников, неминуемо влекло к постоянному росту доли женщин в общем количестве осужденных. В 1856—1860 гг. эта доля была равна 6,3%, за 1874—1878 гг. — 8,7 и за 1893 г. — 12,8%². Крайне тяжелые условия семейной жизни русской женщины: насильственная выдача замуж, трудность, вернее даже невозможность развода, особенно для «простолюдинки», а также презрение так называемого хорошего общества к девушке — матери, обреченной на потерю работы, «позор» и т. п., — накладывали специфические черты на женскую преступность. Так, если среди осужденных за кражу женщины составляют 8,7%, то за убийство супругов и родственников — 39,3, за детоубийство — 98,3%³. Приведенные цифры говорят о безотрадной женской доле, о превращении брака в торговую сделку, обязывающую с санкции церкви жить с нелюбимым человеком, о так называемом «снохачестве», о позорном институте «незаконнорожденных», от которых большинство «согрешивших» хотели избавиться и т. п. Эти факты полностью опровергали ложные, искажающие истинное положение вещей, объяснения преступности женщин «психофизическими особенностями их организма», о чем неоднократно писали криминалисты-антропологи.

Также нелепо и поверхностно мнение Е. Тарновского о том, что «женщин на путь преступления увлекают преимущественно аффекты, вытекающие из сферы половой жизни»⁴ (табл. 17).

Из таблицы видно, что преобладающее число осужденных (более $\frac{2}{3}$) относилось к наиболее работоспособному возрасту (17—40 лет), что примерно соответствовало доле этих возрастов в общем числе населения. Далее мы остановимся на воззрениях ряда буржуазных криминалистов, особенно Н. А. Неклюдова, считавших, что возраст якобы «сам по себе» является космополитической причиной преступности. Отметим систематическое, абсолютное и от-

¹ См.: Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики.— «Журнал министерства юстиции», 1899, № 7, с. 136.

² Там же, с. 137.

³ Там же, с. 142.

⁴ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 149—150.

носительное возрaстaние преступности среди детей и молодежи. В 1874—1878 гг. процент осужденных в возрасте до 21 года был равен 7,9, в том числе до 17 лет — 1,0, а в 1889—1893 гг. соответственно 12 и 1,8. Подобная тенденция закономерна. Воспитанные улицей, лишенные детства, искалеченные каторгой капиталистической фабрики или купеческой лавки, многие из этих несчастных маленьких страдальцев становились на путь преступления. То же самое можно сказать и про молодых преступников (17—21 год), которые в условиях резких контрастов тогдашней действительности, где

роскошь и нищета каждому бросались в глаза, обессиленные и озлобленные рабским, грошевым трудом, деморализованные всей окружающей обстановкой, легко склонялись «к привольной жизни» и попадали на скамью подсудимых. Распределение осужденных по образованию также является прекрасной характеристикой обусловленности преступности царской России нетерпимыми социально-экономическими и политическими условиями, в которых находилось преобладающее большинство населения (табл. 18).

Таблица 18

*Удельный вес осужденных по образованию
(на 100 осужденных за 1889—1893 гг.)**

	Высшее	Среднее	Низшее	Грамотные	Неграмотные	Итого
Мужчин	0,3	0,6	1,0	38,0	60,1	100,0
Женщин	0,0	0,2	0,2	10,2	89,4	100,0
Обоего пола	0,3	0,6	1,9	34,7	63,5	100,0

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 161.

Как видим, почти $\frac{2}{3}$ всех осужденных были неграмотными (в мировых судах — 73,4%), в том числе женщин почти $\frac{9}{10}$. Любопытно, что процент грамотных в общем числе населения старше 9 лет и тот же процент среди осужденных лишь незначительно от-

Таблица 17

*Распределение осужденных по возрасту
в общих и мировых судах
за 1889—1893 гг., %*

Возраст в годах	Количество осужденных
10—14	0,2
14—17	1,6
17—21	10,2
22—30	30,1
30—40	26,4
40—50	16,9
50—60	9,6
Свыше 60	5,0
Итого:	100,0*

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики. — «Журнал министерства юстиции», 1899, № 7, с. 145.

личались друг от друга (по данным переписи 1897 г. этот процент среди мужчин был равен 35,8%, среди женщин — 12,4%)⁵.

В XIX в. на эту тему велись многочисленные споры.

Так 19-летний П. Ткачев писал в 60-х годах, что между грамотностью и преступностью нет причинной связи. Если грамотность не обуславливается улучшением «в социальном и экономическом быте народа», она не может содействовать уменьшению преступности. Более того, лица, получившие образование, но лишённые работы, были вынуждены совершать преступления, применяя свои знания и опыт. Об этом свидетельствует большой процент среди осуждённых за служебные преступления, подлоги, мошенничество и пр., имеющих образование⁶. Попутно отметим, что разорение многих дворян, не сумевших приспособиться к новым экономическим условиям, превращало некоторых из них в преступников, использовавших свои знания для совершения афер и даже кровавых преступлений. Подтверждением служат уголовные дела подобного рода, имевшие место во второй половине XIX в. (например, дело шайки так называемых «червонных валетов», дело блестящего гвардейского офицера Ландсберга, зарезавшего ростовщика Власова, дело о крупных аферах игуменьи Митрофании).

Следовательно, грамотность, понимая под таковой и разную степень образования, нельзя рассматривать абстрактно вне зависимости от социально-экономических условий, как некий «фактор», влияющий на преступность. В заключение исследования отдельных показателей преступности остановимся на рецидиве, который в тот период в России, как и в других буржуазных странах, систематически возрастал, что свидетельствовало о расширении профессиональной преступности (табл. 19).

Таблица 19

*Распределение рецидивистов среди осуждённых по пятилетиям
(на 100 осуждённых)**

	1874—1878 гг.	1879—1883 гг.	1884—1888 гг.	1889—1893 гг.
В общих судах	18,8	20,8	22,1	23,8
В мировых судах	14,9	15,5	17,2	17,7

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 201.

Таким образом, за 20 лет доля рецидивистов среди осуждённых увеличилась в общих судах почти на 30%, а в мировых судах — на 20%. Однако надо иметь в виду, что приведенные показатели

⁵ Большая советская энциклопедия, т. 12. М., 1952, с. 434.

⁶ См.: Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 201.

не полностью отражали действительное положение с повторной преступностью. В связи с обстоятельствами чисто процессуального характера показатели рецидива в русской уголовной статистике были значительно преуменьшены. Дело в том, что согласно ст. 131 Уложения о наказаниях и ст. 14 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, под рецидивом предлагалось понимать, а следовательно, и учитывать, только повторение того же или однородного преступления. Таким образом, повторное совершение разнородных поступков не указывалось в «Сводах» в противоположность западноевропейской статистике того времени. Поэтому неубедительно утверждение Тарновского о том, что в Западной Европе рецидивистов значительно больше, чем в России, процент которых, например, в Германии — 32,6%, в Австрии — 24,5%. На наш взгляд, он сравнивает несравнимые данные. Весьма любопытны следующие показатели рецидива по отдельным видам преступлений: на 100 осужденных в 1889—1894 гг. было рецидивистов по служебным преступлениям — 2,5 человек, против жизни — 5,5, за мошенничество и подлоги — 14,0, против порядка управления — 19,4, за кражу — 51,6 человек. Отсюда ясно, что более половины осужденных за кражу являлись рецидивистами. Выйдя из тюрьмы с клеймом «преступника», они были лишены возможности в условиях хронической безработицы найти какое-либо «честное занятие», поэтому, дабы не умереть с голоду, начинали опять воровать. Конечно, годы «тюремных университетов» не проходили даром, и многие, побывавшие в них не раз, становились профессиональными преступниками. Очень показательна в этом отношении следующая структура рецидива. Из 100 рецидивистов совершили преступления в 1889—1893 гг. *:

	Во 2-й раз	В 3-й раз	В 4-й раз и более
В общих судах	41,1	34,7	24,2
В мировых судах	83,2	12,7	4,1

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 202.

Как видим, в общих судах, где рассматривались наиболее серьезные уголовные дела, почти $\frac{3}{5}$ осужденных рецидивистов совершили однородное преступление в 3-й и более раз, а почти четверть — в 4-й и более раз. Даже в мировых судах, где рассматривались мелкие уголовные дела, $\frac{1}{6}$ осужденных рецидивистов уже имели ранее три и более привода. Важно отметить, что доля наиболее опасных преступников в общем числе осужденных рецидивистов все время увеличивалась. Так, если в 1874—1878 гг. из 100 рецидивистов, осужденных общими судами, совершивших преступление в 3-й раз, было 21,1%, в 4-й и более раз — 12,8%, то в 1884—1888 гг. соответственно 27,5 и 19,3% и в 1889—1893 гг. —

34,7 и 24,2%. Все это еще раз подтверждает, что преступность находила свои постоянные кадры, связавшие с ней всю свою жизнь, причем такие кадры систематически росли и квалифицировались.

Таким образом, рассмотренные нами важнейшие показатели русской уголовной статистики при всей их неполноте характеризуют систематическое увеличение преступности в период промышленного капитализма, значительно перегоняющей по темпам своего роста темпы роста населения. Одновременно увеличивается преступность среди женщин и молодежи, растет рецидив.

Широкие круги общественности того времени постоянно интересовались «нравственным состоянием» населения, одним из важнейших показателей которого, по мнению тогдашних социологов, и являлась преступность. Представители самых разных общественных направлений, констатируя рост преступности, призывали к проведению целого ряда мероприятий, необходимых, с их точки зрения, для борьбы с этой «язвой социального тела». Естественно, что в зависимости от своих политических взглядов авторы, основываясь на материалах «Сводов», критикуют правительство, так сказать, то слева, то справа. Следует, однако, подчеркнуть, что преобладающее большинство таких авторов по своим взглядам стояли на буржуазно-либеральных позициях и ратовали за «постепенный», «мирный» реформистский путь капиталистического развития России. Они понуждали правительство к отдельным уступкам, к ликвидации всяческих пережитков крепостничества, не разгущая, по выражению В. И. Ленина, ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков. «Либералы, — подчеркивал Владимир Ильич, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции...»⁷. Работ, в которых авторы стояли бы на откровенно крепостнических позициях, в те времена было сравнительно мало.

Таким образом, боевой дух 60-х годов, пронизывающий уголовно-статистические работы Ткачева, Филиппова и др., к концу 70-х годов стал заметно «улетучиваться». Основной тон здесь задают буржуа-либералы, фрондирующие против царского правительства и заигрывающие с «меньшим братом» — народом. Даже многие монархисты были бы не прочь одеть на себя для маскировки либеральные одежды. Так, еженедельная монархическая газета «Русский труд» в рецензии на работу Тарновского «Итоги русской уголовной статистики за 1874—1894 гг.», написанной ее редактором Шараповым С., отмечала: «Рост преступлений дает основания для вывода, что за двадцатилетие нравственное состояние общества, зависящее от высоты культуры и вообще устойчивых и определенных общественных и семейных отношений, по-видимому, несколько изменилось к худшему (с 70-х годов) и, следовательно, жалобы, встречающиеся время от времени в печати, на нравственное оску-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175.

дение имеют реальную опору, являются результатом наблюдений над жизнью»⁸.

Газета подчеркивала, что преступность увеличивается в соответствии с «материальным и духовным оскудением народа». «Только сплочение народа вокруг венценосца, — восклицает монархист С. Шарапов, поддержка всеми сословиями его державного правления, искоренение вредных теорий, проникающих, к сожалению, в души неопытной и горячей молодежи, могут поднять нравственное состояние...»⁹.

Примерно в таком же духе касались вопросов преступности другие монархические газеты и журналы: «Новое время», «Церковный вестник» и пр. Так, последний в статье «К нравственной статистике России» сокрушается о значительных размерах преступности, основные причины которой он находит «в забвении господ бога», «в падении веры», «в зависти к ближнему» и т. д. «Церковный вестник», как и следовало ожидать, призывает «верующих объединиться вокруг престола и церкви», поддерживать всячески «своих пастырей», не завидовать «богатому, который никогда не попадет в царство небесное», и терпеливо нести свой крест¹⁰.

Естественно, по-другому исследовали преступность авторы-либералы, в работах которых мы находим много ценных замечаний, острую критику существующих крепостнических пережитков, которые предлагали правительству устранить. Так, в буржуазно-либеральном журнале «Вестник Европы» известный русский криминалист В. Д. Спасович писал, исследуя показатели «Сводов» за 1874 г.: «Наиболее остро относятся к преступлениям религиозным, по которым только 17,7% оправданий, затем кража — 22,7% и против жизни — 27,8%. Таким образом, в России безопаснее совершить убийство, отравление и хотя бы отцеубийство, чем преступление религиозное или хотя бы святотатство, т. е. такие преступления, которые современным европейским законодательством даже вовсе не известны. Не пора ли и нам освободить наши законы от дореформенных и даже допотопных явлений»¹¹.

С большой впечатляющей силой В. Спасович пишет о «страшном семейном быте русской женщины-простолюдинки», комментируя статистические данные об убийствах. «Если в семье происходит несогласие, то относительная вероятность драматического заключения их убийством для женщины-семьянки в 3 раза или даже 4 раза больше, чем для мужчины-семьянина. Вот какая поистине страшная картина русского семейного быта развертывается перед нами. Какова должна быть судьба русской женщины, — справедливо пишет Спасович, — если из 100 женщин, осужденных за убийство или покушение на убийство, большая половина были виновны в убийстве или покушении на убийство мужа или сожителя. Видно

⁸ «Русский труд», 1889, № 41.

⁹ Там же.

¹⁰ «Церковный вестник», 1875, № 8.

¹¹ «Вестник Европы», 1876, № 5, с. 391.

лучше пойти на каторгу, чем переносить ту обстановку, которая нередко создается в нашей семье нынешними «патриархальными» нравами»¹².

В. Спасович очень метко подмечает также особенно строгое отношение царского суда к имущественным преступлениям, не считая, конечно, политических, поскольку они направлены против основы буржуазного общества — частной собственности. Анализируя «Своды» за 1875 г. Спасович пишет: «По краже оправдывают 27,61 %, а по убийствам — 46,0 %. Почти во всех странах такое отношение... Таково именно ревнивое и заботливое оберегание собственности, большая строгость к обвиняемым в краже, чем к обвиняемому в убийстве. Здесь проглядывает общая черта современного общества»¹³. Подобная тенденция характерна для любого капиталистического государства.

---

¹² Там же, с. 400.

¹³ «Вестник Европы», 1877, № 7, с. 494.

Анализ показателей статистики наказаний

В Российской империи в соответствии с действовавшим уложением о наказаниях все наказания разделялись на две основные группы: уголовные (ссылка на каторжные работы и на поселение) и исправительные. Последние, в свою очередь, также расчленялись на две группы: 1) ссылка на житье в Сибирь и другие отдаленные губернии, отдача в арестантские отделения, заключение в крепость и тюрьму с лишением и без лишения или ограничения прав, 2) присуждение к аресту, денежным взысканиям, выговорам, церковному покаянию и другим более легким видам наказания. Таким образом, все наказания разбивались на три категории, которые за 20 лет изменились следующим образом (табл. 20).

Таблица 20

*Структура наказаний по приговорам общих судов
(на 100 осужденных)**

Годы	Уголовные наказания	Исправительные наказания	
		ссылка на житье в Сибирь, отдача в арестантские отделения, заключение в тюрьму и пр.	арест и другие более легкие виды наказания
1874—1878	13,2	60,9	25,9
1879—1883	12,1	58,5	29,4
1884—1888	11,5	50,2	38,3
1889—1894	8,8	49,4	41,8

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики. — «Журнал министерства юстиции», 1899, № 7, с. 92.

Как видно из табл. 20, структура наказаний значительно изменилась в сторону повышения удельного веса более легких санкций. Действительно, доля уголовных наказаний сократилась с 13,2 до 8,8%, а доля наиболее легких наказаний возросла с 25,9 до 41,8%. На первый взгляд создается впечатление, что царское правосудие стало более мягким, сила его репрессии уменьшилась¹. Но подобные выводы были бы глубоко ошибочными. Они основывались лишь на количественном, а не на всестороннем качественном анализе, что является непременным условием всякого статистико-криминологического исследования. Прежде всего, надо при-

¹ Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики. — «Журнал министерства юстиции», 1899, № 7.

нять во внимание, что за указанные 20 лет произошли большие перемены уголовно-процессуального характера; изменившие подсудность ряда уголовных дел. В связи с расширением освободительного движения и усилением реакции, особенно после убийства Александра II, политические преступления и значительная часть преступлений против порядка управления, рассматривающихся ранее общими судами, были переданы в ведение военных судов, деятельность которых не отражалась в «Сводах». Важно иметь в виду, что понятие «политического преступления» расширяется и многие уголовные нарушения, направленные, например, против порядка управления, квалифицируются царским правосудием, объявившим беспощадную борьбу «малейшей крамоле» как «политические козни» и изымаются из компетенции общей юстиции. Отсюда вполне понятно повышение доли исправительных наказаний в репрессивной деятельности общих судов. Непрерывное разорение широких трудящихся масс приводит к тому, что имущественные преступления, особенно кражи, караемые исправительными наказаниями и постоянно увеличивающиеся в своем объеме, доминируют в общей массе преступлений. Следовательно, структура уголовных преступлений, рассматриваемых общими судами, изменилась за 20 лет в сторону повышения удельного веса имущественных и ряда других преступлений (бродяжничество, против нравственности и пр.), которые влекли за собой исправительные санкции. Более развернутую группировку наказаний в общих судах дают показатели (табл. 21).

Таблица 21

Структура наказаний по приговорам общих судов за 1889—1893 гг.*

Уголовные наказания			Исправительные наказания					
ссылка на каторжные работы	ссылка на поселение	ссылка на житье в Сибирь и другие отдаленные губернии	отдача в арестантское отделение	заключение в тюрьму		арест	выговор и денежные взыскания	церковные наказания и другие легкие наказания
				с лишением и ограничением прав	без оных			
4,2	4,6	0,5	20,3	5,1	23,5	24,7	8,0	9,1

* Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики, с. 93.

Что касается наказаний, налагаемых мировыми судьями, то по материалам «Сводов» можно было видеть лишь применение тюремного заключения, поскольку, как нам известно, по мировым судам учитывались только проступки, караемые тюрьмой. Говоря о борьбе царского правительства с уголовной преступностью, следует иметь в виду, что в течение всего XIX в. основной мерой репрессии наряду с лишением свободы была ссылка в Сибирь (вплоть до ее отмены в 1900 г. за общеуголовные преступления). Из табл. 21

следует, что ссылка применялась не часто. Однако это не так. Ссылка являлась основной мерой наказания, но статистические показатели работы окружных судов отражали далеко не полностью даже судебную деятельность. Карательная деятельность соответствующих органов власти тем более не подвергалась учету. В отчетах министерства внутренних дел и тюремного управления имеются любопытные показатели, характеризующие не только число сосланных в Сибирь по приговорам суда, но и число сосланных в административном порядке (табл. 22).

Таблица 22

Число сосланных за 1807—1898 гг.*

Периоды	Количество сосланных в Сибирь	В среднем за год
1807—1823	45 476	2 675
1824—1828	55 129	11 026
1829—1848	147 501	7 375
1849—1863	107 222	7 148
1864—1883	312 134	15 606
1884—1898	197 361	13 224

* Энциклопедический словарь «Гранат», т. 36, ч. V, с. 643—644.

Как видим, среднегодовое число сосланных в Сибирь колебалось, что объяснялось главным образом изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве. Важно подчеркнуть, что после введения судебной реформы ежегодное число сосланных в Сибирь значительно возросло по отношению к дореформенному периоду, т. е. объем уголовной репрессии этой категории расширился. Всего за 1807—1898 гг. в Сибирь было сослано 864 823 человека, куда не вошли ссылаемые на Сахалин и в Закавказье (например, духоборы и другие раскольники). Не будет поэтому преувеличением считать число сосланных за XIX в. 1 млн. человек. Цифра весьма солидная для такой многонаселенной страны, какой являлась Российская империя. Данные о распределении ссыльных по отдельным категориям, представляющие большой интерес для исследования вопросов уголовной репрессии, имеются лишь за время с 1882 по 1898 г. (табл. 23).

Из табл. 23 видно, что число сосланных по приговорам судов составляло всего лишь $\frac{1}{5}$ их общего количества и, следовательно, основная масса ссыльных попадала в Сибирь во внесудебном порядке. Любопытно, что значительная доля сосланных (почти $\frac{1}{3}$) проходит в отчете министерства внутренних дел по рубрикам «непринятых и удаленных обществами». Как известно, бурное развитие капитализма в пореформенной России разрушало общинный строй русской деревни. В ней стали господствовать кулаки, и крестьянская община оказалась удобной формой для прикрытия кулацкого засилья, средством в руках царизма для сбора с крестьян налогов по принципу круговой поруки, а также борьбы со всякими «подозрительными людьми» путем их ссылки. Обычно это делалось следующим образом: коллектив членов сельской общины, где первую скрипку играли кулаки, выносил решение о необходимости удаления из общины определенных субъектов, характеризу-

Таблица 23

Распределение сыльных по видам преступлений за 1882—1898 гг.*

Сослано	1882—1889 гг.		1890—1898 гг.		Всего мужчин и женщин	На 1000 сосланных
	мужчин	женщин	мужчин	женщин		
На поселение по суду	21 776	1299	21 808	1119	46 002	202,5
На житье по суду	1 506	63	1 589	62	3 220	14,5
На водворение (бродяги) . .	13 011	595	7 717	329	21 652	95
Непринятых обществами . .	21 929	1297	18 874	1103	43 203	190
Удаленных обществами . . .	9 015	511	16 438	966	26 930	119
Административным порядком	2 820	404	1 498	72	4 794	21
Добровольно члены семьи .	35 323	—	45 875		81 198	358
Всего	105 380		113 799		226 999	1000
В среднем в год	13 700		13 050			

* Энциклопедический словарь «Гранат», т. 36, ч. V, с. 643—644.

емых «смутьянами», «пьяницами», «нищими», «дерзкими» и т. п. Зачастую такое решение принимал единолично староста, как правило богатей и мироед. Согласно существующим административно-правовым положениям лица, «удаленные обществом», ссылались по этапу в Сибирь, что являлось одной из форм колонизации и одновременно «очищением» населения от «неблагонадежных». Та же участь ждала и так называемых «непринятых обществами», к которым относились главным образом переселенцы, бросавшие свои родные деревни и уходящие от нужды в «хлебные места».

Таким образом, эти категории сыльных по сути дела представляли собой высланных административным порядком, куда следует прибавить и «бродяг», отправляемых в Сибирь «на водворение». Напомним, что бродяжничество представляет собой неизбежное в условиях эксплуататорского, главным образом капиталистического, строя социальное явление, выражающееся в постоянном передвижении людей, лишенных возможности заниматься производительным трудом. В России основной причиной бродяжничества было обезземеливание крестьян, создавшее резервные армии безработных, которых не могла полностью поглотить развивающаяся капиталистическая промышленность. Во всех буржуазных странах бродяжничество квалифицируется как уголовное преступление. В царской России оно каралось отдачей в исправительные арестантские отделения или ссылкой в Сибирь «на водворение» (ст. 950 Уложения о наказаниях).

Заметим, что в табл. 23 не учтены лица, приговаривавшиеся судом к каторжным работам, после отбытия которых полагалась пожизненная ссылка на поселение. По материалам «Сводов» за

1882—1895 гг. общие суды приговаривали к каторжным работам 25 800 человек, т. е. в среднем по 1835 человек ежегодно. Отчеты Главного тюремного управления рисуют картину широкого распространения среди отдельных видов уголовной репрессии также и тюремного заключения как меры наказания и меры пресечения (табл. 24).

Снижение среднесуточного числа заключенных в 1895 и 1896 гг. объяснялось так называемыми «всемилоостивейшими манифестами» по случаю объявления царем Николая II и его последующей коронацией, в связи с чем ряд осужденных были амнистированы и освобождены из тюрьмы. Следует также учесть, что в табл. 24 дано только среднесуточное число заключенных. Что же касается количества лиц, прошедших за год через различные тюрьмы, то оно превышало 1 млн. человек.

Таблица 24

Среднесуточное число заключенных по годам*

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1890	96 173	10 305	106 478
1891	95 959	10 372	106 331
1892	101 230	11 124	112 354
1893	99 725	10 653	110 378
1894	91 337	9 576	100 913
1895	73 520	7 726	81 246
1896	68 366	7 220	75 586
1897	69 996	7 258	77 254
1898	76 694	7 982	84 676
1899	78 636	8 226	86 862

* Энциклопедический словарь «Гранат», с. 643—644.

* *
*

Из изложенного следует, что основной причиной роста преступности в России являлся нестерпимый гнет буржуазно-дворянского государства, создавшего невыносимые условия существования для преобладающего большинства трудящихся, безжалостно каравшего их за малейшее нарушение установленного правопорядка.

При рассмотрении структуры и динамики преступности необходимо иметь в виду, что огромные размеры преступности самих господствующих классов — помещиков и капиталистов — не были отражены в официальных материалах уголовной статистики. Эти преступления выражались в сознательном создании нетерпимой жизненной обстановки эксплуатируемых масс, в систематическом и все увеличивающемся применении террористических внесудебных методов государственного управления, в сознательном совершении других многочисленных преступлений, особенно усилившихся в период империализма. Напомним, что, раскрывая причины преступности в условиях капитализма, К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничивались рассмотрением только тех общественных явлений, которые признавались преступными буржуазными законами. Классики марксизма-ленинизма давали подробную характеристику и тем явлениям, которые хотя и не признавались и не признаются преступными в буржуазных странах, но тем не менее представля-

ют собой самые тяжкие преступления. Указания К. Маркса и Ф. Энгельса об обусловленности преступности самой природой капитализма полностью относятся и к нашему исследованию преступности России в период промышленного капитализма.

Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся необходимым условием существования общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодальной знати, прежде выставлявшиеся напоказ, — не уничтоженные, впрочем, еще и теперь, — были все же отодвинуты пока на задний план, то тем пышнее расцветали на их месте буржуазные пороки, которым раньше предавались только тайком. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. Революционный девиз «братства» осуществился в плутнях и зависти, порождаемых конкуренцией. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой проституции. Право первой ночи перешло от феодалов к буржуа-фабрикантам².

Таким образом, классики марксизма-ленинизма показали, что утвердившееся капиталистическое общество стало ареной пороков и преступлений. Это полностью относится и к России, где развитие капитализма проходило в условиях сохранения ряда крепостнических пережитков, усугублявших и без того невыносимые жизненные условия широких трудящихся масс. Вместе с ростом противоречий капитализма росла и преступность, являющаяся его неизбежной спутницей, подобно безработице, нищете, проституции и прочим язвам буржуазного строя.

Уголовная статистика того времени, при всех ее недостатках, ярко иллюстрировала это неоспоримое положение.

---

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 268.

Исследование преступности и ее причин в период монополистического капитализма

Переход от промышленного капитализма к империализму во всех буржуазных странах, в том числе и в России, сопровождался углублением антагонистических противоречий, усилением эксплуатации и угнетения трудящихся, ухудшением их материального положения. Эти обстоятельства привели к огромному росту уголовной преступности. В эпоху империализма растет классовое самосознание пролетариата, революционное движение расширяется и принимает организованные формы. Отсюда непрерывное увеличение политической преступности, против которой буржуазное государство всегда вело ожесточенную борьбу путем судебной и внесудебной расправы. Подобную тенденцию мы наблюдаем в исследуемый период во всех буржуазных государствах. Однако каждое из них имело своеобразные черты, обуславливаемые конкретными историческими особенностями развития данной страны.

Этот период для России характеризуется специфическими признаками — пережитки крепостничества в политико-экономическом строе России. Высокоразвитые формы капитализма в промышленности сочетались с отсталыми формами полукрепостнических отношений в сельском хозяйстве и политическим господством помещиков. Крестьяне, доведенные до нищенского состояния, боролись за уничтожение помещичьих латифундий, сословности и прочих пережитков феодализма, выступая, таким образом, сторонниками буржуазно-демократической революции. Положение рабочего класса так-

же ухудшилось из-за указанных пережитков, которые в сочетании с полицейским гнетом порождали самые жестокие формы эксплуатации. Все это, естественно, имело прямое влияние на структуру и движение преступности в рассматриваемый нами период, когда Россия сделалась сосредоточием всех противоречий империализма. Военно-феодальный гнет переплетался с капиталистическим и национальным гнетом, причем угнетение трудящихся царским правительством, помещиками и буржуазией дополнялось грабежом со стороны иностранных капиталистов. На рубеже XX в. Россия стала базой мирового революционного движения и революционной мысли. Жестокая капиталистическая эксплуатация и помещичья кабала в соединении с диким произволом царизма делали нетерпимым положение народных масс России — этим они обостряли социальные противоречия. Отмеченные особенности монополистического капитализма в России необходимо постоянно иметь в виду при исследовании уголовной и политической преступности данного периода, поскольку и первая, и вторая были органически связаны с экономической и политической структурой «военно-феодального империализма».

**Анализ показателей движения
и структуры преступности
до первой мировой войны****§ 1. ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОДЫ,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
И В ПЕРИОД ЕЕ СОВЕРШЕНИЯ**

В отдельные годы под влиянием определенных социально-экономических и политических условий преобладающее место в общем итоге преступности занимали политические и уголовные преступления. Официальные статистические материалы («Сводоы») не дают возможности определить абсолютные размеры преступности дореволюционной России, мы можем, однако, на основе показателей этих «Сводов» исследовать структуру преступности и темпы ее роста. Все это представляет большой интерес, так же как и выяснение классового состава осужденных, соотношения темпов роста преступности с темпами роста населения, раздельный анализ политической и уголовной преступности и т. п. Надо заметить, что обширный фактический материал о структуре и динамике преступности можно также найти и в многочисленных статьях Е. Н. Тарновского — крупнейшего русского уголовного статистика. Е. Тарновский пользовался не только показателями «Сводов», но проводил иногда лично группировку и обобщение некоторых первичных материалов (например, о числе лиц, обвиняемых в государственных преступлениях). Мы не можем, конечно, не использовать все это в нашей работе. Здесь следует иметь в виду, что Тарновский Е., вначале умеренный либерал, напуганный размахом революционного движения (особенно после 1905 г.), делает в дальнейшем резкий поворот в сторону реакции. Поэтому всем его объяснениям причин преступности *«нельзя, — как говорил Ленин о буржуазных профессорах-экономистах, — верить ни в едином слове»*¹. Тарновский вольно или невольно, как и его многочисленные коллеги самых различных специальностей, только лишь «ученый приказчик класса капиталистов». Однако он, по выражению В. И. Ленина, способен «давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований...»². И действительно, фактические уголовно-статистические данные, их группировка и приемы исследования, которые мы находим в статьях Е. Тарновского, представляют большую ценность для анализа преступности царской России. Вот, например, составленная им таблица, характеризующая движение числа осужденных по отдельным судам за первые 8 лет XX в. (табл. 25).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.

² Там же.

Таблица 25

Число осужденных за все уголовные преступления и проступки*

Год	Общие судебные установления	Мировые суды	Уездные чле- ны окружных судов	Городские суды	Гминные суды	Итого
1899	55 840	624 294	38 241	123 632	122 739	964 746
1900	59 195	654 487	35 705	122 274	134 940	1 006 601
1901	59 686	688 121	39 400	139 922	141 285	1 068 414
1902	61 736	668 202	49 819	150 995	139 642	1 070 394
1903	63 084	648 462	53 478	148 172	134 338	1 047 534
1904	58 931	541 209	47 261	141 961	127 813	917 175
1905	53 218	500 714	44 276	130 058	111 602	839 868
1906	59 429	495 969	53 949	113 339	95 588	818 254
1907	74 879	556 193	74 876	125 980	104 647	936 575
1908	92 683	664 405	92 407	142 340	117 421	1 109 256

* Т а р и о в с к и й Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. — «Журнал министерства юстиции», 1909, № 9, с. 57.

На первый взгляд, как видно из табл. 25, преступность царской России, измеряемая числом осужденных, выросла в целом за 10 лет сравнительно немного (менее чем на 15%). Но здесь необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Рассматривая приведенные данные по отдельным судам, мы видим, что число осужденных общими судебными установлениями и уездными членами городских судов увеличилось значительно: у первых — на $\frac{2}{3}$ и у вторых — почти в 2,5 раза. Следовательно, рост наиболее серьезных уголовных преступлений был исключительно высок. Напомним, что именно эти преступления разрешались общими судебными установлениями и уездными членами окружных судов (последние ведали наиболее сложными делами, выделенными из компетенции земского начальника и городского судьи). Что касается движения числа осужденных другими категориями судов, рассматривающие дела по менее серьезным преступлениям (проступкам), то приведенные данные явно преуменьшили действительные размеры преступности, особенно в период русско-японской войны и первой русской революции. Попутно заметим, что общее количество осужденных по всем судам и особенно по их низшим категориям, как видно из табл. 25, значительно снизилось за 1905—1906 гг. Отсюда можно сделать вывод, что бурные революционные годы не только не способствовали подъему уголовной преступности, а, наоборот, повлияли на ее снижение. Однако такое заключение ошибочно.

Указанное снижение при более глубоком анализе оказывалось фиктивным и являлось результатом ряда причин, благодаря которым фактический уровень преступности за эти годы не мог быть точно установлен уголовной статистикой. К числу таких причин надо отнести, например, так называемый «высочайший манифест от 11 августа 1904 г.», благодаря которому значительное число подсудимых за разные преступления были освобождены от суда и.

следствия. Известное влияние здесь оказала и русско-японская война, когда большое число мужчин было призвано в армию. Важно иметь в виду, что вследствие введения в 1905—1906 гг. во многих губерниях страны военного положения и положения усиленной и чрезвычайной охраны многие уголовные преступления наиболее тяжкого характера (убийство, грабежи и пр.) были изъяты из общей судебной системы и переданы военно-полевым судам.

«Внимание полиции ввиду общеопасного политического брожения в стране было занято преимущественно борьбой с этими ненормальными явлениями взбудораженной общественной жизни. Мелкие проститутки в этот смутный (!) период уже сходили в большинстве случаев безнаказанно. Этим и объясняется снижение числа осужденных по мировым судам»³.

И действительно, царское правительство, перепуганное событиями 1905—1906 гг., стремилось «огнем и мечом» подавить «смуту», не обращая серьезного внимания на незначительные уголовные нарушения. Чтобы выяснить степень уменьшения преступности в официальных данных, укажем, что в 43 губерниях, где вместо «либеральных» мировых судей была введена «крепкая власть» земских начальников, число осужденных последними так же, как и волостными судами, вообще не указывалось в статистических отчетах. А между тем это число было очень велико, что видно из расчетов Е. Н. Тарновского, которому удалось добыть за 1905 г. материалы о количестве уголовных дел, рассмотренных земскими начальниками и волостными судами. Первыми, по далеко не полным данным, было рассмотрено за 1905 г. 421 624 уголовных дела, а вторыми — 1 121 191, или всего 1 542 815 дел. Если считать, основываясь на соответствующих показателях деятельности мировых судов, что на 100 дел в те времена приходилось 50 осужденных, то указанными судебно-административными учреждениями в 1905 г. было осуждено 770 тыс. человек, т. е. почти столько же, сколько по всем другим судам страны (839,9 тыс. человек).

«Если прибавить к тому числу другие 8 губерний Европейской России, а также Сибирь и Кавказ, то общее число осужденных как мировыми, так и судебно-административными (и волостными) судами оказывается, — справедливо писал Е. Тарновский, — превышает 1,5 млн. ежегодно. Но 1905 г., — подчеркивает он, — не характерен, он ниже среднего уровня. Но будет ошибкой признать, что ежегодно всеми судебными установлениями в империи, каково бы ни было их устройство, за все преступления и проступки осуждается в среднем около 2 млн. лиц обоего пола. Число это (2 млн. осужденных), хотя и колоссальное само по себе, не должно удивлять нас своими размерами. В Англии и Уэлсе (без Шотландии и Ирландии) число осужденных за все без исключения преступления и проступки составляет 782 000 человек ежегодно (в среднем за

---

³ Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. — «Журнал министерства юстиции», 1909, № 9, с. 58—59.

1903—1907 гг.) при населении в 4 раза меньше, чем в России (без Сибири). Во Франции осуждается ежегодно от 600 до 700 тыс. человек, а в Германии еще больше»⁴.

Приведенные данные являются яркой иллюстрацией обострения противоречий монополистического капитализма, втягивающего, в частности, миллионы людей в сферу преступности. Важно подчеркнуть, что темпы ее роста в период империализма резко повысились по сравнению с эпохой «свободного» капитализма, что прямо говорит об ухудшении материального положения большинства населения и о расширении освободительного движения. Еще в большей степени, чем в других странах, мы это видим на примере России. Если число осужденных общими судебными установлениями, рассматривающими наиболее тяжкие преступления, увеличилось с 1885 по 1898 г. на 12%, то за период 1899—1908 гг. оно возросло на 66%. Другими словами, если за последние 14 лет XIX в. преступность, измеряемая числом осужденных, увеличивалась ежегодно менее чем на 1%, то за первые 9 лет XX в. она возрастала ежегодно более на 7%, или в 7 раз быстрее! Чтобы получить более ясное представление о темпах роста преступности за это время, приведем соответствующие абсолютные и относительные данные по каждому году (табл. 26).

Таблица 26

Темпы роста преступности за 1899—1908 гг.*

Год	Общее число уголовных дел, поступивших в окружные суды	Общее число осужденных окружными судами (по рассмотренным делам)	Процент увеличения числа уголовных дел	Процент увеличения числа осужденных	На 1000 уголовных дел было осужденных
1899	287 790	55 840	100	100	208
1900	279 917	59 195	97	106	211
1901	302 043	59 686	105	107	198
1902	312 487	61 736	108	111	197
1903	325 213	63 084	113	113	194
1904	340 728	58 931	118	106	173
1905	344 489	53 218	120	95	154
1906	365 475	59 429	127	106	163
1907	408 249	74 879	142	134	183
1908	411 778	92 683	143	166	225

* Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг.

Из таблицы 26 видна огромная разница между числом поступивших в окружные суды уголовных дел и числом осужденных. Последние составляют не более $\frac{1}{5}$ первых. Чем же это объясняется? Здесь необходимо иметь в виду, что число осужденных ежегодно колебалось в зависимости от ряда обстоятельств, не изменяющих количества дел, как например от влияния «высочайших

⁴ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 60.

манифестов», изменения подсудности и т. п. Кроме того, согласно существовавшему законоположению об уголовной статистике в число поступивших в суд уголовных дел включались и дела, прекращенные в дальнейшем из-за отсутствия состава преступления (ст. 277 Устава уголовного судопроизводства). Такие дела, число которых было весьма значительным (от 25 до 40%), не могли, конечно, характеризовать движение преступности и должны быть исключены из общего итога. Следует также учесть, что из 100 подсудимых от 28 до 36 ежегодно оправдывалось. Напомним, что известное количество привлеченных к уголовной ответственности передавалось общими судами военным судам, что получило особое распространение в 1905—1906 гг. Большой скачок числа осужденных в 1907 г. объяснялся также и тем, что в этом году царское правительство, подавив первую русскую революцию, отменило военное положение в некоторых местностях страны, вследствие чего количество уголовных дел, подлежащих рассмотрению в общих судебных установлениях, резко повысилось. Рассмотрим основные причины увеличения преступности России в конце XX в. В период империализма особенно ухудшается положение народных масс России, социальные противоречия обостряются. Статистические данные того времени показали, что число дел и осужденных непрерывно увеличивалось. Правда, количество осужденных в 1904—1906 гг. несколько снизилось, но, как мы уже отмечали, снижение это было фиктивным и объяснялось в основном амнистией («всемилоостивейший манифест»), японской войной и буржуазными событиями первой русской революции. С 1906 г., как показывает табл. 26, общее количество дел и осужденных резко увеличилось, что наряду с другими причинами объяснялось главным образом все усиливающимся обнищанием широких трудящихся масс страны. Все это не могло не вызвать усиления уголовной и политической преступности среди населения, что и иллюстрировала своими показателями статистика (табл. 27).

Таблица 27

Количество рабочих на крупнейших предприятиях Петербурга*

Название предприятий	Состояло рабочих на 1 января 1907 г.	Состояло рабочих на 1 января 1908 г.	Число уволенных
Путиловский завод	10 950	7000	3950
Невский судостроительный и механический заводы	5 000	3500	1500
Вагоностроительный завод	2 100	400	1700
Металлический завод	2 000	1700	300
Механический завод Нобеля	800	700	100
Машиностроительный завод Лесснера	600	400	200
Чугунно-труболитейный завод	460	300	160
Механический завод Копелля	400	280	120

* Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950, с. 312.

Таблица 28

Число ежегодно возникших следствий по некоторым преступлениям
(по всей империи)*

Виды преступлений	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
Все преступления	266 710	271 642	296 197	302 667
В том числе:				
против порядка управления	8 048	8 209	8 696	9 399
против жизни	16 293	16 425	17 431	16 117
телесные повреждения	52 752	58 250	64 788	64 329
истребление имущества	14 978	14 703	17 402	16 302
насилованное похищение имущества	20 322	21 028	22 821	23 421
кражи	63 328	67 616	76 114	81 791

* Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899—1903 гг. —

Вполне понятно, что такое резкое сокращение рабочих проводилось не только на предприятиях Петербурга, но и в других городах России. Учитывая разорение русской деревни, мы отчетливо видим, что жизненный уровень двух основных трудящихся классов — пролетариата и крестьянства — был в начале XX в. потрясаяюще низким. Все это усугублялось невероятным политическим гнетом, что, естественно, вместе взятое, и являлось основной причиной политической и уголовной преступности. Таким образом, сама экономическая и политическая структура царизма неизбежно порождала преступность, как и другие социальные «язвы». Только его ликвидация революционным путем и могла привести к уничтожению этих «язв». Конечно, было бы неправильным считать всех преступников выходцами из «низших» кругов общества, хотя их и было более $\frac{9}{10}$ общего числа осужденных царскими судами. Так получалось, если ограничить исследование преступности рассмотрением официальных статистических материалов — «Сводов». Но, как мы уже отмечали, «Свод» не учитывали самые тяжкие преступления, совершаемые представителями господствующих классов. Необходимо иметь в виду, что «Свод» не учитывали также деятельность военных судов и других карательных учреждений, т. е. оставляли в стороне вопрос о политической преступности (табл. 28).

При рассмотрении табл. 28 необходимо иметь в виду, что она характеризует структуру лишь наиболее серьезных преступлений, так как в соответствии с законоположением того времени следствие было обязательно только по делам о тяжких преступлениях, подсудных окружному суду или судебной палате (ст. 249 Устава уголовного судопроизводства). Таким образом, в данной таблице не отражено огромное число менее опасных уголовных нарушений, рассматриваемых окружными (по делам о преступлениях, не вле-

1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
326 667	335 059	393 008	417 763	396 468	385 039
9 607	9 186	16 240	19 733	10 917	8 729
20 194	22 369	29 821	36 548	55 294	33 053
74 128	75 544	87 356	57 406	48 348	44 376
18 916	21 386	27 314	32 835	33 625	29 120
25 674	28 028	41 158	57 478	52 935	47 107
87 382	94 716	105 585	117 441	111 359	108 507

«Журнал министерства юстиции», 1909, № 9.

кущих лишения или ограничения прав), мировыми (дела о проступках против общественного порядка, личных оскорблений и побоях, о мошенничествах и кражах на сумму свыше 300 руб.) и другими низшими судами (волостными, гминными, уездными и пр.). Однако движение лишь одних серьезных уголовных нарушений за рассматриваемые нами годы представляет само по себе большой интерес, поскольку темпы этого движения наглядно показывают, как влияли на преступность соответствующие социально-политические условия. Возьмем, например, преступления против порядка управления, куда, в частности, включались восстания и сопротивления властям, а также аграрные беспорядки. Их динамика весьма характерна, ибо непрерывный рост таких преступлений (исключая годы русско-японской войны) является иллюстрацией освободительного движения в стране. В 1905 г. число следствий по этим преступлениям удвоилось, а в 1906 г. превысило почти в 2,5 раза уровень 1899 г. Подавление первой русской революции привело к падению указанных преступлений в 1907—1908 гг. (см. табл. 28). Однако содержащиеся в табл. 28 сведения о числе преступлений против порядка управления значительно занижены, так как большинство из них, особенно в 1905—1906 гг., рассматривалось не общими, а военными судами. То же мы наблюдаем и по другим преступлениям, кроме кражи. Наиболее тяжкие преступления против личности — убийства — возросли с 1899 по 1908 г. включительно более чем в два раза, причем особый размах они получили в 1907 г., когда революция была подавлена и царский суд усилил борьбу с уголовными нарушениями. Снижение в 1906 г. количества телесных повреждений в значительной степени объяснялось изменениями уголовно-процессуального характера. Согласно закону от 18 марта 1906 г. большинство дел о телесных повреждениях, возникших в порядке част-

ного обвинения, были переданы из общих судебных установлений в ведение мировых судов. Резко возросли за первые восемь лет нашего века кражи и насильственные похищения имущества, что прямо упиралось в крайне тяжелые материальные условия подавляющей части населения. Это подтверждается также и тем, что преступления против собственности занимали доминирующее место в общем итоге уголовных нарушений. По всем судам удельный вес таких преступлений составлял за 1901—1908 гг. 60%. Любопытно, что поджоги (истребление имущества) достигли своего максимума после 1905 г., чему Е. Тарновский дает следующее объяснение: «Поджоги в большинстве своем преступления, совершаемые тайно из мести, преимущественно в среде сельского населения, лицами неимущими или малоимущими против имущих. Поэтому-то поджоги в 1907 г. явились как бы заменой аграрных преступлений и грабежей, т. е. нападений открытой силой на чужую собственность, нападений, уже отбитых и подавленных в 1907 г.»⁵.

Таблица 29

Число осужденных судебными установлениями*

Название преступлений	1902 г.		1906 г.**	
	Абсолютное число	В процентах к итогу	Абсолютное число	В процентах к итогу
Все преступления	53 599	100	59 230	100
В том числе:				
против порядка управления	7 959	14,8	17 071	28,8
телесные повреждения	9 449	17,6	7 829	13,4
истребление имущества	430	0,8	626	1,1
насильственное похищение имущества	1 976	3,7	3 178	5,4
кражи	15 845	29,6	14 675	24,8

* Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1889—1908 гг., с. 73.

** Надо иметь в виду, что большинство осужденных в 1906 г. совершило преступление еще во второй половине 1905 г.

Рост преступности наглядно иллюстрируется табл. 29, которая показывает характерное изменение структуры уголовных нарушений за какие-нибудь три-четыре года (табл. 29).

Как видим, удельный вес преступлений против порядка управления возрос без малого в 2 раза (с 14,8 до 28,8%). Почти в 1,5 раза увеличились поджоги и грабежи, куда, в частности, относились и так называемые экспроприации, т. е. насильственное отчуждение собственности на нужды революции (ограбление банков, фабрик и т. п.). Характерно, что число осужденных за кражу уменьшилось и абсолютно, и относительно, что наряду с другими

⁵ Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1889—1908 гг., с. 70.

причинами объяснялось ослаблением борьбы царских судов с этим видом преступлений в тот период, когда все силы царизма были направлены на подавление революции. Отсюда большое число следствий по кражам не доходило до суда или прекращалось им в подготовительном заседании.

Рост преступлений, связанный с революционным движением 1905—1906 гг., будет выражен особенно ярко, если сравнить данные о числе возникших следствий по 29 окружным судам, расположенным в местностях, более других охваченных революционным движением, с такими же данными по остальной России (табл. 30).

Таблица 30

Рост преступности в России в 1905—1906 гг.*

Год	Преступления против порядка управления		Поджоги		Разбой и грабежи		Убийства	
	29 окруж- ных судов	Прочая Россия	29 окруж- ных судов	Прочая Россия	29 окруж- ных судов	Прочая Россия	29 окруж- ных судов	Прочая Россия
1899	100	100	100	100	100	100	100	100
1903	134	115	148	117	143	121	134	121
1904	126	111	174	129	160	131	156	132
1905	314	171	250	153	245	190	215	154
1906	379	206	324	174	365	258	279	210
1907	175	124	336	176	368	228	290	193
1908	110	108	277	159	300	211	247	191

* Энциклопедический словарь «Гранат», т. 36, ч. V, с. 639—640.

Какова же была динамика преступности в последнее десятилетие существования царизма, в частности в годы реакции и в период первой мировой войны?

§ 2. ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО И РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Подавление революции 1905—1907 гг. и установление в стране жесточайшей политической (столыпинской) реакции (1908—1912) не привело к уменьшению уголовной преступности. Характерно, что с 1909 по 1913 г. во всей промышленности России наблюдалось значительное оживление, перешедшее далее в общий подъем промышленности, прерванный первой мировой войной. Однако это не повлияло на продолжающийся рост преступности, поскольку положение рабочего класса и особенно разоренного крестьянства продолжало оставаться тяжелым. Движение преступ-

ности в последнее пятилетие перед войной может быть охарактеризовано следующими данными о числе уголовных дел, поступивших в различные «судебные места» (табл. 31).

Как видно из табл. 31, за пять лет число дел в общих судах, рассматривающих только серьезные преступления, увеличилось почти на 18%, в мировых судах — на 28, у уездных членов суда — на 31 и у городских судей — на 29%. При всей неполноте приведенных данных абсолютное число уголовных дел, поступившее в эти суды и достигающее перед первой мировой войной почти 2,5 млн. ежегодно, не может быть не признано поистине огромным. Если учесть деятельность других, не отраженных в табл. 31, судов, то число уголовных дел достигнет 3,5—4 млн. в год. Чтобы получить представление о том, за счет каких именно преступлений шел общий рост преступности, приведем показатели о дви-

Таблица 31

В судебные учреждения поступило уголовных дел*

Год	В общие судебные учреждения от следователей	В мировые суды	К уездным членам суда	Городским судьям
1909	412 610	1 123 762	231 269	280 173
1910	444 503	1 240 864	263 269	312 040
1911	448 454	1 290 495	273 965	329 059
1912	463 008	1 416 572	341 899	340 406
1913	482 015	1 440 935	302 002	362 081

* Общий обзор статистических сведений о деятельности судебных мест за 1913 г. Спб., 1915, с. 41.

жения некоторых видов наиболее опасных уголовных нарушений, дела о которых поступали в окружные суды от следователей (табл. 32).

Как и в предыдущие годы, на первом месте по численности стоят преступления против собственности — кражи, насильственное похищение имущества, присвоение, растраты, мошенничество и подлоги и т. п. По окружным судам доля таких преступлений в общем итоге составляла в среднем за рассматриваемые пять лет больше 50%. Что касается мировых судов, представляющих статистические сведения лишь по тем преступным деяниям, которые карались не ниже тюремного заключения, то 83% всех осужденных к такому заключению были осужденными за кражу, покупку краденного и укрывательство похищенного. Важно подчеркнуть, что преступления против собственности из года в год значительно увеличивались — особенно кражи — с 125,2 тыс. до 167,8 тыс., или более чем на одну треть, также как и растраты — подлоги и т. п. (см. табл. 32).

Интенсивный рост преступлений вообще и преступлений против собственности в особенности шел в эти годы параллельно с ростом

промышленности. Стоит только сказать, что продукция тяжелой промышленности за пятилетие (1909—1913) возросла почти на 76%, продукция легкой промышленности — на 39%. Темп промышленного развития России был весьма высокий. Так, например, добыча каменного угля возросла с 1588 млн. пудов в 1909 г. до 2200 в 1913 г., или почти на 40%, против 24% в США, 28% в Германии и 7% в Англии; выплавка чугуна в России возросла на 61%, а в США — на 20%, в Германии — на 33 и в Англии на 8%. Увеличилось также производство сахара, потребление хлопка, оборот внешней и внутренней торговли. Период империализма в России характерен высокой концентрацией производства, кото-

Таблица 32

Динамика наиболее опасных уголовных преступлений по окружным судам*

Виды преступлений	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Кражи	125 201	154 819	152 209	156 015	167 755
Насильственное похищение имущества	41 895	40 618	40 536	41 721	43 323
Убийства	30 942	31 113	32 500	33 879	34 438
Служебные преступления	13 461	14 033	13 703	14 911	14 501
Против порядка управления . . .	8 291	8 515	8 803	9 000	9 541
Религиозные преступления . . .	2 283	2 732	3 039	3 415	3 461
Лжеприсяга, лжесвидетельство, ложный донос	10 642	13 195	14 089	15 471	14 291
Против женской чести	12 622	13 631	14 510	15 100	16 195
Против нравственности	1 107	1 336	1 321	1 477	1 279
Против союза родственного и брачного	3 477	3 870	4 542	5 036	5 365
Нарушение правил благоустройства	4 498	4 608	5 092	5 677	6 088
Нарушение уставов торговых и кредитных	2 814	2 913	3 082	4 109	4 661
Присвоения, растраты	4 769	4 809	4 714	5 615	5 917
Подлоги в актах, обязательствах	6 633	7 017	7 210	7 916	8 158

* Свод статистических сведений по делам уголовным за 1913 г. Пг., 1916, с. 12.

рая еще более усилилась в эти годы, что привело к росту производительности и интенсивности⁶.

И на фоне такого разворота промышленности и торговли еще более отвратительными выглядели неустрашимые язвы капитализма: преступность, нищета, проституция и т. п.

«Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при

⁶ См.: Хромов П. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950, с. 342—347.

этом не уменьшает нищету и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения»⁷. Подъем промышленного производства России в последнее пятилетие перед первой мировой войной привел к увеличению огромных прибылей капиталистов. Однако эти доходы почти не отразились на жизненных условиях рабочего класса. Погоня за прибылью и «экономия» на «благоустройстве» своих предприятий приводили, естественно, со стороны фабрикантов к увеличению уголовных нарушений, учитываемых статистикой под рубрикой «нарушения правил благоустройства».

То же самое имело место и в отношении «нарушения Уставов торговых и кредитных», куда относились невыполнение установленных правил торговли, невыполнение обязательств по полученным кредитам и пр. Большой рост таких преступлений (первых с 4498 в 1909 г. до 6088 в 1913 г., или на 38%, соответственно вторых с 2814 до 4661, т. е. более чем на 70%) был своеобразным отражением разворота промышленности и торговли в эти годы.

Продолжительный рабочий день и низкая оплата труда в несколько раз меньше зарплаты американского и английского рабочего — характерные черты русской промышленности в период империализма. Жестокая эксплуатация в соединении с полицейским режимом царизма создавала невыносимые условия существования для рабочего класса России. Все это вызывало отпор с его стороны главным образом в виде стачек, являвшихся мощным политическим и экономическим оружием в руках пролетариата. Преступления против порядка управления возросли за пять лет с 8291 до 9541 дел, или почти на 15%. Наряду с этим многие рабочие, особенно еще не достигшие определенного уровня политического сознания, угнетенные каторжным трудом, вечной нуждой и безработицей, постоянно озабоченные прокормлением себя и своей семьи, шли на «нарушение закона», большей частью на преступление против собственности. Так обстояло дело в городах. Но уголовная статистика показывала, что преобладающее большинство осужденных являлись в прошлом крестьянами, и это вполне понятно, поскольку крестьяне составляли около 80% населения страны. Мы отмечали, что русская деревня была разорена в рассматриваемое нами время столыпинской реформой, послужившей средством мобилизации земли в руках кулацких хозяйств и одновременно средством обнищания преобладающей массы крестьян. Наряду с усилением крестьянского движения против помещиков и сельской буржуазии, что частично нашло свое отражение в указанном увеличении преступлений против порядка управления, росла и уголовная преступность. Это становится особенно понятным, если вспомнить об огромном избытке рабочих рук в сельском хозяйстве, об огромной резервной армии труда, превышавшей в начале нашего века 20 млн. человек. Эти люди, буквально готовые на все за кусок хлеба, шли в города, пересе-

---

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 515.

лялись в другие губернии и, не находя в большинстве случаев работы, также были вынуждены «нарушать закон». Вот основные причины роста преступлений против собственности, совершаемых на $\frac{9}{10}$ выходцами из «низших классов». Конечно, не одни рабочие и крестьяне пополняли собой постоянно растущую армию уголовных преступников. Известную долю, и по некоторым преступлениям весьма значительную, занимали представители господствующих классов и «средних» сословий (мелкая буржуазия, чиновники, лица «свободных» профессий и т. п.). Однако наряду с уже указанными причинами в последующем пятилетии появились свои, специфические для данного периода причины. Как известно, поражение революции 1905 г. породило разложение и упадничество среди многих слоев населения и особенно среди либерально настроенной интеллигенции. В искусстве и литературе наблюдались отказ от реализма, поворот к декадентству и мистике, оплевывание революции, воспевание предательства и разврата под видом культа «сильной личности», «сверхчеловека». Отделы происшествий и уголовной хроники тогдашней прессы дают огромное количество примеров массовых самоубийств и кошмарных преступлений, вызванных маразмом и разложением буржуазного общества в последние годы царизма.

Показатели уголовной статистики иллюстрируют увеличение числа преступлений в период реакции, что было неминуемым порождением самой структуры тогдашнего общественно-политического строя. Так, количество уголовных дел о тягчайших преступлениях против личности — убийствах — достигло в этот период громадных абсолютных размеров и увеличилось с 30 942 в 1909 г. до 34 438 в 1913 г. (почти на 12%), причем количество осужденных за убийство возросло с 6777 человек в 1910 г. до 8134 человек в 1912 г. (на 20%)⁸.

Желание «хорошо пожить» приводило к росту подлогов (главным образом векселей): с 6633 уголовных дел, возбужденных в 1909 г., до 8158 — в 1913 г. (на 25%) и соответственно присвоений и растрат — с 4769 до 5917 (на 25%). Моральное разложение, нравственное лицо тогдашнего общества прекрасно характеризуется увеличением «преступлений против женской чести» — с 12 622 уголовных дел до 16 195, или почти на одну треть, соответственно преступлений «против союза родственного и брачного», куда, в частности, включались «прелюбодеяние и кровосмешение», — с 3477 до 5365 уголовных дел (почти на 60%) и «преступлений против нравственности» (педерастия, скотоложество и пр.) — с 1107 до 1279 (на 16%). В 1912 г. это составляло 34%. Подкупы, взятки, ложные доносы, биржевые аферы должностных лиц, показывающие нравственный облик значительного числа «крупных и мелких» служащих в государственных и частных учреждениях,

---

⁸ Свод статистических сведений по делам уголовным за 1912 г. Спб., 1915, с. 8.

убедительно подтверждаются ростом служебных преступлений — с 13 461 до 14 501 уголовного дела, а также лжеприсяг, лжесвидетельств и лжедоносков — с 10 642 до 14 291 дела (более чем на $\frac{1}{3}$).

Возникает вопрос: если преступность непрерывно росла даже в годы экономического подъема, то как повлияла на это движение первая мировая война, принесящая народам Европы неисчислимые бедствия и являющаяся сама по себе чудовищным преступлением империализма?

Анализ преступности в период первой мировой войны

Война довела хозяйственную жизнь России до упадка. Кризис охватил и промышленность, и сельское хозяйство. Напомним, что первая мировая война отвлекла от производительного труда около 14 млн. человек, или почти половину трудоспособных мужчин (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. работоспособное мужское население сократилось на 47,4%, сельское население в 1913 г. составляло 82,4%, а городское — 17,6%). Особой остроты расстройство экономики страны достигло к концу 1916 г. Росла безработица, росло число стачек и революционных выступлений рабочих и крестьян. Характерно, что, несмотря на резкое сокращение валового сбора хлебов, в стране были излишки сельскохозяйственных продуктов, так как во время войны хлебный экспорт, достигавший 764 млн. пудов в 1913 г., почти прекратился. Однако из-за неспособности царского правительства организовать снабжение, нарушений железнодорожного сообщения, роста цен и спекуляции трудящееся население городов голодало начиная с конца 1915 г. В этой связи В. И. Ленин писал: «Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья, — и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица!»¹.

Вполне понятно, что война, подорвавшая до последней степени народное хозяйство страны, не могла не отразиться на состоянии преступности.

Надо сказать, что в литературе делались попытки выяснить влияние войн на движение преступности (в Германии, например, работы Штарке, в России Гернета и Тарновского), причем основной упор делался на отлив большого числа мужчин в армию как на причину снижения преступности. Это, вообще говоря, правильно, хотя в отдельных странах, и в частности в России, некоторые войны не приводили к снижению преступности.

Так, Тарновский Е. отмечал, что, если во время франко-прусской войны 1871 г. и греко-турецкой 1897 г. преступность в названных странах значительно сократилась, так же как и в России во время Крымской войны 1854—1855 гг., то во время войны с Турцией (1877) и с Японией (1904—1905) преступность в России даже повысилась.

В подтверждение он приводил следующие статистические данные (табл. 33).

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 155—156.

Автор объясняет увеличение преступности во время войны с Японией (где, кстати говоря, преступность резко понизилась)

Таблица 33

Численность возникших следствий, %*

Год	По всем преступлениям вообще	Разбой, грабеж	Против порядка управления	Против жизни
1901	100	100	100	100
1902	103	103	108	92
1903	109	113	110	116
1904	112	123	106	129
1905	132	181	187	171
1906	156	252	226	210

* Тарновский Е. Н. Влияние войн на движение преступности. — «Журнал министерства юстиции», 1915, № 6, с. 86.

тем, что война была чужда народу, у которого «не было объединяющего чувства с правительством, а также разединенностью наций, классовой, экономической и политической борьбой»².

С этим нельзя не согласиться. Надо лишь подчеркнуть, что в период русско-японской войны назревали и разворачивались бурные события 1905 г. Увеличение преступности в 1877 г. во время русско-турецкой войны Е. Тарновский объясняет тем, что она происходила

далеко от России и, добавим от себя, ее влияние на экономическую жизнь страны почти не чувствовалось.

Первая мировая война по своим масштабам и принесенным бедствиям не имела себе равных в прошлом. Ее влияние на преступность было огромно и не могло идти ни в какое сравнение с предыдущими войнами. Е. Тарновский, охваченный в начале войны, как и большинство его коллег, патристическим восторгом, с пафосом писал: «Настоящая война происходит при совершенно других обстоятельствах и при другом настроении народной массы, чем в 1904—1905 гг. Помимо всеобщего объединения уже одно запрещение продажи спиртных напитков положило прочное начало к улучшению народной нравственности и уменьшению преступности в широких слоях населения. Достаточно сказать, что во второй половине 1914 г. преступность сравнительно со второй половиной 1913 г. уменьшилась на 20%»³.

Но столь оптимистический взгляд автора на «улучшение народной нравственности» и «всеобщее объединение» не имел никаких оснований, приведенные цифры, охватывающие лишь первое полугодие войны, были совершенно не показательны. В этом убедился и сам Е. Тарновский, который под влиянием непредвиденных им катастрофических последствий войны вынужден был в дальнейшем прийти к совершенно противоположным выводам. Однако прежде чем перейти к анализу движения преступности в России в годы империалистической войны, необходимо сказать несколько слов о статистических источниках, на которых может основывать-

² Тарновский Е. Н. Влияние войн на движение преступности, — «Журнал министерства юстиции», 1915, № 6, с. 87.

³ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 88.

ся этот анализ. Надо иметь в виду, что «Свод статистических сведений по делам уголовным», дающий разносторонний материал о преступности, был опубликован в последний раз за 1913 г. Следовательно, такой материал не может быть использован для решения поставленной задачи.

Значит, нам вновь придется обратиться к статье Е. Тарновского⁴. Иных статистических источников по данному вопросу мы не имеем. Для нас в этой статье особую ценность представляют фактические данные.

«Для того чтобы сравнить числа, относящиеся к преступности периода войны (1914—1916 гг.), с предыдущими данными, мы решили взять данные за 6 лет, с 1911 по 1916 г. включительно. При этом пришлось несколько ограничить территорию наблюдения, взяв не все пространство Русского государства, а лишь некоторые избранные районы. Дело в том, что начиная с 1914 г. уже невозможно для суждения о движении преступности в России, пользоваться общими итоговыми цифрами по всей стране... для сравнения данных, относящихся, например, к 1915 г. с предыдущими, необходимо выделить те окружные суды, районы которых были заняты неприятелем (округ Варшавской судебной палаты и некоторые др. суды). Кроме того, по делам мировой юстиции должны быть изъяты из сравнения десять губерний, в которых в 1914 г. был введен местный суд по закону от 15 июня 1912 г., тогда как в остальной России до половины 1917 г. действовали еще ранее установленные судебно-административные учреждения...»⁵

Работа по вычислению указанных изъятий, особенно в связи с распределением по категориям различных преступлений и подсудимых, повлекла бы за собой большую трату времени, тем более, что цифровой материал за 1916 г. по обстоятельствам, вызванным условиями военного времени, еще не закончен разработкой»⁵.

Под влиянием общественного мнения и нового революционного подъема 15 июня 1915 г. царское правительство издало закон «О местном суде», согласно которому восстанавливались мировые суды в тех губерниях, где они были заменены земскими начальниками, ставшими ненавистными широким массам крестьянства. Практически мировые суды были восстановлены перед войной лишь в губерниях центральной полосы России.

Что же делает Е. Тарновский при указанных трудностях? Он ограничивается выборкой по некоторым районам, преступность которых, на его взгляд, представляет особый интерес. Для этого он сводит статистические материалы по окружным судам, находящимся в крупнейших городах Европейской России и обслуживающим определенную губернию, причем отдельно показывает движение преступности в городах и селах.

⁴ См.: Тарновский Е. Н. Война и движение преступности в 1911—1916 гг.—«Сборник статей по пролетарской революции и праву», 1918, № 1—4, с. 98.

⁵ Там же, с. 102.

«Сведения эти, несмотря на ограниченность территории, касающиеся столь значительного числа случаев за 1911—1916 гг. (до 300 000 возникших у судебных следователей следствий и до 2 000 000 дел мировой юстиции), что представляют достаточную гарантию в устойчивости и закономерности построенных на них соотношений и выводов»⁶.

Для исследования движения наиболее серьезных преступлений он подытоживает сведения, взятые им из особых отчетных ведомостей, ежегодно представляемых председателями окружных судов о числе возникших следствий по крупнейшим городам страны. В результате были получены относительные показатели (табл. 34).

Таблица 34

Общее число возникших следствий*

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Петроград	100	111	122	119	98	**
Москва	100	105	108	101	109	150
Н. Новгород	100	106	105	98	68	116
Казань	100	104	103	83	66	98
Саратов	100	92	126	129	119	151
Астрахань	100	97	99	78	79	115
Харьков	100	107	127	121	117	155
Киев	100	106	112	95	85	107
Одесса	100	110	118	108	85	91
Рига	100	108	126	118	76	85
Итого по 9 городам без Петрограда . .	100	105	113	104	95	124

* Тарновский Е. Н. Война и движение преступности в 1911—1916 гг.

** Отчетные ведомости и вся статистическая отчетность по Петроградскому суду уничтожены пожаром 28 февраля 1917 г.

Как видим, движение преступности в целом по большим городам Европейской России за указанное время имеет одну и ту же тенденцию: непрерывное повышение числа возникших следствий вплоть до начала империалистической войны, затем заметное сокращение до минимума в 1915 г. и, наконец, резкое увеличение в 1916 г. Е. Тарновский не дает объяснения указанной кривой, отмечая лишь, что с 1 августа 1914 г. была запрещена продажа водки, что и повлекло за собой снижение преступности. Конечно, это имело определенное значение, но не являлось решающим. Уменьшение преступности в целом по крупным городам в 1914 г. и особенно в 1915 г. объяснялось главным образом огромным от-

⁶ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 102.

ливом мужского населения в армию, а отсюда возможностью найти работу оставшимся в тылу. В 1916 г. положение изменилось. Разруха, вызванная войной, достигшая особых размеров в 1916 г., голод, рост цен, спекуляция, обесценивание денег — все это не могло не привести к резкому возрастанию преступности именно в этом году. Не следует забывать, что речь идет о крупных городах, где преступность и в мирное время была всегда значительно выше других районов страны. Что же касается периода войны, то крупные города, где разительные контрасты капитализма особенно били в глаза, пополнились многочисленными беженцами из прифронтовой полосы, спекулянтами, наживающими сотни тысяч на гнилых армейских поставках и других махинациях, офицерами, приехавшими на побывку или в командировку и т. п. В больших городах во время войны можно было особенно наглядно видеть, с одной стороны, страдания широких трудящихся масс, их голод и нищету, а с другой — «прожигание жизни» представителей имущих классов.

Как будто чувствуя близкий конец, эти люди кутили и веселились под стон раненых и умирающих на полях сражений. Рестораны, клубы, публичные дома «работали» в это время вовсю. Понятно, что крупные города являлись магнитом всевозможных уголовных элементов, находящих здесь «богатый улов», что также имело не малое влияние на увеличение преступности. Однако, чтобы получить более ясное представление о движении преступности, надо исследовать это движение по отдельным категориям уголовных нарушений. Это мы и видим в табл. 35, составленной им по тем же городам, что и предыдущая, за исключением Петрограда и Риги, чем и объясняется некоторое несходство итоговых данных (табл. 35).

Как видно из приведенной таблицы, преступления по специфике их движения могут быть распределены на две группы: первая

Таблица 35

Относительные числа возникших следствий в городах*

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Политические преступления	100	84	46	45	43	41
Убийства	100	113	115	101	94	113
Телесные повреждения	100	102	99	74	46	49
Разбой и грабеж	100	105	110	74	40	48
Кражи	100	101	111	104	111	153
Остальные преступления**	100	114	118	115	102	122
Все преступления	100	105	112	102	97	128

* Тарновский Е. Н. Война и движение преступности, с. 105.

** Преимущественно преступления служебные, против порядка управления, нарушения различных уставов и др.

характеризуется снижением за рассматриваемые нами годы, а вторая, наоборот, значительным ростом. К числу первых относятся политические преступления, в чем Е. Тарновский видит «единение народа и правительства» в первые годы войны, а также телесные повреждения и насильственное похищение имущества. Надо тут же оговориться, что фактическое движение политических преступлений не только не отражается, а скорее искажается в приведенных показателях, поскольку деятельность военных судов, рассматривавших большинство таких преступлений (особенно в годы войны), не учитывалась данной таблицей. Отметим, что Е. Тарновский, фетишизирующий статистику, как и большинство его коллег, с некоторым смущением писал:

«Вообще по движению численности государственных преступлений нельзя было бы судить о возможности столь быстрого и успешного наступления революции...

Уголовная статистика в данном случае не могла бы служить барометром политической погоды»⁷.

Конечно, для Е. Тарновского, считавшего буржуазно-дворянский строй вечным и неизменным, а революцию «временным бунтом», события 1917 г. были неожиданностью. Статистика его здесь здорово подвела, что вполне понятно, ибо без политико-экономического анализа ее показатели мертвы, а само статистическое исследование, по выражению В. И. Ленина, превращается в «игру в цифирки». Резкое снижение с 1914 г. грабежей и телесных повреждений трудно объяснимо. Серьезную роль здесь сыграли огромное отвлечение в армию наиболее трудоспособных мужчин и замена их в тылу женщинами и подростками, преступность которых резко повысилась (заметим, что 90% осужденных за грабеж составляли мужчины от 20 до 40 лет)⁸.

То же можно сказать и о телесных повреждениях, причем немалое значение тут имело запрещение с 1914 г. продажи спиртных напитков, под влиянием которых совершалось ранее много драк, нанесений ран и увечий. Следует подчеркнуть, что, хотя указанные преступления в годы войны значительно снизились, их абсолютные размеры оставались еще очень велики. Весьма характерно, что число краж, доминирующее в общем итоге преступлений, возросло в 1916 г. против 1911 г. более чем в 1,5 раза.

Подъем этот может быть назван прямо-таки колоссальным, если принять во внимание, что он произошел несмотря на отлив взрослого мужского населения на войну и прекращения продажи водки — два столь могучих фактора в деле уменьшения преступности. Подобного рода факт отмечается уголовной статистикой впервые, и ни разу не происходило чего-либо подобного в исто-

---

⁷ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 108.

⁸ Удельный вес женщин в общем числе осужденных возрос в общих судах с 6,5% в 1912 г. до 15,4% в 1916 г., соответственно в мировых судах — с 17,0% до 24,1%.

рии прошлых войн, во время которых уже существовала судебная отчетность⁹.

Действительно, подобного факта не было в истории прошлых войн. Но не надо забывать, что в прошлом не было и такой колоссальной войны, как империалистическая война 1914—1918 гг., подорвавшая вконец народное хозяйство царской России. Нехватка продуктов первой необходимости, рост цен, а отсюда небывалое падение реальной зарплаты, развал промышленности и безработица, усугубляемая наплывом многочисленных беженцев, — все это привело к тому, что трудящееся население городов уже через 1,5—2 года после войны голодало. Так, например, на начало января 1917 г. в Петрограде имелся всего 10-дневный запас муки, 3-дневный запас жиров, мяса не было вовсе. Положение в других промышленных центрах было еще более катастрофическим. Поэтому вполне понятно резкое увеличение краж среди городского населения, обремененного в своем большинстве на вымирание. Как видно из табл. 35, возросли служебные преступления, против порядка управления, нарушение различных уставов и др., проходящие по группе «остальные преступления» (на 22% против 1911 г.). Все это также объясняется непосредственным влиянием войны, которая вызвала волну спекуляции и афер, отчетливо обнажив подкупность и продажность государственного и частнокапиталистического аппарата. Отсюда увеличение служебных преступлений, статистика которых не давала, конечно, правильного представления об их фактической динамике, поскольку значительная часть таких уголовных нарушений вообще не доходила до следствия и суда. Мы уже не раз говорили о резком ухудшении и без того тяжелых жизненных условий трудящихся города в период первой мировой войны, когда в частности, усилилась эксплуатация рабочей силы, особенно женщин и детей, заменивших ушедших на фронт мужчин. Прибыли капиталистов в годы войны увеличились в 3—4 раза, а на милитаризованных предприятиях, где были установлены каторжные условия труда, еще более. Здесь за малейшее нарушение правил или по подозрению в политической «неблагонадежности» рабочих отправляли на фронт. Все это приводило к увеличению стачек и других выступлений, частично отражаемых в группе преступлений против порядка управления. Заметим, что повышение интенсивности труда при массовом нарушении элементарных правил техники безопасности приводило к росту числа несчастных случаев, которые, как мы знаем, были чрезвычайно высоки и в мирное время. Надо сказать, что такие «случаи со смертельным исходом» включались в число убийств, заметно возросли в 1916 г. На наш взгляд, не только это обстоятельство привело к увеличению убийств на 13% против 1911 г. и более чем на 20% против предыдущего — 1915 г. В годы войны, когда «ценность» человеческой жизни, и так весьма низкая в любой буржуазной стране, падает до последней степени, когда мас-

⁹ См.: Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 106.

совое убийство на полях сражений¹⁰ делает многих «привычными» к подобным «делам», преступления против жизни поднимаются до максимума. Уголовная хроника последних лет войны дает большое число примеров умышленных убийств, совершенных с корыстной целью лицами, вернувшимися (временно или постоянно) с фронта и не могущими честным путем найти себе и своей семье «хорошее место за столом жизни». Немалое число убийц мотивировали свое преступление и тем, что им хотелось пожить «в свое удовольствие» в тылу, перед скорым возвращением на фронт, откуда, вполне вероятно, можно было уже не вернуться. Большой рост убийств во всех европейских странах в последние годы войны и после ее окончания неоднократно отмечался не только в уголовно-статистической, но и в художественной литературе (вспомним, например, рассказ А. Толстого «Убийство Антуана Риво»). Таким образом, война привела к интенсивному росту преступности в городах, что наглядно подтверждается приведенными статистическими данными.

Другую картину наблюдаем мы в сельских местностях, население которых составляло более 80% населения всей страны. Вот как выглядело движение числа следствий, возбужденных против жителей деревни по восьми окружным судам (Московский, Нижегородский, Казанский, Саратовский, Астраханский, Харьковский, Киевский и Одесский). Напомним, что следствия возбуждались лишь по серьезным преступлениям (табл. 36).

Таблица 36

*Движение следствий по восьми окружным судам
(число следствий)**

Название преступлений	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Государственные преступления	100	93	83	87	83	55
Убийства	100	105	110	93	67	66
Телесные повреждения	100	109	121	84	39	36
Поджоги	100	82	81	57	31	28
Разбой и грабеж	100	101	98	76	35	45
Кражи	100	101	103	90	79	112
Остальные преступления	100	108	107	93	74	74
Все преступления	100	102	103	85	64	75

* Тарновский Е.И. Война и движение преступности, с. 109.

Как видим, кривая преступлений населе иная, чем в городе. Если в городах число следствий в 1916 г. было на 28% больше, чем в 1911 г., то в деревне за этот период число возбужденных

¹⁰ «К концу войны общая численность мобилизованных в России составляла свыше 15 млн. человек, а общее число потерь доходило до 8 млн. человек. Таким образом, потери составили более половины мобилизованных мужчин лучших возрастов — цвет населения России» («Звезда», 1972, № 9, с. 172).

следственных дел сократилось на 25%. Правда, в 1916 г. преступность на селе всего лишь за один год возросла почти на 20%, но темпы роста преступности города были за это время несравненно интенсивнее (более чем на $\frac{1}{3}$). Говоря о преступности городского и сельского населения, уместно напомнить, что первая всегда значительно превышала вторую. Так, например, в России на 100 тыс. населения приходилось в уездах в 1912 г. 74 осужденных, а в городах с населением менее 100 тыс. жителей — 276, с населением не свыше 100 тыс. жителей — 307 осужденных, причем в Москве — 339 и в Петербурге — 404 осужденных¹¹. Такую же большую разницу мы наблюдаем и в других странах. Это было замечено многими учеными. Помимо того что крупные города, являясь центрами политической, экономической и культурной жизни страны, всегда были главной ареной политической и уголовной преступности, не надо забывать и обстоятельства чисто статистического характера, влияющих на уменьшение показателей преступности на селе против города. Мы имеем в виду особую подсудность сельского населения (волостные и другие суды), при которой огромное количество преступлений деревни не отражалось в «Сводах». Особенности жизни сельского населения в период войны предопределяли движение его преступности. Как видно из табл. 36, кражи, занимающие преобладающее место в общем итоге преступлений, несколько снизившись в первые годы войны, только за один 1916 г. возросли более чем на 40%. Все это свидетельствует об обнищании основной массы крестьянских хозяйств, разоренных империалистической войной.

Напомним, что работоспособное мужское население сократилось согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. почти в 2 раза. Поголовье лошадей — главной тягловой силы — уменьшилось с 17,9 млн. в 1914 г. до 12,8 млн. в 1917 г. Пришло в упадок также животноводство. Из года в год сокращалась площадь под посевами, падала урожайность. Посевные площади зерновых и картофеля уменьшились к 1917 г. по сравнению с 1914 г. на 11,7%, а валовой сбор продовольственных хлебов, кормовых культур и картофеля снизился за тот же период на 26,2%¹².

Вполне понятно, что озлобленная, голодная деревня, тысячами нитей связанная с фронтом, не могла остаться в стороне от влияния революционного брожения в армии. Это и являлось основной причиной усиления политической преступности деревни. Тяжелые жизненные условия большинства крестьян, особенно через 1,5—2 года после начала войны, не могли не повлиять на резкое увеличение числа краж — наиболее распространенного преступления — как в городе, так и в деревне. Что касается других кате-

¹¹ Свод статистических сведений по делам уголовным за 1912 г., с. 11—12.

¹² Большая советская энциклопедия, т. 50. М., 1957, с. 202.

горий преступлений, по которым велись следствия, то они значительно снизились с колоссальным отливом мужского населения в армию и до некоторой степени из-за запрещения продажи алкогольных напитков.

Говоря о преступности царской России в годы первой мировой войны, необходимо обратить внимание на весьма существенное, на наш взгляд, обстоятельство, мимо которого почему-то проходили Е. Тарновский и другие исследователи. Дело в том, что все они только констатировали сокращение преступности сельского населения в связи с мобилизацией миллионов мужчин и на этом ставили точку. Это, конечно, еще недостаточно. Здесь необходимо установить определенное соотношение между темпами снижения преступности и темпами снижения населения или же сопоставить по годам коэффициенты преступности, т. е. число уголовных дел, или осужденных, на 100 тыс. населения. Только такие обобщающие статистические показатели дали бы возможность взаимосвязанного рассмотрения населения и преступности и тем самым отразили бы фактическую динамику последней. К сожалению, мы не располагаем не только исчерпывающими, до даже частичными абсолютными данными о числе уголовных дел, или осужденных, и, следовательно, не в состоянии вычислить коэффициенты преступности. Но мы можем путем сравнения двух кривых — населения и преступности — определить, хотя бы приблизительно, соотношение между ними, а отсюда ответить на вопрос: действительно ли снижалась преступность в годы войны? Поскольку и абсолютно и относительно преступность в городах за этот период, как мы видели выше, значительно повысилась, постольку здесь идет речь о преступности сельского населения. Не проводя сложных статистических расчетов, сравним два показателя. Трудоспособное мужское население деревни сократилось к 1917 г. примерно до 52%, а число лишь серьезных преступлений, измеряемое количеством следственных дел, составляло в 1916 г. по отношению к 1911 г. 75%. Учитывая, что $\frac{9}{10}$ осужденных общими судами России были мужчинами, из коих свыше 80% имели возраст от 17 до 50 лет, можно с уверенностью утверждать об относительном росте на селе наиболее серьезных преступлений в годы первой мировой войны. Если бы мы были в состоянии вычислить соответствующие коэффициенты преступности как по итогу, так и по полу, возрасту и отдельным видам преступлений, то этот рост в целом составил бы, вероятно, не менее 25%.

Мы рассматривали движение преступности отдельно по городу и селу, причем единицей измерения везде являлось следственное производство. Большой интерес представляли бы общие показатели преступности (по городу и селу, вместе взятым), измеряемой не только числом следствий, но и числом обвиняемых. Тарновский приводит следующие данные по тем же восьми окружным судам (табл. 37).

Как видим, количество следствий составило в целом в 1916 г.

95% от уровня 1911 г., а количество обвиняемых — соответственно 80%. Какой же из этих показателей более точно отражает фактическое движение преступности?

Мы уже останавливались ранее на вопросе об единицах измерения преступности. Напомним, что количество осужденных менее точно характеризовало динамику преступности царской России, чем количество уголовных дел (следственных или судебных производств), поскольку на первый показатель влияли многие привходящие обстоятельства — интенсивность розыска преступников, амнистии и т. п. Е. Тарновский приводит ряд примеров, подтверждающих, что в годы войны розыск и обнаруживание виновных по многим уголовным преступлениям и особенно кражам оказались «не на высоте положения», причем в некоторых случаях при росте

Таблица 37

*Численность следствий по восьми окружным судам
число обвиняемых)**

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Число возникших следствий в районе восьми окружных судов (городские и сельские участки) . .	100	103	106	92	77	95
Число лиц, привлеченных по сим следствиям в качестве обвиняемых)	100	106	102	85	72	80

* Тарновский Е. Н. Война и движение преступности, с. 112.

следственных дел число обвиняемых даже падало. «Поэтому справедливо, — пишет автор, — «число возникших следствий» можно считать более близким к действительному количеству совершенных преступных деяний... а к числу обвиняемых (и еще более осужденных) следует относиться осторожно, как к показателю движения преступности во времени. Этот показатель малонадежный, и им можно пользоваться только в связи с другими числовыми данными (о числе возникших дел, произведенных дознаний и пр.)»¹³.

Таким образом, можно считать, что преступность в целом (и по городу, и по селу), измеряемая количеством следствий, возбуждаемых лишь по серьезным уголовным нарушениям, уменьшилась в 1916 г. по сравнению с 1911 г. на 5%. Принимая во внимание уже приведенные соотношения между темпами снижения преступности и темпами снижения населения, мы приходим к выводу, что преступность в годы империалистической войны значительно возросла.

¹³ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 113.

Надо иметь в виду, что все предыдущее исследование касалось в основном серьезных преступлений, дела о которых разрешались общими судебными установлениями. Огромное же количество менее серьезных преступлений, так называемых проступков, были, как известно, подсудны мировой юстиции.

Е. Тарновский правильно отмечает, что статистические данные о мировых судах сильно преуменьшали действительные размеры этих проступков, поскольку в годы войны «значительно уменьшилась энергия мировых судов, так же как и ослабилась реакция со стороны населения по делам частного обвинения»¹⁴.

Он приводит статистические данные о числе возникших уголовных дел у мировых судей по тем же восьми городам и констатирует падение этого числа в 1916 г. против 1911 г. более чем в два раза. Е. Тарновский еще раз подчеркивает, что «сокращение числа дел в мировой юстиции последовало по наименее важным проступкам, как например, нарушение паспортного устава, общественного порядка и спокойствия и др., которые даже не столько уменьшились в действительности, сколько перестали привлекать внимание соответствующих органов власти в тяжелое и тревожное время: не до них стало! Эти органы завалены по горло другими, гораздо более серьезными и ответственными делами. Подобное же явление, — вспоминает автор, — мы имели случай наблюдать в смутное время 1905—1907 гг., когда точно также число дел и подсудимых у мировых судей существенно уменьшилось, а в окружных судах, напротив того, увеличилось»¹⁵.

Любопытно, что количество наиболее часто рассматриваемых мировыми судами уголовных нарушений — краж — сократилось в 1916 г. значительно меньше, чем другие проступки, — всего на 3% против 1911 г., причем против 1915 г. наблюдался даже рост — почти на 15%. Следовательно, учитывая уход миллионов мужчин в армию и явную заниженность приведенных статистических данных, можно полагать, что количество уголовных дел (особенно краж), рассматриваемых мировыми судами, также возросло за годы империалистической войны.

Свержение самодержавия в результате буржуазно-демократической революции 1917 г. было крупным шагом вперед в политическом развитии России. Однако, используя еще недостаточную сознательность, опытность и организованность пролетариата, меньшевики и эсеры помогли буржуазии вырвать власть из рук победившего народа. Власть захватило временное буржуазное правительство, насколько не остановившее углубление хозяйственного кризиса в стране, который с неослабной силой продолжал развиваться. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности сократилась в 1917 г. по сравнению с предыдущим годом на 36,4%, также сократились посевные площади в сельском хозяйстве. Ко-

¹⁴ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 116.

¹⁵ Там же, с. 118.

лоссальный выпуск бумажных денег, способствующий спекуляции, небывалый рост цен и падение реальной зарплаты еще более ухудшили и без того тяжелое положение широких трудящихся масс.

«Полное расстройство всей хозяйственной жизни в России, — писал В. И. Ленин, — достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая совершенно целый ряд важнейших производств, лишаящая сельских хозяев возможности вести хозяйство в необходимых размерах, прерывающая железнодорожные сообщения, лишаящая многомиллионное промышленное население и города подвоза хлеба, такая катастрофа стала неминуемой. Мало того, разруха уже началась, охватив ряд отраслей»¹⁶.

Вполне понятно, что в такой обстановке не могла не возрасти преступность, усугубляемая разложением армии, наличием большого числа озлобленных вооруженных дезертиров, освобождением из тюрем уголовников и весьма слабой борьбой милиции Временного правительства с активизировавшимися «темными» элементами.

Таким образом, первая мировая война, разрушившая вконец народное хозяйство царской России, обрекая миллионы людей на неимоверные страдания, голод и нищету, привела к дальнейшему росту уголовной преступности, продолжавшемуся и в период нахождения у власти Временного буржуазного правительства.

---

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 195.

К. Маркс и Ф. Энгельс более ста лет тому назад установили, что капитализм, разоряя широкие трудящиеся массы и втягивая в производство женщин и детей, разрушает семью, создавая тем самым все условия для непрерывного роста малолетней преступности.

«Пауперизм с увеличенной скоростью порождает пауперизм. Но в той же мере, в какой растет пауперизм, растет и *преступность* и деморализуется самый источник жизни народа — *молодежь*»¹.

Эти слова приобретают особую силу в эпоху империализма, когда резкое ухудшение жизни большинства народа привело к бурному увеличению преступности вообще, преступности несовершеннолетних в особенности. Подобное явление мы наблюдаем как в буржуазных странах, так и в царской России. Приведем следующие данные о числе осужденных общими и мировыми судами (по последним за проступки, караемые только тюрьмой) в пределах всей страны (за исключением Тифлисского, Кубанского и Ставропольского судебных округов, удельных вес которых по числу осужденных составлял не более 7%) (табл. 38).

Как видим, за первые десять лет XX в. общее число осужденных возросло на 35%, число осужденных в возрасте от 10 до 17 лет — более чем в два раза. Любопытно, что Е. Тарновский посвятив специальную статью анализу преступности малолетних, не говорит ни слова о ее причинах: «Рост детской преступности есть явление общеевропейское... но увеличение числа осужденных несовершеннолетних в России за последнее десятилетие является исключительным по своей высоте и не находит себе примера в государствах Западной Европы»².

Все это правильно. Но в чем причины такого огромного роста? На этот вопрос Е. Тарновский не отвечает. Напуганный шквалом детской преступности, он лишь призывает «немедленно усилить и развить меры борьбы с нею путем энергичной и совместной деятельности общества и государства. В противном случае трудно надеяться на понижение в будущем числа преступлений и проступков, совершаемых детьми и подростками»³.

Е. Тарновский, как и другие буржуазные исследователи, не понимает или не хочет понять, что буржуазное общество не может принять какие-либо меры, поскольку оно само является основным рассадником преступности. Разоряя и эксплуатируя широкие массы народа, капитализм ставит в особо нетерпимые жизненные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 332.

² Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 48, 90.

³ Там же, с. 90.

Таблица 38.

Число осужденных общими и мировыми судами*

Год	Общее число осужденных	Процент увеличения, принимая 1901 г. = 100	Число осужденных в возрасте от 10 до 17 лет	Процент увеличения сего числа	Процент несовершеннолетних в общем числе осужденных
1901	119 764	100	3543	100	3,0
1902	119 902	100	3173	90	2,6
1903	120 195	100	3135	89	2,6
1904	110 828	93	3640	103	3,3
1905	100 215	86	3218	91	3,2
1906	112 497	94	3221	91	2,8
1907	137 963	115	3899	110	2,8
1908	154 175	129	4628	131	3,0
1909	164 718	138	6137	173	3,7
1910	161 904	135	7483**	211	4,6

* Тарновский Е. Н. Движение числа несовершеннолетних, осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901—1910 гг. — «Журнал министерства юстиции», 1913, № 10, с. 45.

** «Мы не упоминаем здесь о числе малолетних, осужденных по приговорам волостных судов. Число это остается неизвестным, но оно остается весьма значительным и, вероятно, не менее числа осужденных мировыми и городскими судьями».

условия детей и подростков «низших классов». Сотни тысяч бездомных «огольцов», обитателей различных ночлежек и притонов, вроде знаменитого московского Хитрова рынка, дети, лишенные родителей или бежавшие от них в поисках «сытой жизни», ученики, вроде чеховского Ваньки Жукова, бросившие постылый каторжный труд, почти всегда голодные и раздетые, — вот откуда формировалась постоянно растущая армия малолетних преступников. По отчетам Главного тюремного управления, не менее половины всех детей, поступивших в исправительные колонии или тюрьмы, были сиротами, полусиротами или внебрачными детьми, что, как правило, говорит об угнетающей семейной обстановке и тяжелых материальных условиях. Так, за 1911—1915 гг. 55% заключенных преступников до 17 лет были сироты, полусироты или внебрачные⁴. Показательны данные о профессии родителей осужденных юноцов (табл. 39).

Как видим, почти половина родителей малолетних преступников были рабочие или прислуга, вынужденные оставлять детей без присмотра, вечно нуждающиеся в самом необходимом. На втором месте стояли разоренные, голодающие крестьяне, дети которых зачастую были готовы на все, чтобы как-нибудь существовать. Итак, ужасающие жизненные условия, неизбежные при капиталистическом строе, усугубляемые в царской России многочисленными пережитками крепостничества, являлись основной причиной преступности как взрослых, так и несовершеннолетних. Это также вполне подтверждается и тем, что почти 90% несовершеннолетних были осуждены за кражу и насильственное похищение имущества.

⁴ Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г., ч. I. Спб., 1917, с. 98.

	1912 г.	1915 г.
Жили собственными средствами	2	5
Земледельцы	17	26
Рабочие, ремесленники, были в услужении	46	49
Другие занятия	11	10
Нищие, бродяги	3	4
Неизвестно	21	6
Итого:	100	100

* Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г., ч. I.

Надо отметить, что после осуждения дети-преступники зачастую становились рецидивистами. Дело в том, что, попадая в тюрьму, малолетние часто (51%) содержались вместе со взрослыми заключенными, причем 75% несовершеннолетних, находящихся в тюрьме, не обучались какому-либо ремеслу или грамоте и вообще ничем не были заняты. Нетрудно догадаться, что, выйдя из тюрьмы, подросток снова попадал в знакомую обстановку и вновь становился на преступный путь. Та же самая судьба ждала подростка, если вместо тюрьмы он был осужден «на помещение в исправительное заведение» или «под надзор». И первый, и второй вид наказания не только не исправляли, а еще более озлобляли юного правонарушителя. Ведь даже получив кое-какие профессиональные навыки, он был почти не в состоянии их применить, очутившись на «свободе», где, как и всегда, его ждали хроническая безработица, голод и нищета. Отсюда нас не должен удивлять большой процент рецидивистов среди несовершеннолетних преступников — 26,9%, (выше доли рецидивистов среди взрослых — 23%), причем по краже рецидивистов-юноцов — 55,6%⁵. Важно подчеркнуть, что больше половины рецидивистов (53,4%) ранее отбывали тюремное заключение, где они и получили соответствующие «навыки и закалку».

Прав М. Н. Гернет, утверждая, что «в общей армии преступности юные осужденные составляли всегда ее гвардию, ее отряд бессмертных; они не сдавались уголовной репрессии, выпущенные из тюремного плена, они сейчас же опять шли в битву и умирали упорными рецидивистами на каторге, в ссылке, на эшафоте»⁶.

Характерно, что авторы сборника «Дети-преступники» постоянно обращаются к «сильным мира сего» с призывами провести «необходимые реформы», которые изменят «нетерпимые условия жиз-

⁵ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 295.

⁶ Гернет М. Моральная статистика. 1922, с. 109.

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Число обвиняемых по возникшим следствиям старше 17 лет по 8 окружным судам (город и село) в относительных величинах	100	105	101	84	70	76
Число обвиняемых (по тем же следствиям), не достигших 17 лет в относительных величинах	100	113	136	111	133	195
Процент малолетних (до 17 лет) к общему числу обвиняемых . .	3,5	3,8	4,7	4,2	6,5	8,6

* Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 113.

ни», не желая понять, что помочь делу могла только революция. Показателен в этом отношении призыв одного из авторов сборника:

«Превратите вонючий подвал в чистую светлую комнату, грязную улицу в разумную школу, нужду и беспризорность — в уют, хотя и самый скромный»⁷.

Весь этот пафос был на руку «стоящим у власти», поскольку создавалась видимость, что в условиях буржуазно-дворянского государства можно бороться с нищетой и преступностью. Мы уже писали о влиянии первой мировой войны на движение преступности. Именно в этот период, когда миллионы мужчин ушли на фронт, а женщины и подростки зачастую заменяли их на фабриках и полях, когда в результате экономического кризиса и без того тяжелая жизнь трудящихся резко ухудшилась, когда тысячи бездомных беженцев и осиротелых детей наполнили большие города — преступность малолетних колоссально увеличилась. В подтверждение приведем в табл. 40 следующие статистические данные по восьми окружным судам.

«Эта небольшая табличка вскрывает перед нами поразительный факт усиленного роста детской преступности до и во время войны наряду с уменьшением числа взрослых обвиняемых. Сравнимые два ряда чисел движутся по безусловно расходящимся линиям. В 1916 г. число обвиняемых старше 17 лет на 24% меньше, чем в 1911 г., а число малолетних, напротив того, за те же годы увеличилось на 95%, или почти удвоилось. Соответственно увеличился, конечно, и процент малолетних в общем числе обвиняемых. Если обратить внимание на то, что и до 1911 г. преступность малолетних возрастала в России самым угрожающим образом, то невольно чувствуется весьма понятная тревога за будущее подрастающих поколений (особенно неимущих классов), моральная неуравновешенность которых столь явно обнаруживается цифрами уголовной статистики... Систематические меры борьбы

⁷ Дети-преступники. Сборник статей с предисловием и под редакцией Гернета. М., 1912, с. 380.

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Осужденные в возрасте старше 17 лет	100	97	94	111	53	42
Осужденные в возрасте 10—17 лет	100	100	99	137	172	186
Процент осужденных до 17 лет к общему числу осужденных . .	1,7	1,8	1,8	2,1	5,4	7,3

* Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 120.

с детской преступностью требуют расходования значительных средств и спокойного внутреннего состояния общества, не отвлекаемого в сторону политических кризисами и обостренной борьбой классов. Все эти условия представляются пока для России, увы, недостижимыми»⁸. Надо заметить, что приводимые выше данные характеризуют число осужденных лишь за серьезные преступления, которые рассматривались окружными судами. Осужденные до 17 лет за менее важные преступления (проступки), которые рассматривались мировыми судами, отражены в табл. 41.

Как видим, рост малолетних преступников, осужденных мировыми судами, также весьма значителен. Знаменательно, что если преступность взрослых сократилась здесь более чем в два раза, то преступность несовершеннолетних почти удвоилась. Отсюда их доля в общем числе осужденных повысилась в 1916 г. против 1911 г. в четыре с лишним раза. Надо заметить, что перед самой войной царское правительство под давлением общественного мнения ввело детские суды, которые должны были принимать меры по «исправлению несовершеннолетних преступников» путем отправления их в особые колонии, устройства специальных попечительств, филантропических обществ и т. п. Ясно, что такие паллиативы не могли оказать никакого влияния на снижение детской преступности, поскольку ее причины коренились в самой структуре буржуазного дворянского строя, который оставался неизменным. Но все это, как и следовало ожидать, было не понятно Тарновскому, который с удивлением писал: «Вообще говоря, быстрый рост детской преступности за последние годы тем более поразителен, что именно в это время были впервые приняты более серьезные меры борьбы с преступностью малолетних (детские суды, особые попечительства над малолетними подсудимыми и пр.)»⁹.

Следовательно, преступность малолетних росла большими темпами, чем преступность взрослых, постоянно пополняемая огромным и все увеличивающимся числом бездомных и голодных детей.

⁸ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 114.

⁹ Тарновский Е. Н. Война и движение преступности.— «Сборник статей по пролетарской революции и праву», 1918, № 1—4, с. 121.

Анализ состава осужденных по классам и отраслям народного хозяйства

Огромный интерес при исследовании преступности представляет анализ осужденных по классовому признаку. Напомним, что в русской уголовной статистике, правда в значительно меньшей степени, чем в других отраслях, не было четкой классовой, т. е. научной группировки преступников. И первичный учет (листки на подсудимого), и дальнейшая сводка (таблицы «Сводов») не способствовали выявлению классовой принадлежности осужденных. Так, например, все подсудимые крестьяне, каковых было преобладающее большинство, учитывались по рубрике «хлебопашцы», что не давало возможности выделить среди них представителей различных социальных групп: кулаков, бедняков и середняков. Однако в отличие от других отраслей статистики уголовная статистика все же позволяла по ряду показателей охарактеризовать классовую принадлежность преступников, правда, иногда не совсем точно, косвенно, но все же позволяла. Так, например, осужденные занятые до совершения преступления в промышленности, подразделялись на хозяев и рабочих. Это было большим достижением, особенно по тому времени. Но четкое подразделение, способствующее прямому выяснению классовой принадлежности преступников, отсутствовало, как мы только что видели при учете их преобладающей массы — крестьян. Некоторые показатели, имевшиеся в «Сводах», давали возможность выяснить эту классовую принадлежность косвенно, как например, данные о сословии подсудимого, его образовании, грамотности и пр.

Как известно, В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на недопустимость в социальных исследованиях смешения различных классов, что зачастую имело место в работах буржуазных ученых, искажающих истинное положение вещей, смешивающих классовый и промысловый признаки. То же самое, правда в значительно меньшей степени, мы видим и в исследованиях преступности. Так, например, Е. Тарновский, смешивая понятие класса и профессии, писал: «Различие в образе жизни и психических особенностях отдельных классов в зависимости от различия их профессиональной деятельности настолько известно, что породило даже учение о классовой морали, независимой от общих или отвлеченных норм нравственности»¹.

Е. Тарновский провел в «Сводках» подразделение осужденных «по каждой промысловой группе на хозяев и рабочих, что совершенно отсутствует в германской и французской уголовной статисти-

---

¹ Тарновский Е. Н. Распределение преступности по профессиям. — «Журнал министерства юстиции», 1907, № 8, с. 60.

ке»². Это, конечно, большая заслуга ученого. Заметим, что подразделение осужденных на хозяев и рабочих имелось только по общим судебным учреждениям, т. е. по наиболее серьезным преступлениям.

Рассмотрим распределение осужденных мужчин по отдельным видам занятий за 1901—1904 гг. (табл. 42).

Приведенные показатели дают еще очень мало для исследования классового состава осужденных, а также и их распределения по отдельным отраслям народного хозяйства. Они лишь говорят о преобладающем числе осужденных в сельском хозяйстве и резком превышении рабочих над хозяевами. Но ведь это ясно само собой и без всяких статистических выкладок, поскольку сельское население составляло свыше 80% всего населения страны, а рабочие во много раз превышали хозяев по своей численности. Поэтому прежде всего следует сопоставить процент осужденных по указанным «профессиям» с процентом тех же профессий среди населения, что, кстати говоря, было весьма затруднено из-за неоднородности классификаций демографической и уголовной статистики. Е. Тарновский приводит следующие данные по этому вопросу, охватывающие 211 353 осужденных (числа о распределении населения по занятиям взяты из ежегодника «Россия» за 1906 г. (табл. 43).

Из табл. 43 видим, что доля осужденных, занятых ранее в сельском хозяйстве, меньше доли сельского населения. На этом мы уже останавливались ранее, подчеркивая относительно низкую преступность «земледельцев» по сравнению с другими «профессиями». Не следует забывать, что в сельском населении значительный удельный вес занимали дети и старики (гораздо больше, чем в других отраслях), т. е. такие категории, которые по своей природе не могли быть «источником преступности». Важно иметь в виду, что большое число крестьян судилось в волостных, а также и в мировых судах, деятельность которых не отражена в приведенных показателях. Если можно было бы внести в них соответствующие коррективы, то надо полагать, что доля осужденных, занятых ранее в сельском хозяйстве, была бы не меньше их доли среди населения. Тяжелые жизненные условия поденщиков, черно-рабочих и прислуги делают вполне понятным, что их доля в общем числе осужденных превышала почти в три раза их долю среди населения (137 и 46 на тысячу). Если к обрабатывающей промышленности прибавить строительное производство, то удельный вес осужденных, работающих здесь ранее, почти в два раза превысит их удельный вес среди населения (179 и 96). Причины в основном те же — полуголодное существование рабочих и алчность хозяев, готовых на любые преступления ради получения высокой прибыли. Весьма значительная распространенность преступлений наблюдалась среди лиц либеральных профессий (доля осужденных в 2,5 ра-

---

² Там же, с. 61.

Данные о распределении осужденных мужчин по отдельным видам занятий*

Название занятий (профессий)		Число осужденных (мужчин)	
		абсолютно	на 1000 общего числа
Добывающая промышленность:	{ хозяева рабочие	465 1 562	2 8
Сельское хозяйство и хлебопашество:	{ хозяева (не крестьяне) и администрация сельские рабочие по найму хлебопашцы (крестьяне) хлебопашество, соединенное с другими занятиями	1 559 20 875 70 885 2 336	8 112 379 13
Обрабатывающая промышленность и ремесла:	{ хозяева и мастера рабочие	1 768 18 688	9 100
Фабричная промышленность:	{ хозяева и администрация рабочие	358 4 188	2 22
Строительное производство:	{ хозяева и администрация рабочие	465 4 188	2 22
Торговля:	{ крупная: { хозяева и администрация приказчики и служащие	264 582	1 3
	{ из лавок: { хозяева приказчики	3 688 1 644	20 9
	{ разносная и развозная продажа	4 644	23
Трактирная промышленность:	{ хозяева прислуга	220 447	1 2
Перевозочная промышленность:	{ хозяева и администрация рабочие и служащие	473 3 059	3 17
Поденщики и чернорабочие, не обозначившие своих занятий		20 171	108
Нематериальное производство (либеральные профессии):	{ государственная и общественная служба	8 005	43
	{ священно и церковно-служители	265	1
	{ адвокаты, медики, техники и др.	750	4
	{ литераторы, учащиеся и художники	868	5
Личная прислуга		2 800	15
Живущие капиталом, пенсией или доходом		287	2
Неопределенные занятия		2 852	15
Лица без занятий		2 496	13
Итого:		187 128	1000

* Тарновский Е. Н. (Распределение преступности по профессиям. — «Журнал министерства юстиции», 1907, № 8, с. 65—66.

Распределение населения по значениям*

Название профессий	Отношение осужденных (обоих пола)	На 1000 в населении (всей империи)
Сельское хозяйство, земледелие и добывающая промышленность	524	746**
Обрабатывающая промышленность	127	96
Поденщики и чернорабочие	111	46
Личная прислуга	26	
Торговля и трактирная промышленность	59	38
Строительное производство	52	?
Либеральные профессии	50	20
Неопределенные профессии	22	?
Перевозочная промышленность	17	16
Лица без занятий	15	?

* Тарновский Е. Н. Распределение преступности по профессиям, с. 67—68.

** Нам думается, что доля сельского населения здесь значительно преуменьшена, ибо эта доля по переписи 1897 г. составляла 85,8%, а в 1913 г. — 82,3%. В таблице же вместе с сельским хозяйством дана доля населения, занятого в добывающей промышленности.

за превышала долю этих профессий в общем количестве населения), на чем мы остановимся далее.

Сейчас попытаемся выяснить специфику преступности отдельных классов, что осуществимо лишь в области промышленности, так как в статистических «Сводах» имелось подразделение на хозяев и рабочих (табл. 44).

Данные табл. 44 показывают характерные особенности преступности хозяев и рабочих, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Таблица 44

Добывающая промышленность (горное дело)

На 1000 осужденных мужчин было по каждому преступлению*

Виды преступлений	Хозяева и администрация	Рабочие	Среднее по всем профессиям
Всего	1000	1000	1000
В том числе:			
преступления против порядка управления	234	214	135
служебные преступления	118	8	75
преступления против жизни	209	127	58
самоуправство	30	9	9
кражи	60	206	315
насильственное похищение имущества	24	71	41
телесные повреждения	86	204	204

* Тарновский Е. Н. Распределение преступности по профессиям, с. 76—77.

Прежде всего бросается в глаза большое распространение у осужденных «хозяев» наиболее тяжких преступлений — убийств, причем доля этих преступлений у «хозяев» добывающей промышленности превышала среднюю по всем профессиям почти в 4 раза, а по обрабатывающей промышленности почти в 5 раз (257 и 58)! Чем же объяснить такое огромное превышение? Не чем иным, как варварскими условиями труда, которые и приводили к несчастным случаям нередко со смертельным исходом. В преобладающем большинстве за такие случаи фабрикант отделывался штрафом или откупался ничтожной суммой, являющейся как бы ценой за жизнь рабочего. Только тогда, когда смерть на производстве носила особо вопиющий характер, фабрикант попадал под суд, который относился к нему весьма снисходительно, квалифицируя убийство как «лишение жизни по неосторожности потерпевшего». Поэтому фигурируемое в официальной уголовной статистике число осужденных «хозяев» за «преступления против жизни» преуменьшено во много раз. Но даже и оно громадно. Оно косвенно показывает, как капитал в своей ненасытной жажде прибыли, подобно вампиру, буквально высасывал кровь из рабочего класса. На эти страшные преступления буржуазии надо обратить самое серьезное внимание, ибо о них в исследованиях того времени почти ничего не упоминалось. О том, чтобы обвинять сам строй, основывающийся на безжалостном истреблении рабочих, не было и речи.

Характерно, что среди всех преступлений, совершенных «хозяевами» и учтенных официальной статистикой, большую долю занимали «нарушения уставов фабричной промышленности» (табл. 45).

Таблица 45

Обрабатывающая промышленность. На 1000 осужденных было по каждому преступлению*

Название преступлений	Ремесленники		Фабричная промышленность		Среднее по всем профессиям
	хозяева	рабочие	хозяева	рабочие	
Всего	1000	1000	1000	1000	1000.
В том числе:					
преступления против порядка управления	202	93	170	104	135.
нарушение уставов фабричной промышленности	42	11	266	18	22
преступления против жизни	63	47	257	68	58.
телесные повреждения	185	140	90	196	204.
кражи	164	521	28	420	315.

* Тарновский Е. Н. Распределение преступности по профессиям, с. 79—81.

Данные табл. 45 нетрудно прокомментировать, учитывая, что по данной рубрике проходили нарушения «санитарных правил», «отсутствие заградительных устройств», «переполнение цеховых помещений» и другие нарушения, приводившие к несчастным случаям с рабочими. Показательно, что более половины (53%) привлекавшихся к уголовной ответственности «хозяев» (в обрабатывающей промышленности) были осуждены за нарушение фабричных уставов и преступления против жизни. Именно эти преступления, число которых резко преуменьшено в «Сводах», являются специфическими для капиталистов. Обращает на себя внимание довольно большой удельный вес среди осужденных «хозяев» добывающей промышленности служебных преступлений (11,8%). Здесь необходимо иметь в виду, что в табл. 44 совместно с хозяевами показаны и «администраторы», т. е. все категории служащих, которые привлекались к уголовной ответственности за подлоги, взятки, растраты и пр. Заметим, что в группе служебных преступлений фигурировали и «причинение истязаний и побоев, нанесение обид при отправлении должности», являвшиеся обыденным явлением со стороны администрации по отношению к рабочим. Удивляет, на первый взгляд, большое распространение среди осужденных преступлений против порядка управления, что ассоциируется с сопротивлением властям, восстанием и т. п. Исследование отдельных нарушений, входящих в эту группу преступлений, показывает, что преобладающее большинство хозяев привлекались здесь за «неисполнение законных требований властей», т. е. также за всякие нарушения «уставов по горному делу, фабричной промышленности» и пр., а также за «оскорбление и неуважение власти» и, в частности, за «оскорбление низших полицейских чинов». Последнее было также нередко среди самодуров-хозяев, особенно на Урале и Донбассе. Как и следовало ожидать, первое место среди уголовных преступлений, совершаемых рабочими, занимали кражи (52% общего числа осужденных рабочих кустарной промышленности, 42% фабричной промышленности и 21% горняков). Эти цифры прямо говорят о нетерпимых жизненных условиях русских рабочих, особенно кустарей, зарплата которых была особенно низка, а рабочий день очень велик. Не совсем понятно, почему удельный вес осужденных за кражу среди рабочих добывающей промышленности был в два с лишним раза ниже, а за преступления против порядка управления в два раза выше, чем в других отраслях. В последних доля осужденных рабочих за кражу в полтора и более раза превышает среднюю по всем профессиям (31,5%), а в горном деле наоборот. Едва ли можно считать, что в 1900—1904 гг., к которым относятся статистические данные, сопротивление властям среди рабочих добывающей промышленности было более интенсивным (20,4%), чем среди фабричных рабочих (10,4%), а материальное положение последних было гораздо хуже. В исследовании Тарновского скорее всего были допущены какие-то неточности. Это подтверждается тем, что взятые непосредственно

из «Сводов» абсолютные данные за 1903, 1910 и 1913 гг. показали, что доля осужденных за кражу среди всех промышленных рабочих составляла соответственно 45,9%, 47,5 и 49,2%, в том числе среди рабочих добывающей промышленности — 35,3%, 38,0 и 46,0% и обрабатывающей (фабричной) — 41,1%, 45,3 и 46,5%. Соответственно доля осужденных за преступления против порядка управления среди всех промышленных рабочих 9,7%, 8,8 и 5,5%, в том числе по добывающей промышленности — 10,5%, 9,0 и 6,3% и по обрабатывающей промышленности — 9,3%, 8,3 и 5,2%³.

Преступность свободных профессий, в группу которых включались учащиеся, адвокаты, литераторы и почему-то служащие и священнослужители, значительно превышала долю в общем числе осужденных среди всего населения, что объяснялось спецификой преступлений, совершаемых представителями данной группы. Так, среди всех осужденных, относящихся к категории «общественная и государственная служба», удельный вес осужденных за служебные преступления был в восемь с лишним раз больше, чем среди всех других профессий (63% против среднего — 7,5%). Все это косвенно характеризовало «высокие» моральные устои служащих государственных и частных учреждений царской России. Любопытно, что среди священнослужителей преступления против нравственности встречались в 4,5 раза чаще, чем среди других осужденных; соответственно «нарушения союза брачного и родственного» в четыре с лишним раза чаще. Таков моральный облик многих представителей «духовного сословия, играющего столь важную, в известных случаях — первенствующую роль в религиозно-нравственной жизни русского народа»⁴. В период 1901—1904 гг. среди подсудимых учащихся, литераторов, детей священников и других, главным образом разночинной молодежи, весьма значительный удельный вес составляли осужденные за преступления против порядка управления, что говорит об их активном участии в политической жизни страны. Хотя к началу XX в. освободительное движение демократизировалось, однако либеральные профессии и учащиеся все еще играют в нем существенную роль. В. И. Ленин приводит следующие данные о занятиях участников освободительного движения, относящиеся к 1901—1903 гг. На 100 участников освободительного движения было лиц, занимающихся: сельским хозяйством, — 9,0, промышленностью и торговлей — 46,1, либеральными профессиями и учащиеся — 28,7, неопределенных занятий и без занятий — 8,0. «Подходит предреволюционная эпоха (1901—1903). Первую роль играет городской рабочий («промыш-

³ Сводьы статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года. Пг., 1879—1916; за 1903 г. Пг., 1906, с. 45; за 1910 г. Пг., 1913, с. 72—82; за 1913 г. Пг., 1916, с. 35.

⁴ Тарновский Е. Н. Статистические данные о преступности лиц духовного звания.— «Вестник права», 1906, № 6, с. 47.

ленность и торговля»). Будучи меньшинством народа, он дает почти половину (46,1%) участников. Интеллигенция и учащиеся уже стоят на втором плане... Роль крестьян ничтожна (9% из «сельского хозяйства»), но возрастает»⁵.

Отсюда ясно, что если доля осужденных из «либеральной профессии», занимающей второе место в освободительном движении страны, была равна 28,7% от общего числа осужденных за политические преступления, то эти преступления составляли большой удельный вес в итоге всех преступлений, совершенных представителями либеральных профессий. Конечно, преобладающее число осужденных за политические преступления не включались в «Своды», поскольку в них не отражалась деятельность военных судов. Поэтому группа преступлений против порядка управления, куда также относились восстания и сопротивление властям, может служить характеристикой политической преступности, широко развернувшейся в начале XX в. Однако даже по таким заведомо преуменьшенным данным удельный вес преступлений против порядка управления значительно превышал по числу осужденных среди либеральных профессий среднюю по всем профессиям (13,5%). Так, среди детей священнослужителей этот удельный вес был равен — 32,1%; среди адвокатов, медиков и учащихся — 29,5% и т. д.⁶. Заметим, что сравнительно небольшая доля преступлений против порядка управления среди осужденных рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности, указанная в материалах официальной статистики, не может служить характеристикой распространенности политической преступности. Огромное число рабочих, замеченных в «политической неблагонадежности», подвергались репрессиям в административном порядке или осуждались военными и другими специальными судами, что не учитывалось «Сводами».

---

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 399.

⁶ Тарновский Е. Н. Распределение преступности по профессиям, с. 96.

Анализ преступности эпохи империализма будет неполным, если мы не охарактеризуем, хотя бы очень кратко, показатели «Сводов», освещающие структуру наказания по уголовным делам, рассмотренным общими и частично мировыми судами. Напомним, что огромное количество жертв внесудебной и особенно полицейско-административной расправы, занимавшей огромное место в системе мероприятий царского правительства по борьбе с опасными для него деяниями, не учитывалось в «Сводах». То же самое относится к деятельности военных и других специальных судов, рассматривающих дела о преобладающем числе политических преступлений. Таким образом, материалы «Сводов» могут служить далеко не точной характеристикой судебной репрессии лишь по уголовным делам. Проследим, какие же виды наказания наиболее часто применялись. Из каждой 1000 осужденных общими судами были приговорены к различным видам наказания (табл. 46).

Приведенные в табл. 46 данные весьма показательны. Они характеризуют возрастание доли тяжелых наказаний, т. е. усиление репрессии, особенно после 1905 г. Стоит только сказать, что удельный вес ссылки в каторжные работы, влекущей за собой лишение всех прав состояния и являющейся по сути дела гражданской смертью, более чем удвоился в 1907 г. против 1898 г. (особенно интенсивно это увеличение за 1907 г.). Огромный рост (почти в три раза) наблюдается и по заключению в тюрьму с лишением прав, причем и по другим видам заключения также имеется увеличение. Что касается более легких видов наказаний — арест, штрафы и пр., то они значительно сократились. Причина такого изменения структуры наказаний в сторону повышения удельного веса наиболее тяжелых санкций в период империализма лежит в резком усилении карательной политики царского правительства против непрерывно растущей уголовной и политической преступности (напомним, что какая-то часть последних проходила в «Сводах» по рубрике «Преступления против порядка управления»).

Важно подчеркнуть, что в «Сводах» отсутствуют показатели смертной казни в России, известно, что именно этот вид наказаний достиг в этот период колоссальных размеров. Напомним, что в одном 1908 г. было казнено 1340 человек, или в 21 раз больше, чем количество казненных во всех европейских государствах¹.

Заметим, что ни в одной буржуазной стране мы не найдем данных в официальной уголовной статистике о кровавых расправах с политическими преступниками. Е. Тарновский констатирует:

¹ См.: Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913, с. 101.

«Свод» не охватывают деятельности военных судов и не касаются столь «деликатного» вопроса, как смертная казнь. Он отмечает «невозможность делать какие-либо выводы о числе смертных приговоров или казней за последние 5 или 6 лет». Далее он дает следующую любопытную справку: «Заметим, что в подобном же положении была и французская уголовная статистика после подавления восстания парижских коммунаров в 1871 г. Тогда воен-

Т а б л и ц а 46

Число осужденных, приговоренных общими судами*

Виды наказаний	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
К ссылке в каторжные работы	37	43	44	43	47	51	49	52	57	76
К ссылке на поселение	42	42	34	7	8	6	4	5	4	3
К заключению в исправ.-арестантские отделения	194	179	177	201	209	219	249	253	227	230
К заключению в тюрьму с лишением прав	57	55	51	53	53	55	57	64	134	157
К заключению в тюрьму без лишения прав	220	216	215	207	236	236	243	247	250	275
К аресту	301	301	318	330	327	360	323	317	231	208
К денежным взысканиям и выговорам	67	74	79	80	72	67	59	50	42	47
К другим видам наказаний (церковное покаяние, исключение со службы и пр.)	79	86	80	76	48	16	16	12	18	15

* Тарновский Е. Н. Статистика наказаний, наложенных по судебным приговорам. — «Журнал министерства юстиции», 1911, № 6, с. 47—48.

ными судами Франции были приговорены к смерти и др. наказаниям несколько тысяч или даже десятков тысяч обвиняемых за соучастие в Парижской коммуне, однако в официальной судебной статистике общих судебных мест никаких следов этой кровавой репрессии не сохранилось, так как дела эти были изъяты из ведения обычной уголовной юстиции»².

Приведенный пример является яркой иллюстрацией искажения буржуазной уголовной статистики истинных размеров преступности невключением, в частности, в официальные материалы многочисленных кровавых преступлений самого господствующего класса. Усиление репрессии в рассматриваемый нами период характерно и для низших судебных инстанций, рассматривающих менее серьезные преступления.

² Тарновский Е. Н. Статистика наказаний, наложенных по судебным приговорам, с. 49—50.

Так, мировыми и городскими судьями, уездными членами судов и гминными судьями было приговорено к тюремному заключению в 1898 г. 75 222 человека, в 1907 г. — 87 218 человек, соответственно к наказанию ниже тюрьмы — 813 579 и 703 790 человек³.

Громадное число преступников в царской России объясняет непрерывный рост среднесуточного числа арестантов, поскольку тюремное заключение как мера наказания все время расширяется. По данным отчета Главного тюремного управления за 1915 г., движение среднесуточного состава заключенных характеризуется следующими показателями (табл. 47).

Таблица 47

Движение среднесуточного состава заключенных за 30 лет XX в.*

1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.
85 857	84 632	89 889	96 005	91 720	85 184	111 403
1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
138 501	171 219	175 008	168 864	172 228	183 949	189 367

* Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г., 1916, ч. II, с. 28.

Отсюда видно, что среднесуточное число заключенных увеличилось более чем в два раза. Но не надо забывать, что это среднесуточное число. За год же количество лиц, прошедших через места заключения тюремного типа (без арестантских домов и арестантских помещений) превышало 1 млн человек. Так, например, за 1913 г., год наибольшего экономического подъема царской России, через места заключения прошло 1 068 700 человек, проводивших там в общей сложности 61 819 065 суток, что составляло в среднем 58 суток на каждого.

Особенно бурный рост заключенных наблюдался после подавления революции 1905 г., в период реакции. И действительно, всего за три года — с 1905 по 1908 г. — число заключенных удвоилось. В этом отношении является показательной табл. 48.

Отсюда видно, что царское правительство не жалело тюрем для уголовных и особенно политических преступников, причем число осужденных к наиболее тяжелым видам заключения — каторжным тюрьмам — увеличилось в 1913 г. против 1905 г. почти в 5 раз! До 1908 г. количество тюремных мест, находившихся в распоряжении тюремного ведомства, было равно 105 000.

³ Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 49—50.

Таблица 48

Среднесуточное число заключенных, осужденных к различным категориям тюремного наказания*

Год	Присужденные к каторжным тюрьмам	К исправительно-арестантским отделениям	К общим тюрьмам
1905	6 123	12 268	24 517
1906	6 634	16 400	27 228
1907	9 798	22 289	37 663
1908	16 450	27 428	41 367
1909	23 095	29 600	45 632
1910	28 742	30 541	40 623
1911	29 424	34 713	39 627
1912	31 748	38 688	41 320
1913	30 379	33 845	32 813

* Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г., 1916, ч. II, с. 30.

В 1908 г. ввиду крайнего переполнения тюрем оно было увеличено до 120 000. Но все же и при этих условиях среднесуточное количество заключенных почти в 1,5 раза превышало нормальную вместимость мест лишения свободы. В отдельных тюрьмах переполнение было огромное. Так, в 1909 г. анкетное обследование, проведенное Главным тюремным управлением, обнаружило чрезвычайную перенаселенность мест заключения, что иллюстрировалось следующими данными (табл. 49).

Ужасающие условия, царящие в дореволюционных тюрьмах, бесчеловечное отношение к заключенным доводило многих из них до преждевременной смерти и толкало на самоубийство (табл. 50).

* * *

Таким образом, исследование преступности царской России в период империализма показывает непрерывный рост как числа уголовных дел, так и осужденных вплоть до самой Великой Октябрьской социалистической революции. Важно подчеркнуть, что темпы роста преступности значительно превышали темпы роста населения, что, как известно, является закономерным для всех без исключения капиталистических стран. Стоит только сказать, что лишь серьезные преступления, измеряемые количеством уголовных дел, рассматриваемых общими судебными учреждениями, увеличились с 279,9 тыс. в 1900 г. до 482,0 тыс. в 1913 г., или на 72,1%. Следовательно, в среднем преступность за этот период ежегодно возрастала на 5,1%, в то время как ежегодный прирост населения царской России в начале XX в. составлял 1,7%. Значит, темпы роста лишь наиболее серьезных преступлений превышали темпы роста населения ровно в 3 раза! Темп роста менее значительных преступлений, дела о которых рассматривались мировыми, городскими и другими судами, был еще более высоким за указанные годы. По неполным данным всеми судами страны ежегодно возбуждалось от 3,5 до 4,0 млн. уголовных дел, по которым осуждалось не менее 2 млн. человек! Характерно, что годы экономического подъема не приводили к снижению преступно-

сти, что наглядно иллюстрируется ее динамикой и структурой за период 1909—1913 гг.

Первая мировая война, разрушившая народное хозяйство царской России, привела к дальнейшему росту преступности, про-

Таблица 49

Лимитная и фактическая наполняемость тюремных учреждений*

Тюрьма	Нормальное число заключенных	Среднее фактическое число заключенных
Бакинская	327	1324
Шуйская	40	250
Петровская	389	1000
Юрьевская	125	300
Кутаисская	274	760
Лифляндская	237	600

Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г., 1916, ч. II, с. 30.

Таблица 50

Распределение смертных случаев среди заключенных*

Годы	Покончили самоубийством	Умерли от болезней
1905	40	1 646
1906	42	1 659
1907	118	2 345
1908	123	5 150
1909	145	7 139
1910—1912	500	20 536

* Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г., с. 30.

должавшемуся и в период нахождения у власти Временного буржуазного правительства.

Все это подтверждает бесспорный вывод о том, что преступность имманентна капитализму, что подавляющее большинство населения, будучи разоренным и угнетенным, не может не давать основное пополнение армии преступников, а господствующие классы совершают самые тяжкие и грязные преступления, в силу своей непомерной алчности и безнравственности.

Основные концепции о причинах преступности и борьбе с ней в дореволюционной России

Изучение развития криминологической мысли как одной из разновидностей общественной мысли вообще необходимо проводить в неразрывной связи с экономическим, политическим, правовым и культурным развитием страны, с развитием борьбы классов, что, несомненно, представляет большой научный и практический интерес. В этих целях попытаемся рассмотреть основные концепции о причинах преступности и о мерах ее предупреждения по трем историческим периодам дореволюционной России — дореформенный, эпохи промышленного и монополистического капитализма.

**Особенности развития
криминологической мысли
в первой половине XIX в.**

Основоположником уголовной статистики и зачинателем криминологии второй половины XVIII в. считается А. Н. Радищев¹. В его малоизвестной работе «О законоположении» (1801) мы находим поразительные по глубине высказывания об изучении преступности в России. «И мало размышляющему уже может быть понятно, — подчеркивал А. Н. Радищев, — сколь многие законы гражданские соразмерять должны законы уголовные, и что в них лежит предупреждение преступлений или к оным повод»². Следовательно, в имущественных отношениях, получающих свое юридическое оформление в «гражданских законах», и лежит «предупреждение преступлений или к оным повод». Таким образом, имущественное неравенство является основной причиной преступности, что «и мало размышляющему уже может быть понятно». Какие же показатели, по мнению А. Н. Радищева, нужны для изучения преступности. В этих целях он проектирует целую систему таблиц («ведомостей»). «Сии ведомости, — писал он, — должны заключать в себе: 1) происшествие или описание, как совершалось преступное дело, 2) какое было побуждение или какая причина к совершению деяния, 3) какие употреблены были средства к обнаружению истины, 4) какие были доказательства, что преступление совершено, 5) каким законом руководствовались судьи при решении дела, т. е. то ли сие происшествие именно, которое в законе означено, 6) какое положено было преступнику наказание».

Намечая столь широкую программу исследования преступности, А. Н. Радищев по праву может быть отнесен к зачинателям русской криминологии. Его замечание о том, что надо собирать и изучать уголовно-статистические данные за большой промежуток времени, по различным регионам; чтобы установить наиболее существенные причины преступности, выявить ее реальную динамику, имеет большое значение для дальнейшего развития этой науки. «Имея перед собой судопроисшествия разных годов и разных областей обширной России, видно и ясно будет: какие были побуждения к содеянному преступлению или к начатой тяжбе — недостаток ли в учении, худое ли воспитание или невежество... Видя источники тяжбы и преступления тому и другому, найти иногда возможно будет преграду...»³. Помимо указанного А. Н. Ра-

¹ См.: Остроумов С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М., 1961, с. 47—65.

² Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952, с. 461.

³ Радищев А. Н. Указ. соч., с. 460—461. ...

дищев настаивает на статистическом отражении всего процесса борьбы с преступностью, всей судебно-полицейской практики и, в частности, на учете преступлений самих судей (взятки, злоупотребление властью, нарушение законов и пр.). В этих целях он предлагает целый комплекс показателей статистико-криминологического характера. Надо прямо сказать, что такой обстоятельной программы исследования преступности мы не находим ни у одного из зарубежных «моральных» статистиков и юристов XIX в., не говоря уже о том, что криминологические воззрения А. Н. Радищева были неизмеримо революционнее, прогрессивнее взглядов таких ученых, как А. Кетле — автора «Социальной физики», считавшегося в свое время большим гуманистом и корифеем в сфере социологии)⁴.

А. Н. Радищев, создав свою замечательную систему таблиц, хотел получить на ее основе обширные статистические материалы о преступности, которые в дальнейшем предполагалось подвергнуть глубокому криминологическому исследованию. Этого А. Н. Радищеву сделать не удалось: преждевременная смерть прервала его деятельность. Но его идеи о необходимости всестороннего изучения преступности и ее причин не пропали даром. Первым русским исследователем, пытавшимся проанализировать эти причины на основе официально опубликованных данных, был академик К. Ф. Герман (1767—1838), приехавший в Россию в 1795 г. и возглавивший кафедру в Петербургском университете. К. Герман широко пропагандировал важность статистики для государственного управления и необходимость публикации цифровых данных, характеризующих самые различные области экономики, политики, культуры, юриспруденции и, в частности, состояние преступности. 17 декабря 1823 г. К. Герман на заседании Академии наук сделал доклад на тему «Изыскание о числе смертоубийств и самоубийств в России в течение 1819 и 1820 гг.»⁵. Важно отметить, что, исследуя статистические материалы о преступности, К. Герман стремился доказать ее закономерность и причинную обусловленность. Напомним, что свой доклад К. Герман сделал за 13 лет до выхода в свет работы А. Кетле «О человеке, о развитии его способностей, или опыт социальной физики», в которой он пытался статистически обосновать наличие в общественной жизни «железных» закономерностей. «Важность научных изысканий о насильственной смертности заключается в том, что ею до некоторой степени определяется нравственное и политическое состояние народа, ибо главными причинами преступлений являются обычно крайности: дикость нравов или их эгоистическая утонченность, неверие или фанатизм, анархия или гнет, край-

---

⁴ См.: Остроумов С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России.

⁵ Доклад был напечатан на французском языке в мемуарах Академии наук в 1832 г. *Memoires de l'Academie imperial de Science de St. Petersbourg*, 1832.

няя бедность или чрезмерная роскошь»⁶. При рассмотрении взглядов К. Германа следует принять во внимание, что преступление в тот период трактовалось представителями господствующего тогда в уголовном праве классического направления, стоящего на позициях индетерминизма, как «акт свободной воли». Таким образом, взгляды К. Германа о связи преступности с социальными явлениями, о причинной обусловленности преступности были для того времени безусловно прогрессивными. К. Герман приводит изучение преступности по отдельным губерниям, стремясь объяснить ее различными обстоятельствами: материальным положением, пьянством, влиянием местных условий и т. п. (например, большое число краж и грабежей в Казани и Нижнем Новгороде он объясняет тем, что в них велась крупная торговля и было много богатых купцов; наличие мелкого воровства упирается, по его мнению, в «гнетущую бедность» и «тяжкие налоги» и пр.). К. Герман правильно отмечает, что имевшиеся у него данные далеко не достаточны для широких выводов, а зачаточное состояние уголовной статистики лишает его возможности сравнивать преступность России с другими странами. Уже в те годы он применяет при анализе статистических материалов группировки, ряд обобщающих показателей и, в частности, коэффициенты преступности, т. е. руководствуется теми основными методическими приемами, которые необходимы во всяком криминологическом исследовании. Чрезвычайно любопытно отметить отношение высших официальных кругов к работе К. Германа, являющееся примером борьбы передовых и реакционных идей во всех отраслях общественной науки, в том числе в криминологии и статистике. К. Герман прислал свой доклад для «просмотра и напечатания» президенту Академии наук и министру просвещения адмиралу А. С. Шишкову, являющемуся идеологом наиболее реакционных слоев дворянства. А. Шишков подверг доклад резкой критике, что, очевидно, и явилось причиной напечатания этого доклада лишь спустя 9 лет после его составления. «Статью о исчислении смертоубийств и самоубийств, приключившихся в два минувших года в России, — писал А. Шишков, — почитаю не токмо ни к чему не нужною, но и вредную. Первое: какая надобность знать о числе сих преступлений? Второе: по каким доказательствам всякий читатель может удостоверен быть, что сие число отнюдь не увеличено? Третье: к чему извещение о сем может служить? Разве к тому только, чтобы колеблющийся преступник, видя перед собою многих предшественников, мог почерпнуть из этого одобрение, что он не первый к такому делу приступает? Мне кажется, подобные статьи не приличные к обнародованию оных. Надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, что и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как

---

⁶ Там же, с. 9.

смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение»⁷.

Лишь спустя тридцать пять—сорок лет после доклада К. Германа мы встречаем работы, посвященные исследованию преступности. Мрачные годы царствования Николая I, когда малейшая попытка уклониться в сторону от официальной дворянской монархической идеологии «самодержавия, православия и народности» беспощадно подавлялась, не способствовали развитию криминологической мысли. Мы только что привели весьма яркий пример отношения одного из представителей этой идеологии—А. С. Шишкова к работе К. Германа. Публикация статистических материалов была поставлена под надзор николаевской цензуры, а исследование таких материалов допускалось лишь в сугубо «верноподданническом духе». Царское правительство принимает самые суровые меры, дабы не допускать никакой крамолы. Авторы любых сочинений, где имелись хотя бы отдаленные намеки на существующий гнет и беззаконие, подвергались жестоким репрессиям. Ясно, что подобные условия наложили свой отпечаток и на развитие русской уголовно-правовой, криминологической и статистической мысли, крепко скованной цензурным гнетом⁸. Что касается исследований преступности николаевской России, то, несмотря на наличие обширных материалов уголовной статистики, имевшихся в министерствах юстиции и внутренних дел, никаких работ подобного рода, кроме рассмотренного нами ранее доклада К. Ф. Германа, до начала 60-х годов почти не проводилось. Реакционный режим Николая I, невыносимый цензурный гнет не давали возможности ученым, даже реакционно настроенным, проводить объективное исследование преступности в России, поэтому зачастую они обращались к уголовной статистике Западной Европы. В эти годы появлялись иногда в печати данные о числе подсудимых и ссыльных, но без каких-либо комментариев. Так, в 1839 г. министерство внутренних дел выпустило сборник «Материалы для статистики Российской империи»⁹, в котором наряду с другими были помещены две статьи А. Величко. Первая — под названием «Сведения о числе преступников с 1822 по 1853 г., сосланных в Сибирь за разные преступления», и вторая — «Данные для нравственной статистики Сибири». Эти статьи знакомят читателей с числом ссыльных и «смертоубийств, совершенных ссыльными в течение 14 лет» (с 1823 по 1837 г.). Никаких пояснений автор не дает.

⁷ Сухомлинов М. Материалы для истории просвещения в России в царствование Александра I.—«Журнал министерства просвещения», 1866, № 11, с. 26—27.

⁸ См.: Остроумов С. С. Особенности развития уголовно-правовой и уголовно-статистической мысли в годы царствования Николая I.—В кн.: Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России, с. 65—80.

⁹ Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. Спб., 1839.

Реакционная политика царизма лишь задерживала действие объективных экономических законов. Крепостное право, ставшее тормозом для дальнейшего развития производительных сил страны, разлагалось под влиянием новых, прогрессивных для того времени капиталистических отношений. Шла борьба между различными общественными группами, которая приняла особо ожесточенный характер к концу 50-х годов, когда крепостническая Россия, несмотря на исключительный героизм защитников Севастополя, проиграла Крымскую войну и показала свою экономическую и политическую отсталость по сравнению с буржуазной Западной Европой. Борьба за преобразование всей социально-экономической и политической жизни страны, борьба за пути этого преобразования находит свое отражение в различных отраслях общественной науки, в том числе и в уголовном праве, криминологии и статистике. Особенно остро здесь дебатировался вопрос о необходимости уничтожения старого дореформенного суда и замены его новым буржуазным. Одновременно ставится вопрос о необходимости исследования причин преступности и о выработке соответствующих мероприятий по борьбе с ней. Представители отдельных общественных групп по-разному решают эти вопросы. Так, в 1860 г. в журнале «Отечественные записки», придерживавшемся в период революционной ситуации (1859—1861) умеренно-либерального направления, появилась статья «Статистические сведения о числе лиц, находившихся в 1858 году под судом, и о главных родах преступлений». Незнакомый автор, приводя в статье данные о числе привлекаемых к уголовной ответственности (404 717 человек, «цифра весьма солидная», по его замечанию), а также о количестве осужденных по отдельным преступлениям и о видах наказаний, пишет: «Какое богатое поле для изысканий представляют эти сухие наводящие раздумье цифры! Сколько людей осуждено, сколько слез пролито; — а все ли осуждены по действительной вине? Кто видал, как их судили? Кто не знает наших судебных порядков? Почему в некоторых губерниях преобладают одни преступления, а в других — другие? Нет сомнения, что каждая категория преступлений кроме общих причин — бедности и невежества — имеет свои частные и местные причины. Но какие?»¹⁰.

Такого тона нельзя было услышать, конечно, на страницах николаевской печати, которая была скована гнетом цензуры. Цитируемый нами автор, критикуя дореформенный суд и правильно подметив основную причину преступности — бедность, ставит много серьезных вопросов, имеющих прямое отношение к уголовному праву, криминологии и судоустройству. Он прямо обращается к ученым и говорит: «Подобные вопросы стоят того, чтобы наши ученые занялись ими, отложив в сторону бесплодные споры о норманнах и жмуди»¹¹.

¹⁰ «Отечественные записки», 1860, август, с. 50—51.

¹¹ Там же.

Не вызывает сомнения, что разрешение таких вопросов способствовало бы дальнейшему развитию указанных наук, связывая их с практикой. Наряду с исследованием преступности в России мы находим в те годы довольно много статей, посвященных изучению преступности в Западной Европе. Но в противоположность аналогичным исследованиям в годы царствования Николая I в работах конца 50-х и 60-х годов много ценных и «вольных» мыслей о причинах преступности, о необходимости перестройки русского суда и других высказываний, которые лет десять тому назад считались бы явной «крамолой» и которым тогдашняя цензура никогда бы не разрешила увидеть свет. Так, в 1857 г. в журнале «Современник», являвшемся в тот период боевым органом революционной демократии, была напечатана большая статья под названием «Выводы из сравнительных таблиц преступлений в Англии и Франции». Установив, что преступность в Англии из года в год возрастает, обгоняя по своим темпам рост населения, автор пишет: «Вот к чему приводит так называемая цивилизация, когда большинство населения обречено на нищету, а меньшинство утопает в роскоши»¹². В 1859 г. А. Хвостов в статье «Очерк уголовной статистики Англии», анализируя статистические данные, взятые из официальных английских отчетов, пишет: «Из общего числа осужденных землевладельцев, поденщиков и швеек было 41%; фабричных и мастеровых — 19%; людей без занятий — 21%»¹³. «Выходит, — продолжает А. Хвостов, — что более $\frac{4}{5}$ осужденных — это люди, толкаемые на преступления земельным разорением, ничтожным заработком и, конечно, отсюда недостатком нравственных начал»¹⁴. Как видим, авторы указанных статей более глубоко исследуют причины преступности в Западной Европе, чем их зарубежные современники, так называемые «либеральные статистики, считавшие этими причинами «нравственную испорченность отдельных слоев населения».

---

¹² «Современник», 1857, № 12, с. 249.

¹³ «Журнал министерства юстиции», 1859, № 11, с. 106.

¹⁴ Там же.

Особенности развития криминологической мысли в конце 50-х и 60-х годов XIX в.

В 50-х и 60-х годах появляется ряд серьезных работ, посвященных исследованию преступности в дореформенной России. Всех авторов, занимавшихся проблемами преступности, необходимо распределить на три группы.

К первой группе следует отнести тех ученых, которые по своим политическим взглядам примыкали к революционно-демократическому направлению, возглавляемому великими русскими демократами В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским, А. И. Герценом, Н. А. Добролюбовым. Это — П. Н. Ткачев и М. А. Филиппов. В работах этих ученых с удивительной для тех лет четкостью выявлены основные причины преступности дореформенной России, коренящиеся в тяжелых экономических и правовых условиях широких трудящихся масс. Эти условия были имманентны данному строю.

Отсюда вытекали и предложения П. Ткачева и М. Филиппова, направленные к сокращению преступности и исходящие из общих требований революционно-демократического направления — ликвидации путем крестьянской революции всех феодально-крепостнических устоев царской России и построения социализма на основе крестьянской общины. Следует напомнить, что при всей своей прозорливости великие русские революционеры-демократы были социалистами-утопистами, так как не видели (и не могли тогда видеть), что только пролетариат явится той силой, которая уничтожит эксплуатацию человека человеком и построит социализм.

Ко второй группе уголовно-статистических исследований относились те, авторы которых по своим политическим взглядам примыкали к либеральному направлению, как например, И. Вильсон, М. Раевский и др.

Как известно, представители либерального направления (Кавелин, Чичерин и др.) ратовали за «постепенный», мирный — реформистский путь капиталистического развития России. Понимая, что крепостное право тормозит это развитие, они требовали освобождения крестьян с выкупом ими земли, ибо прежде всего должны были быть сохранены интересы помещиков. Отсюда вытекали соответствующие объяснения причин преступности и выработка мероприятий по борьбе с ней. Если некоторые авторы, стоящие на позициях буржуазного либерализма, и останавливались порой на экономических причинах преступности, на беспорядках огромного большинства населения, обосновывая тем самым необходимость «справедливых» реформ, то огромное значение они при-

давали другим факторам: климатическим, национальным, возрастным и т. п.

У этих исследователей преступности намечается тенденция поверхностного изучения экономических причин, поскольку их анализ может привести к «нежелательным» политическим выводам. Даже в тех случаях, когда экономические причины преступности обнаруживались настолько явственно, что о них невозможно было умолчать, буржуазно-либеральные исследователи старались рассматривать их изолированно от экономической и социальной структуры общества. В дальнейшем подобное изучение преступности становится, как известно, характерным для большинства буржуазных ученых, вуалирующих ее истинные корни в условиях капитализма.

Таким образом, русских исследователей преступности того времени, стоящих на позициях буржуазно-либерального направления, вполне можно считать предшественниками социологического направления в уголовном праве и криминологии, появившегося значительно позже. Эти либералы, являясь сторонниками буржуазных реформ, намечают в целях борьбы с преступностью такие мероприятия, как освобождение крестьян с выкупом ими земли, ликвидация старого прогнившего царского суда и замена его новым, развитие промышленности и торговли и т. п. Существенно, что в их работах мы находим целый ряд ценных положений уголовно-статистического характера (методика изучения).

К третьей группе исследователей преступности следует отнести тех, которые по своим политическим взглядам примыкали к монархическому направлению (правительственный лагерь), например, И. Орлов, А. Хвостов и др. Как известно, представители монархического (правительственного) направления Д. Ф. Самарин, М. Н. Катков и др., являвшиеся противниками освобождения крестьян в период подготовки реформы и борющиеся за максимальное сохранение дворянских привилегий после ее проведения, основывали свои выступления на принципах «самодержавия, православия и народности». В журнале «Русский вестник», а также в некоторых других журналах и газетах тех лет мы находим ряд статей, авторы которых, затрагивая вопрос о причинах преступности, считают этими причинами «падение нравов», «распространение зловредных идей», «оскудение дворянства» и т. д. Подобные рассуждения были характерными для преобладающего большинства уголовно-статистических работ Николаевской эпохи. Однако к концу 50-х и началу 60-х годов такие «исследования», открыто считавшие лучшими мерами борьбы с преступностью отказ от каких бы то ни было реформ и всяческое укрепление власти «зубров-помещиков», звучат известным диссонансом и встречались довольно редко.

*§ 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
И ЕЕ ПРИЧИН РУССКИМИ УЧЕНЫМИ,
ПРИМЫКАВШИМИ ПО СВОИМ
ПОЛИТИЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ
К РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ
НАПРАВЛЕНИЮ*

К исследованию взглядов и идей каждого ученого, в том числе и юриста, надо подходить строго исторически, т. е. показать значение этих идей в данных конкретно-исторических условиях. Здесь надо помнить указание В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹. С этой точки зрения мы и постараемся рассмотреть важнейшие труды отдельных исследователей преступности в дореформенной России.

Представители революционно-демократического направления, возглавляемые великими русскими демократами, в своих произведениях рассматривали природу преступности, ее связь с эксплуататорской сущностью дворянско-крепостнического государства. Так, А. И. Герцен утверждал, что преступления в крепостном и буржуазном обществе непосредственно порождаются социальными причинами, нетерпимыми условиями существования трудящихся масс, органическими пороками антагонистического строя. Самодержавно-крепостническая Россия — это живая пирамида из преступлений, злоупотреблений и подкупов, она является «сообществом грабительства и добычи и опирается на 600 тыс. органических машин со штыками»². А. И. Герцен полностью одобрял вывод Р. Оуэна о нелепости наказания лиц, понуждаемых нечеловеческими социальными условиями, всей общественно-политической системой к совершению преступлений, о необходимости изменения такого общественного устройства, при котором люди не могут не быть преступниками³. В. Г. Белинский справедливо считал, что зло, к которому принадлежат пороки и преступления, коренится не в человеке, а в самом обществе, в определенных общественных отношениях. «Эжен Сю и не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества»⁴. С большей четкостью раскрывал причины преступности Н. Г. Чернышевский: «Бедность, невежество, грубость нравов и разврат — главные источники преступлений и нарушений порядка»⁵. Необходимо стремиться к созданию такого строя, который

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

² Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30-ти т. Т. VII. М., 1956, с. 329.

³ См.: Герцен А. И. Былое и думы. М., 1946, с. 633—634.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1907, с. 474.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1950, с. 589.

бы обеспечивал своим гражданам нормальные условия существования. «Следовало бы принимать меры к устройству такого общественного порядка, при котором человек находил бы всегда удобства зарабатывать безбедные средства для жизни частным путем»⁶. Н. А. Добролюбов также подчеркивал, что «всякое преступление есть не следствие натуры человека, а следствие ненормального отношения, в какое он поставлен к обществу. И чем эта ненормальность сильнее, тем чаще совершаются преступления»⁷. Показ непосредственных источников преступности в дореформенной России: нищеты, бесправия, произвола властей и помещиков, общественного неравенства, алкоголизма, голода, т. е. поистине нечеловеческих условий существования народа, позволил великим революционерам-демократам сделать важнейший вывод о гнилости крепостнического строя, о неизбежности его гибели и необходимости народной революции⁸.

Наиболее яркими представителями криминологической мысли, стоящими при исследовании причин преступности на позициях революционно-демократического направления, являлись П. Н. Ткачев и М. А. Филиппов. Как известно, П. Н. Ткачев (1844—1885) возглавлял особое направление в народничестве 70-х годов, выдвигая идею политической борьбы как необходимую предпосылку социалистической революции. Принося значение революционных масс, П. Ткачев предлагал совершить захват власти силами небольшой заговорщической группы интеллигенции. Несмотря на целый ряд теоретических и практических ошибок, которые, в частности, критиковал Ф. Энгельс и которые во многом объяснялись тогдашними историческими условиями России, П. Ткачев, находясь под влиянием идей К. Маркса, сформулировал важнейшее положение об обусловленности мирозерцания людей и характера их деятельности условиями экономического быта. Эти прогрессивные идеи он положил в основу всех своих работ, в том числе и криминологических.

«Все наиболее общие, наиболее характеристические явления общественной, политической, юридической, а следовательно, умственной и нравственной жизни народов, — писал П. Ткачев, — определяются и обуславливаются основным фактором их жизни — экономическим»⁹.

В чем же видел он причины преступности? В работе «Статистические этюды» (опыт разработки русской уголовной статистики)¹⁰, он исследует показатели преступности, взятые из официально опубликованных отчетов министерства юстиции за шесть лет

⁶ Там же, с. 584.

⁷ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1939, с. 66.

⁸ См.: Здравомыслов Б. В. Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов. М., 1959.

⁹ Ткачев П. Н. Избранные сочинения, т. I. М., 1932, с. 68.

¹⁰ См.: Ткачев П. Н. Статистические этюды (опыт разработки русской уголовной статистики). — «Библиотека для чтения», 1863, № 10.

(1856—1861). Эти показатели характеризовали значительный рост преступности за сравнительно незначительный отрезок времени (табл. 51).

Проанализировав эти показатели, а также данные о преступлениях по их отдельным категориям и губерниям, П. Ткачев приходит к выводу: «Руководствуясь данными, добытыми статистикой, мы указали на главнейшие причины, разнообразящие количество и качество преступлений в различных местностях... Мы ви-

Таблица 51

Преступность за 1856—1861 гг.*

Годы	1856	1857	1858	1859	1860	1861
Число подсудимых . .	383 229	383 213	40 407	422 558	393 090	433 506
Число обвиняемых . .	57 130	60 443	70 665	74 216	72 489	79 780

Ткачев П. Н. Избранные сочинения, т. I, с. 28.

дели, что число и свойство преступлений зависят не столько от географических и климатических условий, сколько от неурядиц и неурстройства в экономической и социальной жизни народа, мы видели, что все многообразные общественные влияния, способствующие развитию в человеке наклонности к преступлению, сводятся главным образом к влиянию одной причины: отсутствию прочного материального обеспечения, нищете и бедности, ненормальным общественным отношениям, которые развращают людей, порождают праздность и нужду, злобу, зависть и лицемерие!»¹¹.

Обусловленность преступности «неустройством в экономической и социальной жизни народа» мы не встречаем ни в одном уголовно-статистическом исследовании буржуазных ученых не только в 60-х годах, но и в дальнейшем.

П. Ткачев, полемизируя с рядом авторов, делающих основной упор при рассмотрении причин преступности на климатические условия, приводит соответствующие статистические показатели по отдельным губерниям: губернии с самым противоположным климатом дают сходное число преступлений. Сопоставление говорит о том, что климатические условия вообще не оказывают никакого заметного влияния ни на количество, ни на качество преступлений. Подчеркивая большое значение статистики в установлении истинных причин преступности, 19-летний П. Ткачев отмечал: «Статистика, давая нам возможность анализировать причины, производящие преступления, научает нас, что все преступления зависят от невыгодных социальных условий, неравномерного рас-

¹¹ Ткачев П. Н. Статистические этюды..., с. 28.

пределения богатств, бедности, отсутствия работы... от неблагоприятных общественных отношений, делающих из одного человека раба, из другого — тирана»¹².

Вышеизложенное показывает роль П. Ткачева в развитии русской криминологии и уголовной статистики. Среди исследователей преступности, стоящих на позициях революционного демократизма, выделяется также М. А. Филиппов (1828—1886)¹³.

М. Филиппов, проанализировав официальные данные статистики о движении преступности с 1860 по 1862 г., находит ее основные причины в тяжелых экономических условиях народа, т. е. в его темноте и бесправии.

«Поэтому, — пишет М. Филиппов, — материальное благосостояние и гражданская полноправность должны идти рука об руку с народным образованием, и только при их если не полной, то возможной гармонии можно ожидать улучшения общественной нравственности, а вместе с тем уменьшения числа преступлений»¹⁴.

Крестьянская реформа 1861 г., «освободившая» крестьян от земли и, следовательно, разорившая их, оказала свое естественное влияние и на движение преступности, что весьма рельефно показывают П. Ткачев и М. Филиппов, основываясь на материалах уголовной статистики.

«Мы находим, что всех подсудимых в 1860 г. было 393 090, а в 1862 г. цифра подсудимых достигает уже 456 251. Такое огромное увеличение подсудимых за два года нельзя считать нормальным. Если бы в каждые два года число подсудимых увеличивалось в такой прогрессии, то через 10 лет все народонаселение империи обратилось бы в подсудимых. В чем же причины?»¹⁵.

М. Филиппов правильно намечает эти причины, которые он видит, во-первых, в резком ухудшении экономического положения преобладающей части населения России — крестьян, и, во-вторых, в изменениях уголовно-процессуального характера, имевших место с 1860 г. (введение в судах судебных следователей), что также способствовало увеличению числа привлекаемых к уголовной ответственности.

«Крестьянская эмансипация... имела огромное влияние на увеличение числа уголовных дел. Многие помещики при самом возникновении вопроса о крестьянах стали освобождать дворовых и даже оседлых крестьян на волю, но при этом не заботились обеспечить их быта, освобождая их без земли. Отсюда явилась целая масса пролетариев, непривычных ни к серьезному труду, ни к самостоятельной вне сельского общества деятельности: так что на первых порах нужда побудила их к преступлениям. С выходом

¹² Ткачев П. Н. Указ. соч., с. 8.

¹³ Филиппов М. А. О судебной статистике в России. — «Русское слово», 1864, июнь.

¹⁴ Там же, с. 154.

¹⁵ Филиппов М. А. Указ. соч., с. 146.

же манифеста от 19 февраля 1861 г., — продолжает не без иронии М. Филиппов, намекая на отдельные выступления обманутых крестьян, — к сожалению, многие из крестьян не поняли смысла своей новой свободы и через это впали в преступления»¹⁶.

Напомним, что разоренные крестьяне, выбитые из привычной колеи развивающимся капитализмом, пролетаризируются, бросают землю, которую они не могут выкупить, и бегут в города, где зачастую дороговизна и долгая безработица вынуждают некоторых из них «нарушать законы». Об этом говорит М. Филиппов, напоминая, что «через крестьянскую и финансовую реформу вздорожали в городах все жизненные потребности, а финансовый кризис в государстве сделал заработок делом не верным... А при таком положении вещей, первый страдалец — работник: он остается без труда и куска хлеба. Отсюда и рождаются преступления; одна только горькая нужда вызывает человека на отвратительные пороки и побуждает его к преступлению»¹⁷.

Ткачев П. также подчеркивает, что разорение крестьян в результате реформы, их пролетаризация неминуемо влекут за собой и рост преступности. Он приводит любопытные статистические расчеты — разбивает все губернии на группы по проценту крестьян во всем населении и вычисляет коэффициенты преступности по этим группам (отношение подсудимых к числу жителей). Получается, что в тех губерниях, где процент крестьян во всем населении превышает 50, один подсудимый приходится на 261 жителя, а в губерниях с прослойкой крестьян в 30—36% — один подсудимый приходится на 120 жителей.

Отсюда П. Ткачев приходит к выводу о том, что возрастание процента крестьянского населения обратно пропорционально возрастанию числа преступлений.

«Вот факт, — продолжает он, — свидетельствующий о том, что сельское население, занятое земледельческим трудом, менее расположено к преступлениям, чем всякое другое сословие. В самом деле, крестьяне, несмотря на те экономические условия, в которые они поставлены, составляют самую здоровую часть населения губернии и по мере их увеличения число преступлений уменьшается. Вот благотворное влияние на нравственность, — восклицает Ткачев, — труда земельного обеспеченного»¹⁸.

Весьма важно подчеркнуть, что П. Ткачев еще в начале 60-х годов, когда расслоение крестьянства не носило такой резкий характер, как 15—25 лет спустя, прекрасно понимает, что надо различать «земельных», т. е. зажиточных, крестьян от безземельных, т. е. бедняков. В этом он, бесспорно, стоит выше поздних народников, игнорировавших классовую группировку и рассматривающих всех крестьян как однородную совокупность.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Филиппов М. А. Указ. соч., с. 147.

¹⁸ Ткачев П. Статистические этюды..., с. 16.

П. Ткачев правильно отметил, что для анализа преступности большое значение имели бы данные о числе безземельных крестьян, об их изменении в последние годы и об их удельном весе в общем количестве земледельцев.

«К сожалению, мы не имеем ровно никаких сведений об отношении жителей земельных, т. е. владеющих известным земельным участком и обрабатывающих его, к жителям безземельным по губернии. Однако вышеприведенные таблицы наводят нас на мысль о том, какое громадное влияние имеет это обеспечение на число преступлений. Поэтому нет почти никакого сомнения, что два миллиона дворовых, лишенных по реформе 19 февраля этого обеспечения, увеличат в значительном размере списки подсудимых»¹⁹.

Классовый подход к исследованию преступности характерен для авторов, принадлежащих по своим политическим взглядам к революционно-демократическому направлению. В противоположность западноевропейским, да и русским буржуазным ученым, П. Ткачев и М. Филиппов неоднократно подчеркивают, что преступность надо изучать не целиком по всему населению, а в разрезе отдельных классов. Только при таком подходе, применяя соответствующие группировки, можно вскрыть истинные причины преступности. Говоря о том, что «материальное благосостояние и гражданская полноправность» обуславливают в основном движение преступности, Филиппов писал: «Справедливость моих слов доказывается следующей сравнительной таблицей лиц по сословиям, приговоренных у нас в 1862 г. к наказаниям: заметим, что без статистических данных о преступлениях отдельных сословий мы будем блуждать в потемках»²⁰ (табл. 52).

Таблица 52

Число приговоренных в 1862 г.*

Дворян	Городские обыватели	Крестьяне	Духовенство	Прочие сословия и инородцы	Всего
1458	10 485	65 509	215	5782	83 449

* Филиппов М. А. О судебной статистике в России, с. 155.

О необходимости анализа преступлений по отдельным сословиям отмечал так же П. Ткачев: «Всякому со вниманием рассматривающему ведомость о судимых и осужденных... прежде всего бросается в глаза необыкновенная неравномерность, с которой распределялось количество подсудимых и обвиняемых между раз-

¹⁹ Там же, с. 17.

²⁰ Филиппов М. А. Указ. соч., с. 155.

личными классами. Было бы величайшей ошибкой не обращать внимания на эту неравномерность»²¹.

Подобные установки оказали в дальнейшем большое влияние на разработку научной методики исследования преступности. Приведя соответствующие абсолютные величины, П. Ткачев и М. Филиппов в целях сравнения преступности отдельных сословий вычисляют обобщающие показатели — число осужденных («приговорены»), принадлежащих к определенному сословию, по отношению к общему количеству лиц данного сословия во всем населении (коэффициент преступности). На основе вышеприведенных данных о числе приговоренных в 1862 г. Н. Филиппов делает следующие выводы: «Преступность дворян — 0,16%, духовенства — 0,03%, горожан — 0,23%, крестьян — 0,01%, остальных сословий и инородцев — 0,04%»²².

Таким образом, на первом месте по интенсивности преступности были горожане, затем дворяне, инородцы, духовенство и крестьяне. То, что преступность в городах значительно выше, чем в селах, явление повсеместное, ибо горожане (в основном рабочие и ремесленники) зависят от периодически изменяющихся экономических условий. Пролетаризация крестьян и приток их в города, где усиленно развивается капиталистическая промышленность, выбивают крестьян из привычной колеи, пополняют ряды нищих и безработных и увеличивают преступность. Это и подчеркивает М. Филиппов, говоря, что в городах «число преступлений в продолжение года изменяется, смотря по тому, бывают ли жизненные припасы дороже или дешевле; предлагается ли высокое или низкое вознаграждение за труд. Таким образом объясняется, что в те годы, когда жизненные припасы дешевы и когда нет излишка в рабочих руках, преступления бывают реже...»²³.

На втором месте по интенсивности преступности стоят дворяне. Чем же это объяснить?

«Причина та, что дворяне занимают у нас большую часть общественных и гражданских должностей; поэтому преступления против должностей и службы, можно сказать, суть особенная специальность этого сословия»²⁴.

Это, конечно, верно, но все же недостаточно для объяснения значительной распространенности преступности среди дворянства. Здесь необходимо учесть два существенных обстоятельства. Во-первых, более половины всех обвиняемых в государственных преступлениях составляли в те времена дворяне. Отметим, что в 20—40-х годах их было свыше $\frac{3}{4}$ среди таких обвиняемых. Вспомним, что писал В. И. Ленин о классовом составе политических преступников: «Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена.

²¹ Ткачев П. Статистические этюды..., с. 15.

²² Филиппов М. А. Указ. соч., с. 155.

²³ Там же, с. 156.

²⁴ Там же, с. 156—157.

Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ»²⁵.

В дальнейшем освободительное движение в XIX в. демократизировалось. Однако в рассматриваемый период среди обвиняемых в государственных преступлениях преобладающее место все еще занимали дворяне. Во-вторых, развитие капитализма в России вело к «оскудению» значительных слоев дворянства, которые не всегда могли приспособиться к новым экономическим условиям, не желая сокращать потребности прошедшей «вольной» жизни, зачастую «нарушали закон». На третьем месте по интенсивности преступности стояли инородцы: киргизы, башкиры, горцы, татары и т. д. Жесточайшее подавление этих народностей приводило к постоянным волнениям, «бунтам», которые топились в потоках крови.

«Духовенство, — пишет Филиппов, — занимает у нас четвертое; а крестьяне — пятое место по преступности. Причина тому очевидная: и духовенство, и крестьянство в настоящее время более или менее обеспечены в материальном своем быте, и в сельских обществах нет тех причин, которые увеличивают преступность горожан и дворянства»²⁶.

Это далеко не точно. Во-первых, едва ли правильно ставить на одну плоскость духовенство (хотя бы и низшее) и крестьянство, поскольку и то и другое сословие якобы «обеспечены в материальном своем быте», а, во-вторых, неверно утверждать, что в сельских обществах нет тех причин, которые увеличивают преступность горожан и дворянства. Это может быть только с внешней стороны. Основная же причина увеличения преступности в то время — бурное развитие капитализма в России, разлагающее «патриархальное» крепостническое сельское хозяйство и тем самым подтачивающие корни привычной жизни как дворян, так и крестьян. По приведенным официальным статистическим данным выходило, что значительная часть крестьян, свкнувшаяся в течение десятков лет со своим полуголодным существованием, освещенным рабской религией и моралью, погрязшая испокон веков «в идиотизме деревенской жизни», сравнительно редко по отношению к другим сословиям «нарушала закон» в первой половине XIX в. В действительности все это было далеко не так. В рассматриваемый нами период было много крестьянских волнений, вызванных помещичьим гнетом, и других противоправных деяний, хотя относительно т. е. по сравнению с другими сословиями, интенсивность преступлений среди крестьян являлась минимальной. В дальнейшем, когда, по выражению В. И. Ленина, «лучшие люди из дворян помогли разбудить народ», когда быстрое расслоение крестьян под влиянием развития капитализма значительно ухудшило их экономическое положение, расшатало при-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 397—398.

²⁶ Филиппов М. А. Указ. соч., с. 157.

вычные религиозные и моральные устои и превратило многих из них в пролетариев, освободительное движение быстро демократизируется. Кроме того, всевозрастающее разорение крестьян толкает их главным образом на имущественные преступления. Огромное число уголовных нарушений среди крестьян вообще не входило в официальные статистические данные, ибо такие нарушения не доходили до суда и разрешались «местными средствами» самими помещиками. Если бы можно было учесть эти нарушения, то едва ли сословие крестьян стояло на последнем месте по интенсивности преступности. По официальным данным получалось, что по распространенности преступности среди отдельных сословий крестьяне занимали последнее место. Любопытно отметить обоснование Е. Анучиным зависимости преступности и нравственности от степени материального благосостояния.

«Совершенно очевидно, до какой степени сильно влияние общественного положения на степень благосостояния, на нравственность. Преступнейшими оказываются именно те сословия, которые находятся в самых неблагоприятных экономических условиях, и, напротив, самым нравственным оказывается именно то, которое наиболее обеспечено с материальной стороны. Вывод этот как бы сам собой вытекает из цифр: так, очевидно совпадение двух моментов: степень преступности со степенью материального благосостояния»²⁷.

Следует еще раз подчеркнуть, что подобное материалистическое объяснение причин преступности характерно для русских исследователей.

Таким образом, русские ученые, стоящие на позициях революционного демократизма еще в 60-х годах XIX в., наиболее близко подошли к научному пониманию причин преступности. Работы П. Ткачева, М. Филиппова, отчасти Е. Анучина, несмотря на ряд ошибок и заблуждений, явились вершиной для уголовного права, криминологии и статистики домарксистско-ленинского периода.

*§ 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
И ЕЕ ПРИЧИН РУССКИМИ УЧЕНЫМИ,
ПРИМЫКАВШИМИ ПО СВОИМ
ПОЛИТИЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ
К ЛИБЕРАЛЬНОМУ
И МОНАРХИЧЕСКОМУ НАПРАВЛЕНИЯМ*

Совершенно другой подход к изучению причин преступности мы видим в многочисленных криминологических и уголовно-статистических работах того времени, авторы которых по своим политическим взглядам примыкали к либеральному и тем более к мо-

---

²⁷ Анучин Е. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг. Спб., 1873, с. 104.

нархическому направлению. Как мы уже упоминали, огромное значение они придавали климатическим, географическим, возрастным и другим факторам преступности, не подчеркивая особо важной роли экономических причин. Наиболее серьезными являются исследования И. Орлова, А. Хвостова и И. Вильсона. Так, первые два автора в статье «Материалы для уголовной статистики России» анализируют официально опубликованные статистические данные о преступности за 1856—1858 гг. Установив рост числа подсудимых и осужденных, они пишут: «Причины преступности следует искать, как нам кажется, как в свойствах самой местности, так равно в составе народонаселения, в степени нравственного, а отчасти и материального благосостояния жителей»²⁸.

После этого положения авторы переходят к анализу показателей преступности по отдельным губерниям, утверждая, что «большее или меньшее совершение преступлений в тех или других губерниях происходит от разных причин, и ни одна не может служить единственным объяснением»²⁹.

Не выделяя основной причины преступности, определяющей ее движение во всех губерниях, авторы намечают десятки причин применительно к специфическим особенностям различных губерний. Они скользят по поверхности явлений, не видя их корней. Так, говоря о большом коэффициенте преступности в губерниях, примыкающих к Сибири, как например, Пермской, авторы разъясняют, что «причины такого явления мы легко найдем в географическом положении и в самом составе населения, ибо по смежности этой губернии с Сибирью она служит бежавшим ссыльным местом для бродяжничания и совершения новых преступлений. Сверх того, в состав населения ее входят башкирцы, мешеряки, татары и другие, магометанские и языческие племена, у которых при совершенном невежестве склонность к воровству составляет как бы наследственный порок»³⁰.

Как видим, отмеченные причины являются описательными, не разъясняющими суть дела, скажем, вопроса о том, почему число ссыльных в Сибирь все время увеличивается? В приведенных словах нельзя не увидеть отпечатка явного презрения барина — великоруса к различным «инородцам» как к грязным дикарям и врожденным преступникам, что характерно для любых шовинистов. А между тем, как известно из обширных этнографических материалов, многие «дикари» отличались исключительной чистотой, не входящей ни в какое сравнение с «цивилизованными» европейцами. Естественно, дело не во врожденных качествах, а, выражаясь словами П. Ткачева, в устройстве экономического и социального быта. Объясняя большое абсолютное и относительное число преступлений в столичных губерниях, они писали, что

²⁸ Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России.— «Журнал министерства юстиции», 1860, № 10, с. 46.

²⁹ Там же, с. 58.

³⁰ Орлов И., Хвостов А. Указ. соч., с. 61.

роскошь, праздность, желание жить выше средств, дороговизна и жизненные припасы и «малое развитие брачной жизни в столицах и в многочисленных городах» всегда сопровождаются большим числом уголовных дел в этих местностях. «Между людьми, являющимися в большие города для приискания себе работы, находится немалое число и таких, которые по недостатку познаний и по привычке к праздности, упорному и постоянному труду предпочитают хотя и преступный, но зато более легкий способ приобретения средств к жизни. Вот главнейшая причина большого числа преступлений в С.-Петербургской и Московской губерниях»³¹.

Подобные рассуждения в духе дворянина-обывателя не могут идти ни в какое сравнение с исследованием причин преступности, проводимым П. Ткачевым и М. Филипповым. Любопытно, что И. Орлов и А. Хвостов, с печалью отмечая распад «патриархальных» крепостнических отношений, полагают, что «старый строй государственности вполне обеспечивал нужды и потребности простолюдинов». Одновременно, понимая необходимость «некоторого» изменения старых порядков, они ратуют за такое изменение, которое не «подорвало бы естественные интересы и виды высших сословий общества», что, в свою очередь, может «подорвать корни жизни и других сословий».

Любопытно напомнить, что в статье «Очерк уголовной статистики Англии» И. Хвостов с негодованием отмечал разорение и нищету преобладающего числа населения этой страны, а отсюда падение нравственности и рост преступности в Англии. Иначе он подходит к исследованию причин преступности в России, где политические интересы заставляют его не забывать «о видах высших сословий». Выступая против предложений представителей революционно-демократического направления, некоторые авторы «с печалью» отмечали, что «многое идет так, как не должно идти», а это влечет «к безнравственности, к увеличению нужд и потребностей». Исследование И. Орлова и А. Хвостова проникнуто духом шовинизма и антисемитизма, презрения к широким народным массам.

Если И. Орлов и А. Хвостов могут быть отнесены по своим политическим взглядам к представителям монархического направления, то И. Вильсон является выразителем идей буржуазного либерализма. В своей работе он подвергает анализу статистические материалы о преступности государственных крестьян за 1847—1856 гг., т. е. крестьян, «прикрепленных к земле», принадлежащих не частным владельцам-помещикам, а государству, составляющих в то время более трети населения всей страны (18 млн. человек). Он рассматривает подсудимых — государственных крестьян — по различным признакам: половым, возрастным, в разрезе отдельных губерний и т. п., пытаясь выяснить, в чем же основная причина преступности этой части населения.

---

³¹ Там же.

Находясь под влиянием Кетле, И. Вильсон считает, что на характер и силу преступности могут действовать причины или влияния постоянные и случайные, временные. «Влияния постоянные, основные заключаются в физических свойствах народа... как например, в поле, возрасте, племенном происхождении и т. п., а отсюда и в нравственных качествах»³².

Таким образом, основная, постоянная причина преступности коренится, по мнению И. Вильсона, в биологических особенностях людей, определяющих якобы их нравственные качества. Это находит свое подтверждение в «весьма распространенной преступности отдельных народностей, как-то: цыган, калмыков и др., хотя, естественно, и среди них встречаются честные люди»³³.

Подобные рассуждения в духе А. Кетле как бы предвосхищают объяснения причин преступности сторонниками реакционной биологической теории уголовного права, появившейся позднее в Западной Европе. Но к чести И. Вильсона он не ограничивается только этим.

«Менее постоянные, не основные условия преступности заключаются в экономическом положении народа и в особенностях государственной организации, особенно в условиях судопроизводства и законодательства... К условиям же временным могут относиться такие явления в быту народа, которые возникают, так сказать, случайно... К этим условиям должны быть причислены урожаи и неурожаи, промышленные кризисы, войны...»³⁴.

В этих высказываниях все поставлено на голову: «Экономическое положение народа и особенности государственной организации», обусловленные данным способом производства, принимаются автором за «не основные причины преступности». «Урожаи и неурожаи, промышленные кризисы, войны», неизбежные при данном способе производства, считаются причинами «случайными или временными». После сформулирования вышеприведенных положений своего исследования И. Вильсон высказывает ряд важных и интересных соображений уголовно-статистического характера о необходимости, например, четкой группировки преступности, вычисления обобщающих показателей для сравнения осужденных по различным губерниям. Подобные соображения, безусловно, способствовали дальнейшему развитию основных методических приемов, необходимых для всякого криминологического исследования. Затем он выясняет влияние отдельных факторов: пола, возраста, местности, времени года и пр. — на движение и характер преступности.

Исследования И. Вильсона как бы предвосхищают многочис-

---

³² Вильсон И. Уголовная статистика государственных крестьян по данным за десятилетие 1847—1856 гг.—Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства государственных имуществ, вып. VI. Спб., 1871, с. 4.

³³ Там же, с. 74.

³⁴ Там же, с. 4.

ленные работы сторонников теории факторов преступности, появившейся 15—25 лет спустя во всех капиталистических странах.

Следует отметить, что в работе И. Вильсона наряду с неверными исходными позициями встречаются прогрессивные мысли. Объясняя, например, большой рост преступлений среди государственных крестьян в годы Крымской войны 1853—1855 гг., он пишет: «Увеличение судившихся в период войны, особенно за преступления против имущества и доходов казны, объясняется тяготами для народа, вызванными войной в добавление к его и так тяжелой жизни...»³⁵.

Справедливо указание И. Вильсона на причины значительно меньшей преступности женщин по сравнению с мужчинами (число подсудимых женщин по отношению ко всем подсудимым было равно в 1856 г. 6,5%). «Из этого не следует, что женщины нравственнее мужчины — исключительной причиной означенной разницы в численности преступлений нельзя признать отличие пола как естественного, физиологического элемента, а более те социальные условия, которые соединены с половыми отличиями. Женщина совершает реже, чем мужчина, преступления против собственности не потому, что в ней сильнее чувство уважения к собственности, а потому, что большинство женщин, находясь в экономической зависимости от мужчин, не встречает необходимости совершать такие преступления. На мужчине лежит тягость отбывания повинностей, добывание средств к жизни семьи, следовательно, крайность гнетущей нужды, что, к сожалению, частое явление среди наших податных сословий. Это и толкает его на преступление... Главным образом под влиянием пола нужно разуместь влияние известных общественных условий, соединенных с положением женщины как члена общества»³⁶.

Подобные рассуждения И. Вильсона противоречат его исходным позициям об обусловленности преступности преимущественно биологическими особенностями. Небезынтересно отметить высказывания И. Вильсона о «благотворном влиянии реформ, проведенных мудрой верховной властью на участь народную», что якобы должно привести к снижению преступности. Все эти высказывания типичны для либерала того времени, который не прочь заняться умеренным просветительством, легко покритиковать «деспотические явления», посетовать над судьбой «меньшого брата» и в то же время боится революционных требований демократов. Говоря о том, что основной причиной преступности в царской России был сам дворянско-буржуазный строй, нетерпимые жизненные условия широких трудящихся масс, следует напомнить, что конкретный показ этих нетерпимых жизненных условий, страшной картины нищеты и бесправия крестьян и рабочих отразил Н. Флеровский (В. В. Берви) в книге «Положение рабоче-

³⁵ Вильсон И. Указ. соч., с. 91.

³⁶ Там же, с. 29, 30.

го класса в России»³⁷. В ней, основываясь на громадном фактическом и статистическом материале, автор с большой силой показал жуткое положение народа, произвол эксплуататорских классов, специфические особенности русских хищников-капиталистов типа артамоновых и разубаевых, дал критику помещичьего землевладения. Н. Флеровский — один из первых — всесторонне исследовал экономическое положение страны и пришел к правильному выводу о том, что остатки крепостничества, огромные налоги, гнет и эксплуатация являлись основной причиной, а господствующие классы — главными виновниками нищеты трудящихся масс и отсталости России. Надо отметить, что работа Н. Флеровского сыграла большую роль и для объективного исследования причин преступности; она с огромной убедительностью показывала тот «социальный фон», ту социально-экономическую обстановку, которая имела криминогенный характер и не могла не рождать преступность. Н. Флеровский являлся одним из представителей русского утопического социализма, ошибочно полагая, что переход к социализму можно осуществить через крестьянскую общину путем проведения ряда реформ: выкупа крестьянами помещичьих земель, введения обязательного бесплатного обучения и пр. Напомним, что К. Маркс изучал по книге Н. Флеровского (Берви В. В.) русский язык и ценил ее очень высоко, критикуя одновременно автора за его народнические взгляды. Ссылки на работу Н. Флеровского (Берви В. В.) мы находим также в трудах В. И. Ленина. Таким образом, книга Н. Флеровского (Берви В. В.) показала все стороны преступного дворянско-буржуазного строя России, выявила положение рабочих и крестьян, которые были вынуждены «нарушать закон». Н. Флеровский (Берви В. В.) как утопист серьезно считал, что «рабство должно уступить место равенству между трудом и капиталом, товариществу между работниками и капиталистом»³⁸. Но многие читатели, особенно стоящие на позициях революционного демократизма, а в дальнейшем на марксистско-ленинских позициях, приходили после знакомства с книгой Н. Флеровского к единственно правильному выводу о том, что только ликвидация дворянско-буржуазного государства приведет к ликвидации всех его пороков, в том числе и преступности.

Не останавливаясь на других, более мелких работах того времени, посвященных исследованию причин преступности и не представляющих собой ничего оригинального, мы видим, таким образом, различное объяснение этих причин отдельными авторами в зависимости от их политических взглядов.

Следует подчеркнуть, что труды исследователей преступности, стоящих на позиции революционного демократизма, сыграли большую роль в становлении подлинно научной криминологии,

³⁷ См.: Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.

³⁸ Берви В. В. Положение рабочего класса в России. М., 1938, с. 303.

рассматривающей причины преступности в неразрывной связи с экономической и политической структурой общественного строя. Как в этих, так и в других трудах были разработаны специальные вопросы, посвященные методике изучения преступности, многие из которых представляют серьезный практический и научный интерес и для нашего времени.

Огромный рост преступности в период промышленного капитализма и особенно империализма вызвал беспокойство господствующего класса, порождая, в частности, волну исследований о причинах преступности и проектов борьбы с ней. В этот период появляются реакционные уголовно-правовые и криминологические направления, искажающие истинные причины преступности и представляющие собой программу буржуазии в области уголовной репрессии.

Здесь хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. Первое. Уголовно-правовое и криминологическое направления тесно переплетены между собой, их трудно отделить друг от друга. Это и понятно, поскольку криминология исторически выделилась из уголовного права, она не могла не касаться вопросов причин преступности и мер по борьбе с ней. Если классическое направление в уголовном праве сравнительно мало обращалось к этим вопросам, то антропологическое и социологическое направления уделяли им основное внимание. Поэтому два последних направления можно с полным основанием считать и уголовно-правовым и криминологическим. И второе. В противоположность дореформенному периоду почти невозможно провести исследование специфики криминологической мысли в России отдельно в период промышленного и монополистического капитализма. Большинство известных русских авторов, высказывавших свои взгляды на проблемы причин преступности (например Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, В. Д. Спасович, Е. Н. Тарновский, Д. А. Дриль и др.), жили и работали в последней трети XIX и начале XX в., т. е. в годы, охватывающие эпохи промышленного капитализма и империализма. Именно поэтому мы рассматриваем основные криминологические направления, относящиеся к этим двум эпохам, хотя между представителями таких направлений и происходила «борьба» по частным вопросам, что в конечном счете обуславливалось некоторыми противоречиями интересов отдельных групп внутри господствующего класса, однако все они сходились в основном в необходимости защиты капитализма от посягающих на него «преступников». Россия не была исключением в этом отношении, хотя и имела много специфических черт, объясняемых особенностями ее политического и экономического развития по сравнению с другими западноевропейскими государствами.

На определенном отрезке времени социологическое направление в криминологии и уголовном праве в России, как мы увидим ниже, представляло собой относительно прогрессивное явление.

Напомним, что представители монархического направления ве-

ли жестокую борьбу с революционерами-демократами во всех отраслях общественной мысли и, в частности, в уголовно-правовой и криминологической. Если в конце 60-х и в 70-х годах многие либералы, ратовавшие за «постепенный», реформистский путь капиталистического развития России, выступали с резкой критикой откровенно крепостнических взглядов помещиков-монархистов, что было, безусловно, исторически прогрессивным, то в дальнейшем рост освободительного движения и появление партии пролетариата превратили многих из них в открытых реакционеров. Надо сказать, что в области криминологии в отношении объяснения причин преступности взгляды реакционеров-крепостников были выражены в положениях антропологической школы уголовного права и криминологии, а взгляды либералов — социологической школы. Конечно, такое подразделение весьма условно, так как и социологическое направление являлось в конечном счете реакционным. Однако на известном историческом этапе оно имело определенное прогрессивное значение, в то время как антропологическое направление носило реакционный характер с начала возникновения. Здесь прогрессивность относительная, поскольку буржуазные отношения, защищаемые либералами, были прогрессивнее феодально-крепостнических, отстаиваемых «зубрами-помещиками». С другой стороны, нельзя не иметь в виду, что в России криминологические направления имели существенные отличия от тех же направлений в других государствах. Забегая несколько вперед, отметим, что в России мы почти не имели, например, представителей антропологического направления, так сказать, «в чистом виде» признающих лишь один биологический фактор преступности и требующих жестких карательных мер по отношению к преступникам (как, скажем, Ломброзо и Гарофало в Италии). В частности, в нашей юридической литературе совершенно необоснованно относят к антропологам Д. А. Дриля, представляющего чрезвычайно сложную и любопытную фигуру в русской уголовно-статистической науке. Любопытно, что теория факторов преступности, на которой базировалась социологическая школа, была впервые всесторонне разработана русскими учеными.

**Классическое направление
в уголовном праве
и его отношение к изучению
причин преступности**

Как известно, «классики» в Западной Европе стояли на позициях индетерминизма (Кестлин, Биндинг и др.), отрицая необходимость изучения проблем причинной обусловленности и закономерности преступности, а следовательно, отвергали тем самым уголовную статистику, ставящую своей основной задачей выявление и измерение этих закономерностей. Представители же классического направления в России, несмотря на догматический подход к исследованию основных категорий уголовного права и как бы противореча своему «юридическому мировоззрению», широко применяли уголовную статистику при рассмотрении ряда вопросов, и в первую очередь для познания социальной природы уголовно-правовых институтов.

«Уголовная статистика представляет собой вернейшую точку опоры для законодателя и может быть употреблена в будущем как рычаг для преобразования уголовного права в целом его составе»¹.

Важно иметь в виду, что уголовное право начинает обращаться к статистике лишь тогда, когда возникает необходимость в изучении причин преступности, в установлении определенных закономерностей, проявляющихся в данной сфере. Но, как ни странно, примерно до 70-х годов XIX в. вопросами исследования преступности занимались не криминалисты, а философы, социологи, богословы и особенно профессиональные статистики. Такое положение объяснялось тем, что в то время, в период безраздельного господства в области уголовного права классического направления, проблема изучения закономерностей развития преступлений и наказаний вообще не ставилась: нормативизм и догматизм классической школы исключал это. Так, крупнейший представитель русской классической школы проф. Н. С. Таганцев писал: «Предметом курса уголовного права должно быть изучение юридической конструкции преступных деяний... и центром изучения «преступное деяние», а не «преступность».

И далее, считая совершенно не нужным статистическое исследование причин преступности для ученого криминалиста, Н. Таганцев подчеркивал: «Социолог пользуется законами больших чисел, приложением теории вероятностей, т. е. приемом, излишним для юридической разработки вопроса»².

Такое же отношение к статистике, а тем самым и к выяснению социальной природы преступности мы находим и у других пред-

¹ Спасович В. Учебник уголовного права, т. I, вып. 1—2. Спб., 1863, с. 6.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право, ч. общая, т. I. Спб., 1902, с. 16, 10.

ставителей классического направления в России — Н. Сергеевского, Э. Немировского, А. Кистяковского и др. Однако, как мы уже говорили, почти все эти «классики», как бы противореча своему юридическому мировоззрению, постоянно обращались к уголовной статистике, связывающей их с повседневной жизнью, в которой они принимали активное участие. Мы приводили выше высказывание о статистике В. Спасовича (1829—1906). Напомним, что В. Спасович долгое время выступал в печати с критическими обзорами ежегодных «Сводов статистических сведений по делам уголовным» на страницах журнала «Вестник Европы».

Таким образом, с одной стороны, В. Спасович, будучи сторонником классического направления в уголовном праве, отрицал необходимость изучения закономерностей развития преступности, а с другой — сам постоянно проводил такое изучение, тщательно исследуя материалы уголовной статистики. Надо заметить, что подобные противоречия характерны для русских «классиков». «Чистая наука» обязывала их, замыкаясь в догматические рамки юридических конструкций, не обращать внимания на окружающую действительность, на общественно-экономические отношения, обуславливающие конструируемые ими правовые нормы. Но, будучи представителями своего класса, они боролись за свои взгляды, подкрепляя их правоту соответствующими статистическими данными, т. е. реальной действительностью.

Зачастую сама жизнь показывала несостоятельность догматических построений классической школы, необходимость для науки уголовного права изучать вопросы о причинах и закономерностях преступлений и наказаний. Н. С. Таганцев (1843—1923), придерживавшийся взглядов умеренного либерализма, писал, критикуя А. Кетле:

«Установление постоянства преступных деяний было только первым этапом изучения преступления как социального явления, результатом первого впечатления цифр преступности. Дальнейшие наблюдения указали, как и надо было ожидать, что идея неподвижности не соответствует основному закону общественной жизни — неуклонному движению, и чем долгосрочнее были наблюдения, тем более подтверждалось другое основное предположение моральной статистики — закономерность движения преступности»³.

Для опровержения «железных законов» А. Кетле и обоснования «закономерности движения преступности» М. Таганцев приводит статистические данные, характеризующие рост числа преступлений во всех без исключения странах в течение XIX в., отвергая тем самым позицию индетерминизма классической школы, для которой преступление всегда трактуется как акт свободной воли. Следует иметь в виду, что большинство наших криминалистов ошибочно считают Н. Таганцева индетерминистом, ставя его

---

³ Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 4.

рядом с Бернером, Биркмаером и другими западноевропейскими «классиками», полностью отрицающими причинную обусловленность общественных явлений, в частности преступлений, и провозглашающими господство беспричинной случайности и произвола, абсолютную свободу воли и т. п.⁴

Н. Таганцев в противоположность представителям классического направления уголовного права Западной Европы стоял на позициях детерминизма, что и подтверждается его словами: «...напрасно было бы утверждать, что выводы статистики не колеблют принципа свободы воли... Предполагая законосообразность явлений социальной жизни вообще, мы тем самым неминуемо предполагаем законосообразность каждого отдельного факта. А все эти соображения приводят к тому заключению, что все действия человека, с коими имеет дело уголовное право, не произвольны, а подчинены общему закону причинности...»⁵.

Отсюда относится Н. Таганцева к индетерминистам нет никакого основания. В явном противоречии с только что приведенными словами находятся утверждения Н. Таганцева о том, что уголовная статистика не нужна для уголовного права, изучающего лишь «юридические конструкции преступных деяний». Также противоречивы суждения и других русских классиков, которые, с одной стороны, признают причинную обусловленность преступности. Так, А. Кистяковский писал, что «уголовная статистика» приобрела очень важное значение по отношению к уголовному праву... Уголовная статистика выяснила, что самая преступность и размер ее есть произведение общих космических причин»⁶. С другой стороны, считают совершенно ненужным для уголовного права изучать эти причины. Надо сказать, что подобные противоречия не были в трудах зарубежных классиков-догматиков: не выходили за пределы своего «юридического мировоззрения» и игнорировали в своих научных работах вопросы, связанные с изучением причин преступности. В этом отношении они были консервативнее и реакционнее своих русских коллег. Однако если представители классической школы уголовного права в России и признавали закономерности в области преступности и даже занимались порой их исследованием, то, как мы видели, эти вопросы они считали не имеющими никакого отношения к науке уголовного права. Тем самым все учение классической школы носило чисто юридический характер при объяснении уголовно-правовых явлений. Преступление понималось классиками как нарушение уголовного закона, а наказание — как юридическое последствие нарушения этого закона, т. е. преступления. Следовательно, никаких попыток раскрыть материальное содержание данных понятий, показать их

⁴ См., например: Герцензон А. А. Курс судебной статистики. М., 1939, с. 197.

⁵ Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 345.

⁶ Кистяковский А. Элементарный учебник уголовного права. Спб., 1891, с. 11.

классово-политический характер они не делали и делать, конечно, не могли. Отсюда соображения некоторых ученых, появившиеся в 70-х годах и направленные к тому, чтобы включить в науку уголовного права исследование причин преступности, т. е. вопросы криминологического характера, являлись безусловно, прогрессивными и плодотворными для этой науки, ломающими схоластические догмы классической школы и толкающими криминалистов к выяснению действительных корней преступлений. Исторически здесь мы видим истоки возникновения новых направлений в уголовном праве — социологического и антропологического.

Первым криминалистом, призывающим включить в науку уголовного права исследование причин преступности, был русский юрист, профессор Московского университета М. В. Духовской. Именно его можно с полным основанием считать первым как в России, так и на Западе, заложившим основы социологического направления в уголовном праве и явившимся одновременно начинателем новой науки — криминологии.

3 октября 1872 г. 23-летний М. В. Духовской, исполнявший тогда должность доцента в Демидовском юридическом лицее (г. Ярославль), прочел лекцию на тему «Задачи науки уголовного права». В ней впервые специалист-криминалист, а не статистик, философ или социолог, резко критикует господствующее в уголовном праве классическое направление, которое, казалось бы, по своему официальному положению он должен был защищать. Одновременно он ставит перед уголовным правом совершенно новые, можно сказать, криминологические задачи. Основная причина полной неудовлетворительности официальной науки уголовного права заключалась в том, что она исходила «из ложного метода — возможности изучить все явления общественной жизни через посредство одного чистого разума, путем построения субъективных теорий, без всякой их проверки». Необходимо, чтобы наука уголовного права «начала выводить свои определения не из одного абстрактного разума, а из изучения действительной жизни. Она решила прежде всего изучать то явление в общественном строе, которое называется преступлением, узнать причины появления его и затем указать средства для его искоренения»¹.

Как видим, М. Духовской смело выступает против официальных доктрин «классиков». Он критикует распространенную тогда точку зрения индетерминизма и стремится доказать причинную обусловленность преступности. Приведя многочисленные статистические иллюстрации, он приходит к следующему выводу: «Становится понятным, что преступление не есть явление случайное, не есть результат одной свободы воли человека, а зависит еще от известных постоянных причин. Какие же это причины?»².

Отвечая на поставленный вопрос, М. Духовской, находясь под влиянием общественно-политических взглядов революционеров-демократов, высказывает ряд прогрессивных суждений о причинах преступности. «...Главная причина преступлений — общест-

¹ Духовской М. Временник Демидовского юридического лицея, кн. 4. Ярославль, 1873, с. 223, 225.

² Духовской М. Указ. соч., с. 223, 225.

венный строй. Дурное политическое устройство страны, дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание и целая масса других условий — вот те причины, благодаря которым совершается большинство преступлений»³.

Он первым среди ученых-криминалистов не только считает обязательным включение в науку уголовного права исследование причин преступности, что является, как известно, центральной задачей криминологии, но и сам, основываясь на статистических данных, производит такое исследование, указывая в первую очередь на социально-экономические причины.

«Особое значение для преступности имеет экономическое состояние страны. Не имея возможности заработать частным путем материальные средства к жизни, редкий человек, особенно малообразованный, удержится от преступления для приобретения их. Статистический материал представляет нам ясные доказательства связи числа преступлений с экономическим положением страны. Примеров очень много»⁴.

В своей лекции Духовской несколько раз возвращается к положению о том, что «главная причина совершения преступлений есть сам общественный строй»⁵. Казалось бы, правильно определив причину преступности, он, подобно П. Ткачеву и М. Филиппову, должен был указать и средства ликвидации этой причины, заключавшейся в революционном преобразовании общества. Однако позиции буржуазного либерализма, на которых стоит М. Духовской, приводят его к выработке совершенно других средств. Прежде всего М. Духовской считает, что преступность можно пресечь или по крайней мере резко сократить «разумной уголовной политикой государства». Следовательно, с преступностью, по его мнению, вполне можно бороться путем отдельных реформ в рамках буржуазно-дворянского строя. Подобное утверждение становится характерным для всех буржуазных исследователей преступности и особенно для представителей социологического направления в уголовном праве и криминологии.

Надо лишь внести некоторые «исправления» в общественно-экономический строй, несколько улучшить материальные условия «бедных и непросвещенных», и преступность пойдет на убыль! Вот типичные рассуждения социологов, считавших, что сам капитализм в преступности не повинен, что стоит лишь ликвидировать отдельные «крайности» и все будет прекрасно в этом лучшем из миров.

«Не строгость наказания, — говорит он, критикуя «теорию возмездия», — а улучшение экономических условий — вот чем должно заниматься государство... Не мстить преступнику должно наказание, а исправлять его»⁶.

³ Там же, с. 233.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 245.

⁶ Там же, с. 248.

И далее, М. Духовской, считая вполне серьезно, что каждый, знающий ремесло и желающий «честно трудиться», всегда найдет себе работу в условиях буржуазно-дворянского государства, утверждает: «Если лицо совершило преступление потому, что стояло в дурных экономических условиях, надо стараться самым наказанием исправить их: научить его ремеслу, дать ему возможность честно зарабатывать себе хлеб»⁷.

Налицо характерные воззрения буржуа-просветителя, который, как писал В. И. Ленин, искренне верит, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние. Важно подчеркнуть, что в те времена М. Духовской и другие русские социологи именно искренно верили в «общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного...»⁸. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось.

Отметим, что взгляды М. Духовского, как и других русских просветителей, являлись в те времена относительно прогрессивными, поскольку защищаемые им капиталистические отношения были прогрессивнее крепостнических. В дальнейшем, когда через 15—20 лет в Западной Европе появляется социологическое направление уголовного права, представители последнего, живя в совершенно иных общественно-экономических условиях и повторяя положения М. Духовского, И. Фойницкого и других, в преобладающем большинстве случаев сознательно искажали в своих классовых целях истинные корни преступности при капитализме, апологетами которого они являлись.

Таким образом, подходя к работе М. Духовского с исторической точки зрения и помня указание В. И. Ленина о том, что исторические заслуги судятся по тому, что дали нового исторические деятели по сравнению со своими предшественниками, мы должны отметить большую заслугу М. Духовского в развитии уголовного права и особенно в становлении новой науки — криминологии. Он первый из юристов призывал к исследованию причин преступности, к выработке мероприятий по борьбе с ней, т. е. к решению основных вопросов криминологии.

«Уголовное право, занимаясь преступлением, должно прежде всего приступить к исследованию причин преступления и указать через это средства для его искоренения»⁹.

Эти призывы, как нам думается, сохраняют свою актуальность и в настоящее время¹⁰.

---

⁷ Духовской М. Указ. соч., с. 250.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

⁹ Духовской М. Указ. соч., с. 251.

¹⁰ Любопытно, что «проф. М. Духовской, начертав стройную программу реформы в области уголовного права, не осуществил этой программы даже в собственных дальнейших трудах» (Чубинский М. П. Общая характеристика новых учений в уголовном праве.— В кн.: Статьи и речи по вопросам

Следуя призыву Духовского, ряд криминалистов выпускает специальные работы, посвященные исследованию и установлению причин все возрастающей преступности, намечают меры борьбы с ней. Так появляется социологическое направление в уголовном праве и криминологии. Русские «социологи», будучи, как правило, представителями буржуазного либерализма, направляли свою критику против сословно-крепостнических пережитков и ратовали за проведение некоторых буржуазных реформ, способствующих, по их мнению, уменьшению преступности. Напомним, что до появления марксизма-ленинизма интересы представителей прогрессивной буржуазной идеологии совпадали, как указывал В. И. Ленин, в ряде требований в те времена с реальными интересами крестьян. Все это необходимо учитывать при рассмотрении социологического направления в уголовном праве и криминологии в России, которое представляло на известном историческом этапе прогрессивное явление. Не следует забывать, что вопрос о реакционности или прогрессивности той или иной идеи должен решаться конкретно-исторически, ибо одна и та же идея в различных конкретных исторических условиях может быть и реакционной, и прогрессивной. Надо также иметь в виду, что социологическое направление в России появилось значительно раньше, чем в Западной Европе. Правда, отдельные работы, объясняющие преступность рядом «факторов», мы находим еще в первой половине XIX в. Но буржуазные ученые Запада почти не касались социально-экономических причин преступности, и даже крупнейший из них А. Кетле не понимал определяющей роли этих причин.

Уже с самого начала своего возникновения социологическое направление в криминологии, основывающееся на теории факторов преступности благодаря принятому им методу не могло вскрыть истинных корней преступности, лежащих в самой структуре дворянско-буржуазного общества. Более того, действительная причина преступности здесь явно искажалась, причем в дальнейшем, в период империализма и усиления реакции, такое искажение стало проводиться большинством буржуазных криминологов умышленно, в апологетических целях. Только марксизм, открыв в материальном производстве основу общественной жизни, впервые доказал, что все стороны этой жизни зависят в конечном счете от развития экономического базиса. Тем самым был найден ключ к решению вопроса о причинах преступности.

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению особенностей социологического направления в России и на Западе в области криминологии, кратко осветим его специфические особенности вообще.

Как известно, «социологи» стремились доказать, что основным источником преступности являются два или три вида факторов:

уголовного права и процесса, т. I. Харьков, 1906, с. 69). И это вполне справедливо, недаром тот же Чубинский называет М. Духовского «представителем классической школы».

1) социально-экономические, куда относится безработица, уровень цены на хлеб, нищета и пр.; 2) физические факторы — время года, климат, температура и 3) индивидуальные — пол, возраст, темперамент и другие психофизические особенности организма преступника. (Иногда социологи ограничивали причины преступности двумя факторами — первым и третьим, что не меняло существа этой теории.) Для обоснования важности каждого фактора в совершении того или иного преступления «социологи» приводили многочисленные статистические показатели, иногда искусно ими обработанные, обычно в форме сопоставления параллельных рядов — преступности и разнообразных «факторов», например безработицы, уровня хлебных цен, времени года и пр. Путем подобного сопоставления устанавливали параллелизм в динамике преступности и динамике какого-либо «фактора», который на этом основании и выдавался за причину преступности. Представителей социологического направления, игнорирующих качественный анализ, совершенно не смущало то обстоятельство, что установленный ими параллелизм отдельного «фактора», например бедности и преступности, вовсе не говорит о причинной зависимости изучаемых явлений, ибо оба они есть порождение противоречий данного общественного строя. Тем самым социологи маскировали своими исследованиями истинную причину преступности — существование капитализма.

В трудах виднейших русских представителей социологического направления в криминологии И. Я. Фойницкого и Е. Н. Тарновского выражены наиболее типичные черты, характерные для работ русских социологов. Знаменательно то, что эти работы появились раньше аналогичных трудов их западноевропейских коллег — Листа, Тарда, Принса, Ван Гамеля и др. Если ранние работы первых вышли в свет в самом начале 70-х годов, то труды вторых — в конце 80-х и 90-х годах прошлого столетия. Особенности ранних работ русских ученых были резкая критика догматических построений «классиков» и требования о включении в науку уголовного права исследования причин преступности.

В начале 1873 г. И. Я. Фойницкий (1847—1913) — один из крупнейших русских криминалистов и процессуалистов, бывший в те годы умеренным либералом, а впоследствии перешедший на откровенно монархические позиции, — выпустил в свет книгу «Влияние времен года на распределение преступлений». Основываясь на большом статистическом материале, автор четко формулирует основные положения социологического направления, он как бы конкретизирует общие соображения по этому вопросу, высказанные М. Духовским. И. Фойницкий, в частности, отмечает, что «классики», рассматривая преступление, старались изолировать его от всех окружающих явлений, усердно старались закрыть глаза на его условия¹¹.

¹¹ См.: Фойницкий И. Влияние времен года на распределение преступлений. — «Судебный журнал», 1873, январь—февраль, с. 22.

Далее он отмечает, что уголовное право должно прежде всего решить вопрос об устранении общих причин преступления, для чего необходимо предварительное изучение их. «Изучение причин преступления берет на себя... уголовная статистика. В указании их она видит свою главную задачу и заслугу»¹².

Таким образом, И. Фойницкий, исходя из криминологических позиций, выступает за теснейшую связь уголовного права и статистики, против чего выступали «классики». Через несколько десятилетий крупнейший немецкий криминалист, глава социологов, Ф. Лист отмечал, что классическая школа поставила себе лишь одну задачу — создание и разработку догматической системы уголовного права. «Мы же к этой задаче присоединили еще другую — исследование причин преступления»¹³.

Однако Ф. Лист, считая необходимым для науки уголовного права изучение причин преступности, избегает включать в эту науку «элементы уголовной социологии». Тем самым он делает, по существу, невозможным изучение причин преступности, т. е. скатывается на позиции «классиков».

А. Н. Трайнин справедливо отмечал, что социологи «покорно следовали» за «классиками», обращая основное внимание на «индивидуалистический анализ понятий и явлений преступности», на изучение «субъекта отдельного деликта (вменяемость, виновность и др.), на формы и стадии совершения отдельных деликтов, их составы и т. д. ...Другими словами, социологи, хотя и говорили о необходимости изучения причин и закономерностей преступности, однако все, что могло бы дать... общую картину преступности — оказывается вне уголовно-правовой системы. Ф. Лист является одним из самых значительных пропагандистов идеи, что преступление — явление социальное, но до того ничтожны методологические завоевания социологической школы, что во всех 22 изданиях его курса нет страницы, посвященной проблемам преступности. Рассмотрению факторов преступности Ф. Лист отдал пять страниц введения, и в них также ни одного факта, ни одной цифры, рисующей причины преступности»¹⁴.

Ф. Лист в ряде работ проводил изучение причин преступности, исходя из теоретических посылок социологической школы уголовного права, признанным идеологом которой был весьма долгое время.

Подобная научная непоследовательность и примиренчество к своим противникам, как к «классикам», так и антропологам, характерны в период империализма для всех социологов. Это объяснялось главным образом тем, что и «классики», и социологи, и антропологи, несмотря на «внутренние разногласия», были едины в главном — защите капитализма от всяких «преступных» по-

¹² Фойницкий И. Указ. соч., с. 23—24.

¹³ Лист Ф. Общественные факторы преступности. — «Журнал министерства юстиции», 1903, № 6, с. 39.

¹⁴ Трайнин А. Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929, с. 28, 29.

смягательств. В ранних работах русских социологов мы видим несравненно больше принципиальности и непримиримости к своим противникам, в частности к «классикам», являвшимся, как правило, представителями официальной науки. Это обуславливалось другими историческими условиями, другой расстановкой классовых сил. В тот период русские социологи, выражая интересы буржуазного либерализма и борясь за «мирный» путь капиталистического развития, требовали от царского правительства ряда реформ. Такая борьба находила свое отражение в общественной и уголовно-правовой науке, официальные представители которой, опираясь на схоластические догмы «классической школы», не желали никаких «новшеств» и в преобладающем большинстве случаев защищали устои крепостнического государства. Русские социологи впервые сформулировали и обосновали богатым статистическим материалом важнейшие, с их точки зрения, причины или «факторы» преступности. В дальнейшем схема этих факторов подвергается в трудах русских и западноевропейских ученых многочисленным исправлениям и комбинациям, но принципы и сущность криминологической схемы, первоначально разработанной И. Фойницким еще в 1873 г., остаются без изменения.

«...Обобщение результатов уголовно-статистических работ дает уже возможность теоретически распределить всевозможные условия преступлений, несмотря на разнообразие их, на три группы: физические, общественные и личные»¹⁵.

И далее И. Фойницкий резюмирует: «Преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных»¹⁶ — в этом и заключается сущность теории факторов преступности, являющейся, как известно, методологической основой социологического направления в буржуазной криминологии. И в самом деле, буквально то же самое мы находим как «последнее слово» уголовно-правовой и криминологической науки у самых различных представителей этого направления на Западе лет через 30—35. Так, например, известный итальянский криминалист Э. Ферри, стоящий на грани социологического и антропологического направлений в уголовном праве, писал в начале XX в.: «Я различаю три категории факторов преступности: антропологические, или индивидуальные, физические и социальные... Деление факторов преступности на антропологические, физические и социальные вполне отвечает требованиям действительности и научного духа»¹⁷.

Но, как мы уже отмечали, что было относительно прогрессивным в 70-х годах прошлого столетия в России, то становится абсолютно реакционным в начале нашего века на Западе. Не надо забывать, что, поскольку капитализм сыграл всюду в развитии

---

¹⁵ Фойницкий И. Указ. соч., с. 24.

¹⁶ Там же, с. 136.

¹⁷ Ферри Э. Уголовная социология. М., 1910, с. 306, 314.

общества прогрессивную роль по сравнению с феодализмом, постольку борьба представителей русского капитализма с многочисленными остатками крепостничества в любых областях политической, экономической и правовой жизни страны была также исторически прогрессивным явлением.

Итак, мы видели, что И. Фойницкий впервые еще в 1873 г. сформулировал основной тезис теории факторов преступности: «Преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных». Этот тезис неоднократно подчеркивал Е. Н. Тарновский. «Преступление ...может быть рассматриваемо как определенное патологическое состояние индивида, развитие которого в значительной мере обусловливается характером окружающей физической и социальной среды»¹⁸. Отмечая большое значение «биологического фактора» преступности, Е. Н. Тарновский считает, что этот фактор зависит от общественных условий.

Обоснованием статистическими данными теории факторов преступности могут служить высказывания И. Фойницкого и Е. Тарновского о влиянии на преступность физических и социальных факторов. Напомним, что криминологические высказывания этих ученых были типичны и для других исследователей преступности, стоящих на позициях теории факторов.

«Доказано ли, что цифра преступлений зависит не только от общественных, но и от чисто физических условий?... доказано ли, что физические условия могут быть парализованы или по крайней мере ослаблены общественными влияниями?»¹⁹.

Для ответа на поставленные вопросы И. Фойницкий предлагает исследовать «календарь преступности», т. е. распределение преступлений по отдельным месяцам или временам года.

«Масштаб, доказывающий, с одной стороны, наличность для преступления физических явлений, а с другой — соотношение их с влияниями общественными, представляют таблицы преступлений по временам года. Осень, зима, весна, лето — это такие реактивы, применением которых к уголовно-статистическим таблицам возможно определить роль температуры в человеческих действиях»²⁰.

Фойницкий берет данные французской уголовной статистики за 34 года (с 1836 по 1869 г.) и подвергает их обработке. Если взять общий итог всех преступлений, то они распределяются по месяцам и временам года почти равномерно: зима — 25,9%, весна — 24,5, лето — 25,1 и осень — 24,5%. Но если взять отдельно преступления против личности и преступления против собственности (имущественные), то картина будет совсем другая. Вот соответствующие данные (в процентах) (табл. 53).

¹⁸ Тарновский Е. Изменение преступности в различных общественных группах. — «Юридический вестник», 1889, май, с. 48.

¹⁹ Фойницкий И. Указ. соч., с. 25.

²⁰ Там же, с. 26.

Эти колебания еще резче наблюдаются при распределении указанных преступлений и особенно их подвидов — краж, преступлений половых и пр. по отдельным месяцам. Так, например, кражи вообще совершаются зимой и осенью в размере 53,41%, в том числе кражи с насилием над личностью — 56,15%; соответственно весной и летом — 46,59 и 43,85%. Отсюда И. Фойницкий считает, что имущественные преступления тяготеют к холодным месяцам, а преступления личные — к месяцам жарким. Любопытны его следующие рассуждения: «Здесь ясны климатические влияния — кражи совершаются под влиянием физических сил природы. Человек пытается первоначально удовлетворить усиленные имущественные потребности, вызываемые холодом, путем наименее преступным, наименее насильственным, но влияние холода растет, растут и имущественные потребности, а удовлетворять их нечем... тогда он... нападает на личность, грабит... При улучшении климатических условий уменьшается и преступность... Преступления этого рода (кражи) подчинены закону холода... Лето — период полного развития всех живых сил природы, наиболее бедный потребностями физического существования и наиболее богатый средствами удовлетворить их — выражает эти свойства общим падением цифры имущественных, корыстных преступлений и поднятием цифры преступлений, стоящих в ближайшей связи со страстями человеческой природы»²¹.

Т а б л и ц а 53

	Зима и осень	Весна и лето
Преступления против личности	45,03	54,97
Преступления против собственности	52,98	47,02

Проанализировав распределение преступности по месяцам и временам года как во Франции, так и в других западноевропейских государствах, И. Фойницкий делает вывод о том, что решимость совершить то или иное преступление, характер мотивов, вызывающий их, способ выбираемого преступником действия и даже «степень исполнимости преступления» подчинены климатическим влияниям года.

Как видим, И. Фойницкий придает огромное значение физическим, или «космическим факторам». Хотя в дальнейшем он говорит о возможности уменьшения силы их действия «силой условий социальных».

По мнению Фойницкого, лишь одно изменение климатических условий есть непосредственная причина увеличения или уменьшения имущественных преступлений (так же, как и преступлений против личности). Следовательно, выходит, что зима сама по себе делает человека вором. Ясно, что подобный абсурдный вывод, вполне устраивающий большинство буржуазных ученых, мог быть

²¹ Фойницкий И. Указ. соч., с. 92, 99, 107.

сделан только в том случае, если скользить по поверхности явлений и не стремиться уяснить «глубинные процессы». Но это именно и характерно для большинства буржуазных ученых. Ведь нельзя же было в самом деле требовать от ученого четких соображений о том, что имущественные преступления определялись ужасающими жизненными условиями преобладающей части населения царской России, условиями, неизбежными и неисправимыми в рамках данного общественного строя. Эти условия становились особо тяжелыми в холодное время года, когда нужда в предметах продовольствия, одежды и топлива давала себя чувствовать с особой силой.

Справедливости ради следует отметить, что в своей поздней работе ²², он указывает на свое увлечение в прошлом «космическими факторами», не играющими, по его мнению, такой большой роли в развитии преступности, какую он им придавал ранее. Но Фойницкий хотя и подчеркивает важность «общественных факторов», но рассматривает их изолированно от структуры дворянско-буржуазного государства. В эти годы он из чисто политических соображений, в явный ущерб своим научным взглядам, придает особое значение «личным» факторам преступности, что сближает его с антропологами. Чрезвычайно показательны для ученого, стоящего на позициях буржуазного либерализма, те проекты по борьбе с преступностью, которые предлагает Фойницкий. Сначала посмотрим, как обосновывали русские «социологи» роль общественных факторов в развитии преступности, куда они относили нищету, уровень цен на хлеб и т. п. Для этого обратимся к работе Е. Тарновского²³.

В ней автор анализирует движение числа краж за 20 лет (с 1874 по 1894 г.), отмечая решающее влияние на это движение колебаний хлебных цен.

Посмотрим, как же доказывает он влияние «социального фактора» — уровня хлебных цен на движение краж.

«Могло существовать предположение, что, по крайней мере, в черноземной полосе России, где едва ли не большинство населения продает хлеб на сторону, высокие цены на хлеб как выгодные этому большинству могут и не вызывать заметного увеличения преступлений. Однако приводимые ниже данные показывают, что и в России, и притом почти во всех ее районах, как и в Западной Европе, годы высоких цен и низких урожаев повышают преступлений против собственности»²⁴.

Этими словами Тарновский, возможно сам того не замечая, показал, что во всех капиталистических странах широкие трудящиеся массы находятся в ужасающих жизненных условиях, обус-

²² Фойницкий И. Факторы преступности. Спб., 1892.

²³ См.: Тарновский Е. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России.— «Журнал министерства юстиции», 1898, № 8.

²⁴ Тарновский Е. Указ. соч., с. 76.

ловленных основным характером, структурой антагонистического общества в целом. В царской России капиталистический гнет усугублялся еще гнетом самодержавия, гнетом национальным и многими пережитками крепостничества. Что же касается отмечаемой Тарновским «выгоды большинству населения» от высоких цен на хлеб, поскольку оно продавало хлеб на сторону, то не надо забывать, что такая продажа проводилась по принципу «недоедим, но вывезем». Следовательно, ужасающие жизненные условия большинства населения страны становились поистине катастрофическими в годы неурожаяев. Одним из показателей колебаний урожаяев и являлись цены на хлеб. Отсюда, естественно, и колеблемость имущественных преступлений. Отметим, что данные о кражах Е. Тарновский берет с 1874 г., когда такие «данные стали собираться по однородной программе», причем они «обнимают 33 губернии, входящие в район 6 судебных округов, открытых в 1874 году и охватывающих 72% населения Европейской России»²⁵.

Надо заметить, что приведенные данные отражали число только тех краж, дела о которых были подсудны общим судебным установлениям, т. е. здесь нет сведений о кражах, подсудных мировым судам и с 1889 г. земским начальникам. Далее, Тарновский делает замечание, важное для сравнимости статистических показателей, отражающих число имущественных преступлений: «И по отношению к общим судебным установлениям в течение исследуемого периода произошло значительное изменение круга подведомственности дел по наиболее часто встречающимся преступлениям — краже. Мы имеем в виду закон 18 мая 1882 г., благодаря которому весьма значительная масса дел о краже со взломом перешла из подведомственности окружных судов к мировым судьям. Ввиду этого мы разделили исследуемый период на две части: до 1882 г. и с 1884 по 1894 г., исключив из сравнения 1882 и 1883 годы как ненормальные по происшедшему в них изменению числа дел и еще более числа осужденных»²⁶.

Заметим, что из числа преступлений против собственности Тарновский берет два главных вида — кражи и насильственное похищение имущества, занимающие около $\frac{9}{10}$ количества дел и осужденных всех имущественных преступлений. Наконец, сведения о ценах на хлеб (рожь) и об урожаях он черпает из официальных статистических справочников, а численность населения, необходимая для установления коэффициентов преступности (на 100 тыс. жителей), взята им по данным Всероссийской переписи населения 1897 г. (табл. 54).

В результате Тарновским была составлена таблица.

Как видим, приведенная таблица построена Тарновским в полном соответствии с принципами теории факторов преступности,

²⁵ Там же.

²⁶ Тарновский Е. Указ. соч., с. 77.

Таблица 54

Соотношение движения числа преступлений против собственности и цен на хлеб*

Годы	Число возникших дел о краже и насильственном похищении имущества		Число осужденных за кражу и насильственное похищение имущества		Цена 1 пуда ржи (до 1884 г. ржаная мука), коп.	Отношение урожая ржи к среднему за 25 лет (1870—1894)
	абсолютное	на 100 тыс. населения	абсолютное	на 100 тыс. населения		
1874	38 969	76	12 788	25	75	105
1875	40 109	77	13 837	27	73	90
1876	41 385	78	13 917	26	76	95
1877	45 828	86	14 237	27	80	103
1878	51 067	95	14 408	27	76	106
1879	49 767	90	14 870	27	86	93
1880	57 902	104	13 913	25	99	87
1881	58 284	103	15 761	28	129	105
Ср. за 1874—1881	47 914	89	14 216	26	87	—
1884	26 668	45	8 676	15	90	108
1885	27 353	46	8 605	15	77	90
1886	26 590	44	9 357	16	74	100
1887	27 051	45	9 825	16	67	114
1888	26 439	43	9 398	15	65	108
1889	26 908	43	9 454	15	70	83
1890	28 998	46	9 076	14	68	97
1891	33 093	52	9 494	15	129	73
1892	33 586	52	10 461	16	89	87
1893	32 267	50	10 567	16	61	104
1894	32 469	50	9 045	14	50	121
Ср. за 1884—1894	29 220	47	9 451	15	76	—

* Тарновский Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России. — «Журнал министерства юстиции», 1898, № 8, с. 80.

стремящейся установить параллелизм между каким-либо «фактором», в данном случае ценой на рожь, и определенным видом преступления — кражей, выдав первое за причину второго.

«В приведенной таблице легко можно видеть, какое влияние на колебание кражи и насильственное похищение имущества имеют, с одной стороны, цены на главный предмет народного потребления — рожь и, с другой стороны, урожаи. В 1874—1881 гг. отношение возникших дел на 100 тыс. жителей колеблется при некоторой тенденции к возрастанию, около средней в годы средних цен и урожаев с 1874 по 1879 г. Исключение составляет 1878 г., когда при низкой цене на хлеб и урожае выше среднего преступность, однако, увеличилась. Здесь имел влияние какой-либо другой фактор, пока нам неизвестный (может быть влияние войны 1877 г.). Но в 1880—1881 гг. при сильно поднявшихся ценах на

хлеб, при неурожайности 1880 г. число возникших дел сразу поднялось почти на 20% выше средней. Затем, в 1882 г., наступил искусственный перерыв в движении преступлений под влиянием закона 18 мая 1882 г., и мы можем продолжать исследование только с 1884 г.»²⁷.

Надо иметь в виду то, что автор основывает свои рассуждения главным образом на исследовании числа возникших дел, правильно считая мерилом преступности именно данный показатель, а не число подсудимых или осужденных, поскольку средняя продолжительность рассмотрения уголовного дела достигала тогда 10 и более месяцев. Число осужденных, по его мнению, «мало чуткий показатель преступности», поскольку осужденные «должны пройти слишком сложные и многочисленные перегородки (за которыми остается значительная масса оправданных и освобожденных от суда) для того, чтобы выразить своим числом действительную преступность населения». Ряд обстоятельств «совершенно искусственного порядка», как, например, амнистия, колеблют показатели осужденных, делают их несравнимыми и непригодными для исследования динамики преступности. Поэтому для изучения годичных колебаний преступности необходимо отдать предпочтение числу возникающих ежегодно уголовных дел.

Все это имеет существенное значение для анализа уголовно-статистических показателей. Установив известное влияние колебаний цен и урожаев на движение имущественных преступлений в первый исследуемый период (1874—1881), Тарновский отмечает, что «во второй, более продолжительный период (11 лет) зависимость преступлений этого рода от хлебных цен сказывается с особой наглядностью. Во все годы низких цен (1885—1890) корыстные преступления стоят ниже средней (47), опускаясь до минимума в 1888 г., отличавшемся минимальной ценой ржи и довольно высоким урожаем... Но вот наступил недоброй памяти 1891 г., когда неурожай охватил весь восток и большую часть центра России. Картина сразу изменилась: преступления поднялись на 10% относительно средней за 1884—1894 гг., продолжая держаться на этом уровне в 1892 г., тоже неурожайном и дорогом, и лишь немного упали в 1893—1894 гг., несмотря на быстрое падение цен и выходящий из ряда вон урожай 1894 г. Это явление — быстрый подъем преступлений в годы экономических бедствий и лишь незначительное падение их в последующие более благоприятные годы — также было замечено западноевропейской статистикой»²⁸.

Затем Тарновский проводит тщательное исследование зависимости движения имущественных преступлений от колебаний хлебных цен и урожаев не только в целом по стране, но и по отдельным губерниям, поскольку, по его справедливому мнению, Рос-

---

²⁷ Тарновский Е. Указ. соч., с. 81.

²⁸ Там же, с. 81—82.

сия настолько обширна, что неурожаи одной местности могут быть уравновешены урожаями в других районах.

После длительного анализа многочисленных губернских данных автор приходит к выводу: всюду без исключения, «где выше колеблемость цены ржи, там больше колеблется преступность и, следовательно, такие колебания и являются в конечном счете важнейшим фактором преступности»²⁹.

Таким образом, крупнейшие русские криминологи, стоявшие на позициях социологического направления, показали влияние отдельных «факторов» на движение преступности, при этом они не внесли ничего нового в методы исследования преступности (расширили и обновили материалы своего наблюдения, следуя схеме, впервые разработанной И. Фойницким).

Установив основные, с их точки зрения, причины или факторы, обуславливающие преступность, социологи намечали ряд мероприятий по борьбе с ней. В этом проявились их буржуазно-либеральные взгляды. Вновь обратимся к цитируемой работе И. Фойницкого. Отметим, что все преступления против личности он относит к преступлениям, управляемым законом жарких месяцев, а преступления против собственности — к преступлениям, управляемым законом холодных месяцев. Довольно наивны его суждения о том, что преступления, управляемые законом жарких месяцев, имеют общую причину «в страстях человеческой природы», сила и направление которых находятся в непосредственной зависимости от солнечных лучей. Отсюда меры против опасности этого рода не могут быть иными, кроме косвенных: опасность заключается «в излишнем богатстве природных сил», устранить которые нельзя.

Любопытно, что, установив большее распространение политических преступлений летом, чем зимой, И. Фойницкий так «поясняет» эту особенность: «Летний период, с одной стороны, наиболее благоприятствует развитию страстей человека, с другой — представляет наиболее удобств для выполнения политических преступлений»³⁰.

Удивительно, что такой крупный юрист, как И. Фойницкий, дает столь наивное объяснение причин политических преступлений. Конечно, немалую роль здесь сыграло нежелание буржуазного ученого углубляться в рассмотрение столь «деликатного» вопроса. Говоря об имущественных преступлениях, управляемых законом холодных месяцев, он отмечает, что они вызываются не богатством сил природы, а их крайней бедностью, следовательно, борьба против них должна быть направлена не на «прикрытие себя от избытка, а к восполнению недостающего. Вследствие этих особенностей борьба с преступлениями, управляемыми законом холодных месяцев, должна быть труднее, результаты ее безнадеежнее, чем в борьбе с влиянием жарких месяцев...»³¹.

²⁹ Тарновский Е. Указ. соч., с. 102.

³⁰ Фойницкий И. Указ. соч., с. 85.

³¹ Там же, с. 130.

Приведенная цитата весьма показательна для буржуазного ученого. На его взгляд, основная причина имущественных (как и других) преступлений лежит не в самом социальном строе, порождающем антагонистические общественные отношения, неминуемо обрекающие широкие трудящиеся массы на безработицу и нищету, и в «крайней бедности сил природы».

Как все это типично для буржуазной науки, стремящейся снять всякую ответственность с капитализма за порождаемые им «язвы» и взвалить ее на природу! Вспомним теорию Мальтуса, теорию убывающего плодородия почвы, ломброзианство и т. п. Как и следовало ожидать от буржуазного ученого, И. Фойницкий, вырабатывая меры борьбы с преступностью, стремится «доказать» читателю, что эти меры ни в коем случае не должны затрагивать «коренной переделки имущественных отношений». С помощью отдельных реформ вполне возможно, с его точки зрения, в рамках данного строя бороться с преступностью.

Здесь Фойницкий направляет свою критику против революционеров-демократов, справедливо считавших, что только революционным путем, путем «коренной переделки имущественных отношений» можно избавиться от преступности.

Как здесь не вспомнить ленинские слова о том, что либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией³².

Говоря о том, что борьба с преступлениями, управляемыми законом холодных месяцев и порождаемыми «крайней бедностью сил природы», значительно труднее, чем борьба с влиянием жарких месяцев, И. Фойницкий пишет, что здесь на первый взгляд некоторым приходят в голову весьма радикальные и ложные мысли. Эти мысли сводятся к тому, что поскольку борьба с имущественными преступлениями при существующем порядке очень трудна, то обществу оказалось бы необходимым начать с коренной переделки имущественных отношений граждан. Он предостерегает от подобных «опасных» мыслей, подчеркивая, что «статистические указания» Великобритании и особенно Франции в их историческом движении в последней стране не подтверждают этого предположения.³³

Здесь он, очевидно, намекает на подавление французской буржуазией революционных выступлений пролетариата и, в частности, Парижской коммуны. «Значение холодного времени сознает всякий и создает, что прожить зиму без заблаговременного запаса невозможно. И вот сознание опасности холодного времени порождает общую заботу о предупреждении ее рядом мер, цель ко-

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 280—281.

³³ Фойницкий И. Указ. соч., с. 131.

торых, в конце концов, сводится к возможности уравниения холодного и жаркого периодов относительно средств существования. Эта забота идет в колоссальных размерах. Мы вправе ждать от нее не менее колоссальных результатов»³⁴.

Непонятно, о какой «общей заботе», да еще «идушей в колоссальных размерах», говорит И. Фойницкий. Далее он выдвигает ряд чисто буржуазных требований, направленных против многочисленных остатков крепостничества и являющихся по сути дела теоретическим обоснованием свободы эксплуатации. Все эти требования он выдвигает в качестве «радикальных мер» против преступности, ибо такие меры якобы значительно улучшат материальные условия «рабочего люда».

«Необходима свобода торговли для уравниения цен и свобода труда, которые избавили бы рабочий люд от влияния холодных месяцев. Надо вытеснить первобытные формы производства — бурлачество, земледельческие работы с помощью сохи — и заменить это искусственной паровой силой. Тогда будет обеспечена борьба с климатическими влияниями времен года»³⁵.

Конечно, дело здесь идет не о борьбе с «климатическими влияниями», а о борьбе с крепостническими формами осуществления производства, торговли и сельского хозяйства. И. Фойницкий ратует за «свободный, фабричный труд», который он явно идеализирует, не видя или не желая видеть эксплуатации рабочих. В частности, отмечая необходимость борьбы «с климатическими влияниями времен года», которые и являются, по его мнению, основными факторами преступности, Фойницкий пишет, что для фабричных рабочих некоторое увеличение потребностей в зимнее время можно сгладить введением более прогрессивной «внутренней организации фабричного труда».

И. Фойницкий приходит к выводу о том, что «физические факторы», порождающие преступность, могут и должны быть парализованы рядом мер общественного характера, сводящихся к максимальному развязыванию капиталистических отношений. Последние он считает отношениями «цивилизации», которые наряду с расцветом экономики и культуры приведут к огромному улучшению материальных условий жизни народа и, в частности, к резкому снижению преступности. Мы знаем, что утвердившееся капиталистическое общество стало ареной пороков и преступлений господствующего класса. «Царство разума», о котором кричали идеологи идущей к власти буржуазии, особенно французские философы XVIII в., воплотилось в таких экономических и политических институтах, которые оказались, как отметил Ф. Энгельс, злой карикатурой на блестящие обещания этих философов. Стоящий на позициях буржуазного либерализма И. Фойницкий, исходя из целей борьбы с преступностью, также призывал всячески способ-

³⁴ Фойницкий И. Указ. соч., с. 131.

³⁵ Там же, с. 134—135.

ствовать развитию капитализма в России, что в тот период (70-е годы) имело относительно прогрессивное значение.

«В результате нашего исследования получается картина в высшей степени грандиозная и поучительная. Она разворачивает перед нами колоссальную своими размерами, дивную своими исходами борьбу совершенствующихся общества и личности с теми условиями, которые задерживают последовательный ход цивилизации» (капитализма. — С. О.)³⁶.

Комментарии, как говорится, излишни.

Рассматривая характерные черты исследований преступности, проводимые русскими социологами в период промышленного капитализма, следует подчеркнуть, что к концу этого периода замечается, как мы уже говорили, их явное поправление.

Напуганные широким размахом революционного движения, выходом на политическую арену пролетариата, большинство социологов как представителей либеральной буржуазии переходят постепенно, особенно после 1905 г., когда в России господствовал империализм, на сторону открытой реакции, активно поддерживая царизм. Зачастую свою реакционную сущность они маскируют громкими либеральными фразами. Уже к концу исследуемого нами периода меры борьбы с преступностью, предлагаемые «социологами», приобретают самый общий характер. Требования к правительству, даже с буржуазно-либеральной точки зрения 60—70-х годов, становятся все более и более умеренными. В этом отношении безусловно показательна цитируемая нами работа Тарновского «Влияние хлебных цен на кражи», вышедшая в свет на 25 лет позже работы И. Фойницкого (1898). Установив, как мы подробно указывали выше, такое влияние, Е. Тарновский отмечает, что огромное большинство русского населения, так же как и население Западной Европы, нуждается в низких ценах на хлеб и в хороших урожаях не только с экономической, но и «с общественно-нравственной стороны». Эту по сути дела тривиальную мысль Тарновский в дальнейшем неоднократно повторяет, считая ее оригинальным выводом своего исследования. Что же нужно сделать, по его мнению, для борьбы с преступностью?

«Борьба с экономической нуждой главной массы населения, — пишет он, — в особенности в периоды обостренных ее кризисов, является в то же время одной из необходимых мер и борьбы с преступностью. Мало пользы в этом отношении принесло бы, например, усиление репрессии и улучшение розыска и предварительного следствия, если бы в то же время экономические условия страны, вследствие периодически повторяющихся сельскохозяйственных кризисов, вызывали постоянно увеличивающееся число нападений на чужую собственность»³⁷.

---

³⁶ Фойницкий И. Указ. соч., с. 141.

³⁷ Тарновский Е. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России, с. 104.

Все это, пожалуй, справедливо (о влиянии репрессий на преступность), за исключением указания на то, что повторяющиеся сельскохозяйственные кризисы постоянно увеличивают имущественные преступления. Здесь опять пороки общественного строя сваливаются на природу, поскольку смена урожайных и неурожайных лет всецело в то время зависела от природных условий. Что же, однако, предлагает Е. Тарновский? Ничего конкретного, кроме общих громких фраз, вроде следующей: «Неусыпная забота о поддержании (уже если не о подъеме) экономического благосостояния народных масс на определенном уровне, предотвращение всеми возможными мерами (какими? — С. О.) наступления продовольственных кризисов, наряду, конечно, с другими мерами, являются одним из лучших способов задержать рост преступности, по крайней мере преступлений против собственности, составляющих самый многочисленный вид уголовных правонарушений... Это дело совместной работы как частных лиц, всего населения вообще, так и правительства... Необходимо ясное сознание между экономической и нравственной жизнью населения, сознание того, что, помогая экономическим нуждам населения, мы в то же время предохраняем его от нравственного упадка и разложения»³⁸.

В дальнейшем Е. Тарновский, как бы испугавшись столь сильного «упора» на «экономические факторы» преступности, что могло привести некоторых читателей к весьма «радикальным» и нежелательным для буржуа-либерала выводам, пишет: «Но, конечно, не одна материальная нужда является главной причиной развития преступности вообще... другая основная причина преступности... пьянство, соединенное с невежеством народа, и отсутствие в его среде более или менее культурных развлечений во время отдыха... Есть среди преступников люди органически не способные к труду, кандидаты в тюрьму и при сравнительно благоприятных экономических условиях»³⁹.

Подобные объяснения причин преступности, как и проекты по борьбе с ней, предлагаемые в конце 90-х годов прошлого столетия, были, безусловно, реакционны.

Не следует забывать, что в эти годы марксизм в России получил уже довольно широкое распространение. Вышел в свет ряд произведений В. И. Ленина, а материалистическое понимание истории давало ключ к объяснению самых различных общественных явлений, в том числе и преступности. Таким образом, работы социологов конца XIX — начала XX в. были уже лишены даже той относительной прогрессивности, о которой мы говорили, рассматривая работы их коллег-семидесятников. Так, Е. Тарновский в рассматриваемом нами исследовании с пафосом писал: «Только приняв все возможные меры к тому, чтобы обеспечить нуждаю-

³⁸ Тарновский Е. Указ. соч., с. 104.

³⁹ Там же, с. 106.

щемуся честному рабочему возможность заработать себе кусок хлеба правильным трудом, общество или государство может со спокойной совестью отправлять дело правосудия и подвергать наказанию преступников в уверенности, что среди них нет людей, которые были бы приведены к преступлению безвыходной нуждой и отсутствием какой бы то ни было помощи»⁴⁰.

Тарновский не понимает или не хочет понять, что в обществе, среди которого он живет, не может не быть «безвыходной нужды» у большинства населения, что это общество не может в силу своей сущности обеспечить каждому «нуждающемуся честному рабочему возможность заработать себе кусок хлеба» и что, не перестроив это общество революционным путем, нельзя избавиться от преступности. Конечно, Тарновский далек от подобных «крамольных» выводов, однако он еще был не прочь в рассматриваемый нами период воздействовать на читателя либеральными фразами о необходимости «позаботиться обществу и государству о честных тружениках», дабы удержать их от «бездны преступлений».

К числу авторов, стоящих на позициях теории факторов преступности, следует отнести крупнейшего русского статистика А. И. Чупрова, не раз выступавшего в печати с анализом материалов уголовной статистики, а также много других, ныне давно забытых, юристов, статистиков и социологов, как например, В. Есипов, Н. Грегорович, В. Срезневский, А. Тимофеев, М. Чубинский, А. Жижиленко и др.

Наибольшее количество работ по вопросам преступности, сыгравшие видную роль в развитии криминологической мысли, было написано Е. Н. Тарновским. Все его труды основывались на теории факторов преступности, причем являлись также обширным и точным источником, из которого можно черпать необходимые сведения о движении преступности в России в период промышленного капитализма и империализма. В. И. Ленин в статье⁴¹ «Роль сословий и классов в освободительном движении» все свои выводы о демократизации освободительного движения в России в XIX и начале XX в. основывал на анализе уголовно-статистических данных, обработанных и опубликованных Е. Тарновским. Крупнейшим представителем и в некотором роде основоположником социологического направления в уголовном праве и криминологии не только в России, но и на Западе был И. Фойницкий. По вопросам теории факторов преступности им написано сравнительно немного работ: «Влияние времен года на распределение преступности» (1873), «Факторы преступности» (1893) и «Женщина-преступница» (1893). В своих трудах по уголовному праву и процессу И. Фойницкий, наряду с исследованием специальных проблем этих наук, неоднократно касался чисто криминологических

⁴⁰ Тарновский Е. Указ. соч., с. 106—107.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 397.

вопросов, которые трактовал, исходя из установок социологической школы. Мы это видим в «Учении о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889), в «Курсе уголовного права. Особенная часть» (1890), «Курсе уголовного судопроизводства» (два тома, 1884—1898) и др. К началу XX в. либерализм Фойницкого улетучивается и он становится явным монархистом, выступая против всеобщего избирательного права, введения в России представительного строя и более широких гарантий прав личности. Вполне понятно, что его политические взгляды не могли не иметь влияния на научные воззрения. И действительно, если в 70-х годах, исходя из позиций буржуазного либерализма, он считал необходимым проведение ряда реформ, облегчающих, на его взгляд, экономическое положение народа и тем самым снижающих преступность, если тогда он придавал большое значение «общественным факторам преступности», которые могут и должны подчинить себе влияние «факторов физических», то к концу XIX в. Фойницкий все более и более делает упор на «индивидуальные факторы», на «неисправимость» значительного числа преступников. Здесь он находит общий язык с антропологами.

В работах Фойницкого, как и других социологов, уже к концу XIX в. становятся все более и более заметными черты известной научной непоследовательности, готовность по политическим соображениям идти на компромисс со своими научными противниками. Эти черты, как мы отмечали выше, являются типичными для преобладающего большинства буржуазных ученых, в том числе и социологов в период империализма. Приведем характерный пример. В своей работе «Факторы преступности», вышедшей в свет в 1893 г., т. е. через двадцать лет после рассмотренного нами труда «Влияние времен года на распределение преступлений», Фойницкий вначале вновь защищает основное положение социологов об обусловленности преступности главным образом «социальными факторами».

«Безусловно, — пишет он, — общественное влияние на преступную деятельность; социальные условия имеют очень большое значение для развития преступности»⁴².

В дальнейшем Фойницкий, не желая по вполне понятным соображениям углубляться в рассмотрение общественных причин преступности, делает упор на «космические» и особенно «индивидуальные» факторы, подчеркивая, что при одинаковом имущественном благосостоянии преступность различна и даже, наоборот, зачастую совершают преступления обеспеченные и образованные люди. Фойницкий указывает на особую важность при выяснении причин преступности психических факторов, обуславливающих индивидуальное самоопределение личности».

Для характеристики значения каждого фактора в совершении преступлений и особенно для убеждения читателей в особой важ-

⁴² Фойницкий И. Факторы преступности. — «Северный вестник», 1893, № 11, с. 77.

ности «личного фактора» И. Фойницкий приводит следующий «яркий» пример: «Земледелец бросает зерно в землю, вспахав и удобрив ее; солнце дает зерну теплоту и свет, дождь — влагу, почва — другие предметы питания. Восходит жатва. Она, конечно, обязана влиянию условий космических — солнца, дождя, почвы и общественных — труда человека. Но всего более, — подчеркивает И. Фойницкий, — она обязана зерну; и жатва будет такова, каково зерно: смотря по нему мы получим или пшеницу, или рожь, или сорную траву»⁴³.

Недопустимо смешивая природные условия с общественными и совершенно неправомерно перенося особенности и «естественные законы» первых на вторые (что так характерно для многих буржуазных ученых), И. Фойницкий делает «решающий» вывод из своего «агрономического» примера: «Вот это зерно — в человеческой деятельности вообще и в преступности в частности, теориями космическими и общественными совсем забывается. А это для криминалиста важнее всего»⁴⁴.

Как видим, И. Фойницкий делает явный поклон в сторону антропологов, что прямо подтверждается его следующими словами: «В этом отношении большая заслуга антропологов, обративших все внимание на личность»⁴⁵.

Далее И. Фойницкий при выяснении причин преступности совершенно отбрасывает ранее защищаемые им «общественные факторы» и все внимание сосредоточивает на «личности правонарушителя», которая якобы в силу своих психофизических особенностей почти независимо от социальных условий способна на преступления. Отсюда один шаг до так называемой теории «опасного состояния», выдвинутой западноевропейскими социологами и позволяющей применять к лицам, находящимся «в опасном для общества состоянии», самые жестокие превентивные меры «общественной безопасности». Очевидно, обер-прокурор правительствующего сената берет у Фойницкого верх над ученым, когда он, забыв им же только что отмечаемое «безусловное общественное влияние на преступную деятельность», пишет: «Опыт показывает, что огромная часть преступного мира складывается из людей двух категорий: одни впадают в преступление вследствие преобладания у них противообщественных наклонностей и идей, что происходит от извращенного воспитания и перевеса импульсивной силы над задерживающей; другие от недостаточного развития способностей к отпору посторонним вредным влияниям, что происходит вследствие пассивности и дряблости характера»⁴⁶.

Под этими словами подписался бы, пожалуй, любой антрополог, против которых неоднократно выступал ученый-криминалист И. Фойницкий.

⁴³ Фойницкий И. Указ. соч., с. 80.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 81.

⁴⁶ Там же, с. 92.

Надо иметь в виду, что Фойницкий неоднократно выступал с докладами на международных конгрессах криминалистов, а его сочинения были переведены на иностранные языки. Вполне допустимо, что его криминологические взгляды имели несомненное влияние на работы западноевропейских социологов. Во всяком случае, он задолго до них разработал основные положения социологического направления в уголовном праве и криминологии, и в частности теорию факторов преступности.

«Более 15 лет тому назад, — писал Фойницкий в 1889 г., — во вступительной лекции, прочитанной в Петербургском университете... я высказал взгляд на уголовное право как на науку о личном состоянии преступности в его выражениях — преступных деяниях, в его условиях — космических, общественных и индивидуальных и в его последствиях — наказаниях. Как известно, — подчеркивает он, — несколько позднее однородные мысли легли в основу новейших и весьма важных направлений в области философской разработки уголовно-юридических явлений».

Антропологическое направление в уголовном праве и криминологии

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Биологическое, или антропологическое, направление уголовного права и криминологии в России существенно отличалось от западноевропейского. Прежде всего напомним специфические черты антропологического направления вообще. Как известно, основной причиной его появления на Западе явилось стремление завуалировать истинные причины непрерывно растущей преступности и «доказать», что капитализм в ней абсолютно не виновен, а преступники — особая «порода» биологически неполноценных людей, которых нужно беспощадно карать. Глава этого направления итальянский врач Ч. Ломброзо утверждал, что причина преступности лежит не в социальных условиях, а в самом преступнике, в его биологических и расовых особенностях, и что среди человечества всегда имеется некоторое число людей, которые от рождения предназначены быть преступниками. Реакционный характер подобных утверждений ясен, так как давал возможность буржуазному государству «научно обосновывать» беспощадную, внесудебную расправу с любыми опасными для него людьми, объявляя их врожденными преступниками.

«Мы должны отказаться от современных сентиментальных отношений к преступнику, которыми заражены все наши криминалисты. Высшая раса всегда утесняет и истребляет низшую — таков закон развития человечества. Где дело идет о спасении высшей расы, там не может быть места жалости»¹.

Надо отметить, что все антропологи были по своим политическим взглядам явными реакционерами и вполне естественно, что именно они сформулировали требования реакции в области организации репрессии. Напомним, что, в отличие от «классиков», антропологи рассматривали преступление не как юридическое, а как биологическое явление, что приводило их к отказу от принципа соответствия между тяжестью преступления и тяжестью наказания. Отсюда беспощадная превентивная борьба с преступниками независимо от их вины, а лишь в силу «биологической неполноценности», отсюда — отказ от суда присяжных, от принципов гласности и состязательности в уголовном процессе и пред-

¹ Сергневский Н. Антропологические направления в исследованиях о преступлении и наказании. — «Юридический вестник», 1882, № 2, с. 213.

ложение замены суда административно-медицинскими комиссиями, определяющими биологические признаки преступника и избирающими наиболее целесообразную меру «общественной безопасности».

Для доказательства существования врожденных преступников Ломброзо и его последователи (Гарофалло, Ферри и др.) выдвинули грубо сфабрикованную систему физических и психических признаков («стигматов»), будто бы присущих только преступникам и отсутствующих у «честных» людей. Ломброзо и его сторонники разработали с мельчайшими деталями десятки признаков, характеризующих убийц, грабителей, воров, насильников и т. п. Все это якобы совершенно объективно доказывало правоту «учения» Ломброзо о прямой взаимозависимости психофизических свойств человека и преступности.

Большое внимание в своих «трудах» Ломброзо уделял «доказательству» существования особых преступных «рас», за что впоследствии ухватились германские и американские фашисты, как за «научную» базу для уголовно-правовой дискриминации целых народов (негров, славян, евреев, цыган).

Так, в работе «Преступление», являющейся сокращенным переводом «Преступного человека», Ломброзо писал: «Число обнаруженных убийств на 1 млн. жителей: Пьемонт — 47, Ломбардия — 22, Кампания — 217, Калабрия — 267, Сицилия — 205, Сардиния — 127. Отсюда ясно, что очевидный перевес преступности наблюдается среди населения семитической расы (Сицилия, Сардиния, Калабрия) сравнительно с расами германской и кельтической (Ломбардия, Пьемонт)»².

Напомним, что общественно-экономические условия конца XIX в. еще не давали широкой возможности для полного признания буржуазной правовой наукой и практикой предложений антропологов. Их время пришло несколько позже, когда противоречия монополистического капитализма достигли своей остроты, и самые реакционные идеи получили вполне благоприятные условия для широкого осуществления на практике.

Заметим, что задолго до появления работ Ломброзо некоторые врачи, не обращая внимания на социальные условия, утверждали, что в целом ряде случаев причина преступности лежит в самой психофизической организации преступников, которые представляют собой болезненное отклонение от нормальных людей. Такие двуногие хищники, как правило, неисправимы и, хотя они и не виноваты в своих биологических особенностях, их надо изолировать или даже уничтожать в целях защиты общества. Известен афоризм римского врача Галена, жившего во II в. нашей эры: «Преступников нужно уничтожать не потому, что они злы — они не виноваты, что такова их натура, а потому, что они вредны».

---

² Ломброзо Ч. Преступление. Спб., 1900, с. 21.

Школа так называемых френологов с врачами Галеном и Лафатером во главе в конце XVIII в. провозгласила, что преступность зависит от особенностей организма человека и находится в тесной связи с устройством его черепа. В дальнейшем была доказана полная несостоятельность френологии, утверждавшей, что существует связь между психическими свойствами человека и строением поверхности его черепа.

Необходимо подчеркнуть прямую связь ломброзианства с расизмом — антинаучной реакционной идеологией, имеющей своей целью оправдать неравенство общественных классов и национальностей, ссылаясь на законы биологии и физические особенности отдельных человеческих рас. По существу, ломброзианство представляет собой объяснение происхождения преступности на основе расизма. Как известно, идеи расизма, «научно разработанные и обоснованные» Гобино, Ляпужем, Галтоном, Пирсоном и др., брались на вооружение самыми реакционными кругами господствующего класса в их кровавой борьбе с многочисленными «внутренними и внешними» врагами.

§ 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ВИДНЕЙШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В чем же заключались особенности антропологического направления уголовного права и криминологии в России в рассматриваемый нами период? Отметим, что хотя реакционные идеи антропологического направления и нашли некоторых последователей среди русских юристов и особенно врачей (Дриль, Неклюдов, Лихачев, Чиж, Тарновская, Баженов и др.), однако это направление в России имело свои существенные отличия от Западной Европы. По сути дела, мы не находим среди юристов в России (за исключением Лихачева) представителей антропологического направления «в чистом виде», признающих лишь один биологический фактор преступности или придающих ему доминирующее значение и требующих главным образом жестоких карательных мер по отношению к преступникам. Нам думается, что в нашей юридической литературе совершенно необоснованно относят к антропологам Дриля, что мы и попытаемся в дальнейшем доказать. Следует подчеркнуть, что независимо от желания самих авторов антропологическое направление в России, так же как и на Западе, находило с первых дней своего возникновения самый радужный прием у крайних реакционеров. Это вполне понятно. Поэтому если социологическое направление в криминологии и уголовном праве в России имело в первый период своего появления относи-

тельно прогрессивное значение, то антропологическое направление было всегда сугубо реакционно.

Для выяснения характерных особенностей антропологического направления в России необходимо исследовать основные работы его выдающихся представителей, где эти особенности отражены рельефно и являются типичными для других работ подобного рода. Поскольку все антропологи были или юристами, или врачами, постольку мы и рассмотрим наиболее показательные работы как тех, так и других. К числу первых следует отнести Н. А. Неклюдова, Д. А. Дриля и А. П. Лихачева, а к числу вторых — П. Н. Тарновскую и В. Ф. Чижа.

§ 3. АНТРОПОЛОГ— ЮРИСТ Н. А. НЕКЛЮДОВ

Хронологически Неклюдова можно назвать предшественником антропологического направления в криминологии, так как еще за 11 лет до выхода в свет книги Ломброзо «Преступный человек» с большой силой подчеркнул доминирующее влияние на преступность «индивидуальных факторов». Однако, в противоположность Ч. Ломброзо, он не считал, что преступники отличаются какими-то особыми, только им присущими психофизическими чертами, а утверждал, что основной «космополитической» причиной преступности является возраст. Никаких суждений о несправимости преступников он не высказывал, а в средствах борьбы с ними расходился с главой антропологической школы. В дальнейшем, когда из умеренного либерала Н. Неклюдов, напуганный размахом освободительного движения, становится крайним реакционером, его научные взгляды также приобретают все более и более реакционный характер, особенно в области борьбы с преступностью.

Н. А. Неклюдов (1840—1896) — профессор уголовного права Петербургской военно-юридической академии, вначале был «горячим приверженцем нового суда и либеральных идей эпохи реформ. Но когда стали брать верх реакционные течения, он резко переменял направление и в 1884 г. по наущившему тогда делу Мельницких яростно выступал против суда присяжных и адвокатуры, возмущая «скандальными» оправдательными приговорами присяжных и требуя суровых мер против защиты, в своих речах попирающей «законы морали и общественного строя»³.

Вполне понятно, что, придерживаясь подобных политических взглядов, Н. Неклюдов как ученый предвосхищает некоторые из главных положений «уголовно-антропологической школы»⁴.

³ Энциклопедический словарь «Гранат», т. 30, с. 111—112.

⁴ Неклюдов Н. А. Уголовно-статистические этюды. Спб., 1866; Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. и Эфрона И., т. 40. Спб., 1897, с. 856.

Однако в чем именно выражалось такое «предвосхищение» и что конкретно он «предвещал», об этом не сказано ни слова. Остановимся на данном вопросе более подробно. Наибольший интерес для нас представляет его работа «Уголовно-статистические этюды». Эта книга была представлена для получения степени магистра уголовного права, она имела характерный подзаголовок, являющийся как бы лейтмотивом всего сочинения: «Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению».

Отметим, что «исследование» вызвало широкий отклик в самых различных общественных кругах того времени. Сначала Неклюдов критикует «умозрительные» построения классической школы, а также «фатализм цифр» А. Кетле, ставит важнейший вопрос криминологии — об основной причине преступности. Основываясь на обширном статистическом материале зарубежных стран (Франции, Англии, Бельгии и др.) о возрасте преступников, как в целом по всем уголовным нарушениям, так и по отдельным преступлениям, он приходит к выводу, что, поскольку во всех государствах распределение преступников по возрасту почти одинаково, постольку «возраст есть условие постоянное, от которого прямо зависит то или другое количество преступников». Полностью отвлекаясь от социально-экономических условий, Н. Неклюдов придает исключительное значение возрасту, который с его точки зрения предопределяет: «...развитие или ослабление... сил физических, развитие или ослабление сил умственных и особое положение лица как члена общества»⁵.

Получается явная нелепость — возраст сам по себе превращает человека в преступника и создает человеку особое положение в обществе независимо от того, кто этот человек — помещик-дворянин, крестьянин-бедняк или купец-фабрикант. Критикуя А. Кетле, Н. Неклюдов, сам не замечая, попадает в плен «теории среднего человека» того же А. Кетле, который, игнорируя классовые различия, считал вполне допустимым для вычисления такой «средней» складывать вместе буржуа и пролетария. Едва ли можно допустить, что в 60-х годах прошлого века, когда Н. Неклюдов, будучи умеренным либералом, писал свое сочинение, он умышленно скрывал за основной, на его взгляд, причиной преступности — возрастом — резкие имущественные и сословные различия преступников. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что в это же время вышли в свет работы П. Ткачева и М. Филиппова, сумевшие при объяснении причин преступности подойти наиболее близко к марксистско-ленинскому пониманию этого вопроса. Едва ли Н. Неклюдов не читал этих работ, авторы которых, примыкая к революционно-демократическому на-

---

⁵ Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 50.

правлению, являлись его политическими противниками⁶. Классовое чутье крайне умеренного буржуа-либерала, в дальнейшем ярого реакционера, ограниченность мировоззрения буржуазного ученого подсказали ему «опасность» останавливаться на имущественном и правовом положении преступников или, если оно слишком было в глаза, говорить об этом вскользь, считая, что соответствующий возраст при правильном направлении «умственных и физических сил» дает всегда «человеку» возможность занять «приличное положение в обществе». Поэтому он и приходит к «решающему» выводу о том, что «возраст есть общая, постоянная, космополитическая причина или условие преступности, и его законам подчинено количество преступлений различных стран»⁷.

Подтверждая свой вывод обширным статистическим материалом, Н. Неклюдов пишет: «Ежели мы видим, что везде и повсюду возраст, например от 21—40 лет, заключает в себе наибольшее, а возраст от 60—100 — наименьшее количество преступников, то мы заключаем, что возраст есть условие постоянное, т. е. что то или другое количество преступников находится в прямой зависимости от того или другого возраста вообще».

Удивительно то, что он не только игнорирует социально-экономическую природу преступлений, что в первую очередь объясняется соображениями чисто политического порядка, но совершенно не учитывает политических, юридических, хозяйственных и культурных различий отдельных государств. Возраст — вот основная, на его взгляд, причина преступности, действующая с одинаковой силой на всех людей независимо от того, в каком государстве они живут и к какому классу населения принадлежат.

«Чтобы не утомлять лишними таблицами... я ограничусь только одной Францией, на что выведенный мной закон одинаковости относительного влияния различных возрастов на количество преступников, несмотря на различие государств, дает мне полное право»⁸.

Отсюда, встав на позиции Н. Неклюдова, приходится констатировать, что корни преступности лежат не в самой структуре антагонистического общества, а в индивидуальных свойствах преступника, конкретно в его возрасте, который сам по себе, независимо от социальных и экономических условий, является основной причиной преступности. Следовательно, преступность есть вечная, естественная и неустраняемая категория, в которой данный общественный строй не повинен. Нетрудно увидеть, что подобные выводы, вытекающие из существа работы Неклюдова, дела-

⁶ Любопытно, что вышедшая в свет всего лишь на два года раньше труда Неклюдова работа Ткачева (1863) почти совпадала по заглавию с этим трудом. Ткачев озаглавил свою работу — «Статистические этюды. Опыт разработки русской уголовной статистики», а Неклюдов — «Уголовно-статистические этюды».

⁷ Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 50.

⁸ Там же, с. 52.

ют его предшественником антропологического направления в уголовном праве и криминологии. Надо подчеркнуть, что Неклюдов не был последователен в своих утверждениях и нередко противоречил сам себе, говоря, например, о возможности влияния на преступность «уголовной политики государства, действующей на внешние условия преступлений»⁹. Но об этом после, а сейчас посмотрим, как Неклюдов трактовал возраст в качестве основной причины не только преступности вообще, но и отдельных конкретных видов преступлений в частности. В подтверждение этих положений он приводит данные французской уголовной статистики за 1852—1860 гг., на

основе которых вычисляет возрастные коэффициенты преступности, т. е. отношение осужденных на 100 тыс. жителей соответствующего возраста по отдельным видам преступлений. Для ясности приведем выборку из его таблицы (табл. 55).

Комментируя приведенную таблицу, Н. Неклюдов делает вывод, что во французе развивается ранее всего склонность к преступлениям против собственности, затем «к преступлениям против плоти», потом к преступлениям против личности, позднее к преступлениям политическим.

Далее даются такие пояснения в отношении каждого возраста.

«Человек до 16 лет, бессильный для труда, поддерживает свою жизнь кражей... возраст от 21—25 лет есть период кипучей жизни... силы организма находятся в сильном брожении — отсюда преступления против личности... Возраст от 25—30 лет есть возраст не только жизни чувств, но и жизни рассудка, лицо входит в общественную жизнь... как существо мыслящее... А преступления политические, как известно, требуют не только энергии, но и умственного развития и знания общественного быта...»¹⁰.

Приходится удивляться такому объяснению причин отдельных категорий преступлений во Франции. Н. Неклюдов совершенно не касается экономического положения широких трудящихся масс

Таблица 55

Количество в каждом возрасте преступников различного рода на 100 000 жителей своего возраста*

Возраст	Преступления		
	политические	против личности	против собственности
До 16 лет	0	0,05	0,5
16—21	0,07	4,2	18
21—25	0,17	5	17
25—30	0,28	8	19
30—35	0,27	6	16
35—40	0,19	4,7	13
40—45	0,23	4,2	11
45—50	0,13	3	9
50—55	0,06	1,8	7
55—60	0,07	2	5
60—65	0,08	1,7	2,7
65—70	0,03	1,1	2,4
70—80	0,09	0,5	1
80—100	0	0,2	0,2

* Неклюдов Н. А. Уголовно-статистические этюды. СПб., 1885, с. 87.

⁹ Там же.

¹⁰ Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 90, 92.

во Франции, бездарной политики Наполеона III и других подобных вопросов. Весь упор делается только на возраст. Не приводя других многочисленных таблиц и их толкования все в том же аспекте: «Грабеж, например, свойствен молодым возрастам, ибо требует большой физической силы», а «взятки преобладают в пожилом возрасте, так как обусловлены служебной и при том зрелой деятельностью», посмотрим, что же предлагает Неклюдов для борьбы с преступностью. Здесь он впадает в противоречие с самим собой, так как вдруг заявляет, что преступность зависит не от организма преступника, а от внешних условий. Но ведь Н. Неклюдов все время старался доказать, что именно возраст, присущий тому или иному организму, определяет общественное положение человека, т. е. его внешние условия. Очевидно, считая неудобным из религиозных соображений безапелляционно утверждать, что человеческий организм, созданный «по образу и подобию божию», является основной причиной преступности, он идет на компромисс со своими собственными утверждениями.

«...Наклонность к преступлению присуща не самому организму, созданному, как говорит писание, по образу и подобию божию, а внешним условиям...»¹¹.

Далее, желая обосновать «полезность для общества» уголовной политики буржуазного государства и наметить ее основные задачи, Н. Неклюдов заявляет: «Как бы там ни было, но для нас важен только тот факт, что уголовная политика государства имеет возможность влиять на изменение характера проявления той или другой силы, а следовательно, и на изменение дурного направления этих сил... Уголовная политика имеет, следовательно, своей целью действовать на внешние условия преступлений, видоизменяя их характер... Одним из таких средств в руках государства представляется наказание...»¹².

Будучи в 60-х годах умеренным либералом, Н. Неклюдов в противоположность западноевропейским антропологам полагал, что «наказание... не в состоянии парализовать зло собственными силами: действуя не на внешнюю причину зла, а на внутреннюю — злую волю... оно является только тормозом, задерживающим новый прилив болезни, но не искореняющим ее...»¹³.

Забывая об основной мысли своего исследования, что единственной причиной преступлений является возраст, он говорит о необходимости истребления самих причин, изменения самих факторов преступлений. Таким образом, Н. Неклюдов не удовлетворяется одним «индивидуальным фактором преступности» при разработке мероприятий по борьбе с ней. В этом его существенное отличие от большинства представителей антропологического направления Западной Европы. Сама реальная действительность, вся политико-экономическая обстановка того времени заставили

¹¹ Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 233.

¹² Там же, с. 254.

¹³ Там же.

его обратиться помимо возраста к поискам других причин преступности, которые он находит применительно к Франции в «1) порядке управления, 2) неразвитости и неопытности организма, 3) отсутствии надзора и попечения, как умственного, так и материального; 4) характере человека и 5) имущественных отношениях»¹⁴.

Хотя подобная классификация и не вскрывала истинных корней преступлений, однако в ней отмечается роль политических (порядок управления) и экономических (имущественные отношения) причин преступности. Еще раз заметим, что Н. Неклюдов не мог от них отмахнуться. Правда он не раскрывает сущности этих причин, но уже подчеркивая их значение, он стоит выше «антропологов» Западной Европы, которые, как правило, о них вообще не говорили (если не считать Ферри — сторонника теории факторов преступности и, следовательно, более примыкавшего к социологическому, чем к антропологическому направлению). Глава же этого направления Ч. Ломброзо говорил иногда, как бы мимоходом, о «материальных факторах», не придавая им серьезного значения. Гарофалло вообще отрицал роль экономических факторов преступности, «доказывая», что преступность более распространена (относительно) среди «богатых слоев общества, нежели бедных». Неклюдов же задолго до всех этих авторов, несмотря на свои исходные антропологические позиции, пространно говорит о нищете, «затруднениях в применении труда», «слабой заботе» о беспризорных детях и пр. Подобные рассуждения сближают его с социологами, о которых мы уже писали. Он приводит много статистических данных, характеризующих, в частности, «отсутствие надзора и попечения» за «сырыми» детьми, что и вынуждает их зачастую совершать преступления. Так, 7/10 общего числа малолетних преступников Франции в 50-х годах XIX в. были незаконнорожденными, брошенными на произвол судьбы, а 2/10 имели родителей — нищих и проституток.

«Лишенный крова и надзора отеческого — ребенок становится бродягой; лишенный средств к жизни — он становится нищим и вором. Бродяжничество и нищенство — две великие язвы французской империи»¹⁵.

Неклюдов, как и следовало ожидать, скользит по поверхности явлений, считая нищету и бродяжничество причинами преступности и призывая к борьбе с ними. Он даже и не ставит перед собой вопроса: в чем же причина нищенства и бродяжничества? Однако было бы смешно упрекать его в этом, учитывая его политические взгляды.

Отметим, что Н. Неклюдов один из первых вслед за Н. Ткачевым подверг критике основные положения фаталистической теории А. Кетле, считавшегося тогда непогрешимым авторитетом в области уголовной социологии и статистики.

¹⁴ Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 235.

¹⁵ Там же, с. 240.

«Вопреки А. Кетле и Боклю уголовная статистика показывает не постоянство преступлений, а изменения и колебания их, не мертвенность, не неподвижность, а жизнь. Она указывает, что преступление... разделяет судьбу других общественных явлений»¹⁶.

Неклюдов полностью опровергает неизменность, ибо «если преступление есть нарушение общественных отношений, то очевидно, что само количество и характер первого должны изменяться вместе с изменением последних. Следовательно, вопрос сводится главным образом к тому: изменяются ли общественные отношения или же они остаются постоянно одними и теми же неизменными? Самый поверхностный взгляд на историю ответит нам на это самым красноречивым образом»¹⁷.

Основываясь на обширном материале французской уголовной статистики, он отмечает большой рост преступности за первую половину XIX в. Никакого «железного постоянства» количества преступлений, конечно, не было.

«И действительно, ежели мы обратимся к статистике, то увидим отсутствие этого страшного постоянства, как количественного, так и качественного, а с этим вместе улетучивается совершенно и фатализм»¹⁸.

Подобные утверждения об изменяемости общественных отношений и, в частности, преступлений были несомненно прогрессивными, особенно в 60-х годах прошлого столетия. Любопытно отметить, что Н. Неклюдов, горячо протестуя против взглядов А. Кетле о наличии у каждого человека «наклонности к преступлению», сам того не замечая, высказывает аналогичные взгляды, считая причиной такой «наклонности» определенный возраст. Если у А. Кетле общая «наклонность к преступлению» как бы дробится на ряд отдельных «наклонностей», например к убийству, краже, изнасилованию и пр., то у Неклюдова каждому возрасту свойственна, как мы видели, также определенная «наклонность к преступлению». Поэтому Неклюдов явно противоречит сам себе, когда, приведя слова Кетле о том, что каждый человек имеет известную наклонность к преступлению — разница только в степени напряженности ее, — гневно восклицает: «Я считаю подобную мысль оскорблением человеческого достоинства и ложной в самом ее основании»¹⁹. Эти же слова он вполне мог бы отнести в собственный адрес.

Заметим, что в дальнейшем Неклюдов нигде не затрагивает вопрос о причинах преступности.

Что же касается вопроса о наказаниях, то, в связи с весьма быстрым превращением из умеренного либерала в крайнего реакционера, он считал необходимым усилить репрессии, особенно

¹⁶ Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 3.

¹⁷ Там же, с. 112.

¹⁸ Там же, с. 113.

¹⁹ Там же, с. 33.

против политических преступников, резко сократить компетенцию суда «улицы» (суда присяжных) и покончить с «зловредным духом нигилизма»²⁰.

* * *

Д. А. Дриль. К последователям антропологического направления в уголовном праве в России относят обычно Д. А. Дриля (1846—1910), что, на наш взгляд, не соответствует действительности. Так в Энциклопедическом словаре Брокгауза Ф. и Эфрона И. написано: «Дриль... горячий сторонник так называемой новой итальянской школы в уголовном праве, сделавший своей задачей изучение преступника с антропологической точки зрения... Он считает... что преступность есть выражение врожденных и приобретенных аномалий... преступника»²¹.

В такой трактовке криминологические взгляды Д. Дриля на причины преступности ничем не отличаются от взглядов Ч. Ломброзо. Аналогичную характеристику его воззрений мы находим и в других литературных источниках как дореволюционного, так и советского периода.

«Дриль примыкает к молодой уголовно-антропологической школе и становится одним из наиболее ревностных адептов ее»²².

В различных учебниках «Советское уголовное право», в главах, посвященных буржуазным теориям, Д. Дриль также относится к антропологам, иногда, правда, с некоторыми оговорками, не дающими ясного представления о его действительных взглядах.

Б. С. Утевский отмечал, что к антропологическому направлению в России примыкали из юристов только Дриль и Минилов²³. Примерно в таком же духе характеризуется Дриль и в других трудах (или их разделах), посвященных рассмотрению уголовно-правовых школ. А между тем ознакомление с работами и деятельностью Д. Дриля, так же как и с воспоминаниями о нем его современников, дает полное основание утверждать, что Дриль не может быть отнесен к «ревностным» последователям реакционера Ч. Ломброзо. Научная и общественная деятельность его представляет большой интерес не только в истории русской криминологии

²⁰ См.: Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. СПб., 1875; Его же. Руководство к Особенной части русского уголовного права, т. 1—4. СПб., 1878—1880. О реакционных взглядах Неклюдова см.: Чубинский М. Б. Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса, т. II. М., 1912, с. 70—71.

²¹ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. и Эфрона И., т. XI. СПб., 1893, с. 157.

²² Люблинский П. И. Памяти трех русских криминалистов. СПб., 1914, с. 53.

²³ См.: Утевский Б. С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950, с. 231.

последней четверти XIX и начала XX в., но и в истории русской общественной мысли вообще. Вся жизнь и деятельность Д. Дриля является ярким примером того, как человек самых высоких идеалов и стремлений, живущий в антагонистическом обществе, искренне желающий помочь и излечить неизбежные «язвы» буржуазно-дворянского строя, неминуемо обречен на полный крах своих идеалов и проектов. Его неутомимая научная и практическая работа в этом направлении, зачастую во вред личным интересам, вызывает к нему несомненную симпатию. С другой стороны, его многочисленные утопические проекты борьбы с нищетой и преступностью в обычном духе буржуазного либерализма оставляют горький осадок. Субъективно — Дриль личность, всячески желающая принести пользу сотням тысяч людей, особенно детям, вынужденным ужасающими жизненными условиями царской России стать пауперами, проститутками и преступниками. Объективно — отрицавший «кровавую революционную борьбу» и искренне веривший, что в рамках капитализма путем «частной и государственной» помощи можно избавиться от его язв, — он был буржуазным либералом. Однако его страстные призывы и проекты такой помощи, его неоднократная критика «царских» порядков, его показ страшной жизни широких трудящихся масс, особенно детей, подтачивающей их умственные и физические силы, его гуманизм по отношению к преступникам не позволяют поставить его на одну плоскость с антропологами Западной Европы. К учению последних его привлекло главным образом полное неудовлетворение догматическими построениями классической школы, забывавшей в своих чисто юридических схемах живого человека — преступника, которому Д. Дриль стремился искренне помочь. Отсюда его особое внимание к «индивидуальным «факторам» преступности, которые в полную противоположность западноевропейским «антропологам» он полностью подчинял «факторам социальным».

Следует подчеркнуть, что Д. Дриль много раз выступал против Ломброзо на международных антропологических конгрессах, в печати, особенно в отношении мероприятий по борьбе с преступностью. Известный русский юрист и общественный деятель А. Ф. Кони писал: «При первых встречах с ним я понял, что живой ум и жаждающее правды сердце не могут, конечно, удовлетвориться и успокоиться в своих научных исканиях тем, что принято называть классической школой уголовного права... Он стремился вместо схематического преступника вывести на свет божий живого человека... Он понял, что при всей заманчивой широте учения Ломброзо в нем есть большие крайности в обобщениях и решительных выводах»²⁴.

Далее, желая пояснить, почему Дриль не мог полностью принять учение Ломброзо, Кони дает такую характеристику этому

²⁴ Кони А. Ф. Памяти Д. А. Дриля. Спб., 1912.

учению, которой придерживалось преобладающее большинство русских либеральных юристов: «По Ломброзо, суд юристов должен заменить суд врачей — специалистов, для которого по самому существу не нужны гласность, защита, обжалование и кассационное разбирательство... С представителем преступного типа следует бороться, как с хищными зверями... и тем, по выражению некоторых из новейших криминалистов, очищая породу, облагораживая сердца и воздавая справедливую заслугу эшафоту...

К чему лафос адвоката, критика общественного мнения, пересмотр и даже помилование того, что раз и навсегда установлено природой, которая никого не милует? Так, начавши с заботы о живом человеке, эти криминологи дошли до низведения карательной деятельности государства к охоте на человека-зверя с применением научных приемов антропометрии»²⁵.

«Ломброзо, как известно, — писал Ковалевский, — считал, что имеются преступные типы, от которых общество может быть избавлено только одним путем — истреблением, препятствующим дальнейшему действию закона наследственности. Д. Дриль с самого начала выступал решительным противником тех, кто в недостаточной степени оттеняет влияние общественной среды и требует жестоких кар против «врожденных преступников»²⁶.

«Но в противоположность Ч. Ломброзо, — писал Гернет, — Д. Дриль считает преступление продуктом причин «ближайших» и «более отдаленных», относя к первым «порочности психофизической организации деятеля» и ко вторым «неблагоприятные внешние условия, под влиянием которых вырабатываются первые»... Отказываясь поддерживать уголовно-антропологов в отстаивании ими грубых и жестоких мер так называемой социальной защиты, Д. Дриль настаивает на необходимости широких мер предупреждения для успешности борьбы с преступлением»²⁷.

Таким образом, из высказываний современников Д. Дриля, близко с ним соприкасавшихся, не оставляет сомнения то, что отождествление взглядов Дриля со взглядами Ч. Ломброзо лишено основания. Еще более мы убеждаемся в этом, знакомясь непосредственно с сочинениями и деятельностью Дриля.

По окончании юридического факультета Московского университета Дриль, не удовлетворившись догматическим построением господствующего тогда классического направления уголовного права, совершенно игнорирующего «личность живого преступника», поступает на медицинский факультет, чтобы «с помощью медицинской науки изучать особенности организма преступников». Попад под влияние идей вульгарного материализма и считая, что преступление возникает на почве вырождения, он, однако, посто-

²⁵ Кюни А. В. Памяти Д. А. Дриля. — В кн.: Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912, с. CIV.

²⁶ Там же, с. CXV.

²⁷ Энциклопедический словарь «Грехат», т. 19. М., 1913, с. 85—86.

янно подчеркивал, что это вырождение есть результат нетерпимых социально-экономических условий. Другими словами, источником преступности, по его мнению, являются всегда два основных фактора — личные и социальные, причем вторые определяют первые. Эта мысль проходит красной нитью через все его многочисленные работы, посвященные вопросам преступности: «Новые деяния» (1880), «Преступный человек» (1882), «Малолетние преступники» (1884 г. — I том и 1888 г. — II том), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью» (1890), «Ссылка во Франции и России» (1899), «Преступность и преступники» (1899), «Учение о преступлении и мерах борьбы с нею» (1912 г., посмертное издание). Им было написано много различных статей и брошюр, касающихся не только вопросов преступности, но и нищенства, бродяжничества, алкоголизма и проституции. Указания на социальные причины преступности делались Дрилем в самых ранних трудах.

Правда, Дриль наряду с этим подчеркивал огромную роль в формировании преступности индивидуальных «факторов», что, очевидно, и дало основание многим авторам и причислить его к ломброзианцам. Увлечение этими «факторами» у Дриля безусловно было, особенно в его ранних работах. Так в работе, озаглавленной так же, как и основной труд Ломброзо — «Преступный человек», Дриль отмечал, что «преступность возникает обыкновенно на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением или благоприятным изменением жизненной обстановки. Эта болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов»²⁸.

В дальнейшем Дриль делает упор на социально-экономические причины, резко расходясь в самых существенных вопросах с антропологами. В 1884 г. он представил в Московский университет свою работу «Малолетние преступники» в качестве магистерской диссертации. Независимый характер Дриля, его резкая критика официальной уголовно-правовой науки привели к тому, что по настоянию декана юридического факультета работа была отвергнута как якобы не юридическая. «Декан юридического факультета находил даже, что основные взгляды Дриля подкашиваются в корне саму идею наказания и что публичная их защита совершенно недопустима»²⁹.

Любопытно, что ряд крупных ученых, членов совета юридического факультета, принимавших участие в либерально-оппозиционном движении того времени, голосовали против решения факультета, отвергнувшего диссертацию Дриля. Это — М. Ковалевский, Ю. Гамбаров, С. Муромцев, А. Чупров и Янжул. Позднее Дриль блестяще защитил эту диссертацию в Харьковском универ-

²⁸ Дриль Д. Преступный человек. — «Юридический вестник», 1882, т. II, с. 101.

²⁹ Чубинский М. А. Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса, т. I. Спб., с. 81.

ситете. Но полученная степень не открыла ему доступа к лекционной работе. Будучи заподозрен в поддержке политических ссыльных, он не был утвержден в звании приват-доцента и вынужден был покинуть университет.

В дальнейшем Дриль работает податным инспектором, юрисконсультом при Главном тюремном управлении и, наконец, заведующим отделом исправительно-воспитательных заведений. «Здесь он все ближе знакомится с экономическим положением — условиями жизни низших классов, что заставляет его в значительной степени расширить роль социальных факторов преступности в своих учениях»³⁰.

Общественная деятельность Д. Дриля в многочисленных союзах, обществах и конгрессах, направленная на улучшение бытовых и правовых условий «падших», поражает своей энергией и неутомимостью. С 1887 г. он один из учредителей русской группы международного союза криминалистов; с начала XX в. он — товарищ председателя уголовного отделения петербургского юридического общества, на заседаниях которого сделал несколько докладов по вопросам, связанным с причинами преступности, как например, «Болезнь и преступление», «Убийства и убийцы» и др.

На I съезде русского союза криминалистов в 1898 г. Дриль горячо отстаивал условное осуждение, на II съезде в 1900 г. требовал трудовой помощи осужденным, на VI съезде в 1909 г. выступал с большой речью по вопросу об алкоголизме как факторе преступности, а также и по другим факторам, особенно подчеркивая жилищную нужду, которая «губит коренные основы нравственности». Дриль обращается ко всем «состоятельным и цивилизованным людям» с просьбой жертвовать на улучшение жилищных условий «меньшого брата», сам отдает все свои средства и основывает на окраине Петербурга «Гаваньский рабочий городок», где было построено несколько зданий с «дешевыми и удобными жилищами». Усилиями Дриля здесь открывается отделение общества народных университетов, организуются врачебная помощь, библиотеки, доступные чайные-столовые и пр. По словам Люблинского, биографа Дриля, последнему удалось этот уголок Петербурга сделать весьма благоустроенным. По настоянию Дриля в 1909 г. был создан Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, на котором он делал доклад, отмечая прямое влияние алкоголизма на преступность. Дриль также активно участвовал в съездах общества по борьбе с проституцией, но особо известна его деятельность, связанная с воспитанием заброшенных и преступных детей. Он составляет несколько проектов (1897—1899) весьма гуманных законов, в которых предлагает отказаться от применения к малолетним до 14 лет каких-либо карательных мер, заменив их мерами воспитательно-исправительного характера. Все его проекты, в частности проект об особых судах для мало-

---

³⁰ Люблинский П. Памяти трех русских криминалистов, с. 62.

летних, естественно, отвергаются правительством, и на Дриля царские чиновники и представители официальной науки смотрят как на беспокойного и «неблагонадежного» человека. В 1906 г. он избирается председателем созданного по его инициативе Всероссийского общества народных университетов и с 1907 г. читает лекции по уголовному праву в различных учебных заведениях. Дриль неоднократно бывал за границей, где знакомился с жизнью преступников, их психофизическими особенностями и, в частности, работал в лаборатории известного австрийского психиатра Крафт-Эбинга.

Активные выступления Дриля на всех международных антропологических конгрессах сделали его имя весьма популярным среди криминалистов. Просматривая записи этих выступлений, еще раз убеждаемся, что Дриль совершенно ошибочно отнесен до революционной и советской уголовно-правовой литературой к «ярым» последователям Ломброзо. Уже на первом Парижском конгрессе (1889) он выступает против основного положения Ломброзо о преступном типе и жестоких карательных мер, защищая пользу условного осуждения. На Брюссельском конгрессе (1892) он представляет тезисы доклада «Об основных принципах уголовно-антропологической школы», которые вызвали много упреков и замечаний со стороны западноевропейских антропологов. На этом же конгрессе он вновь выступил с горячей речью против признания существования неисправимых преступников, делая упор на социальные причины преступности и требуя предупредительных мер. Ясно, что такие речи были далеки от воззрений Ломброзо, Гарофалло и других антропологов. Дриль принимал также активное участие в международных тюремных конгрессах, выступая всюду как гуманист, желающий искренне помочь «впавшим в преступление по вине общества». Как и следовало ожидать, его проекты и здесь отклоняются и он остается в одиночестве.

Как мы уже говорили, он противник всяких жестоких репрессий, смертной казни и телесных наказаний. Дриль лично изучал организацию ссылки во Франции и России, о чем написал специальную книгу, где с ужасом рисует картины Ново-Каледонской, Сахалинской и Сибирской ссылки. «Наши тюрьмы, как и иностранные, представляют собой высшие школы развращения»³¹.

По его мнению, современная тюрьма должна быть заменена учреждениями для принудительного воспитания и лечения. Знакомясь с энергичной деятельностью Дриля и предлагаемыми им гуманными мерами, заранее обреченными на полную неудачу в условиях царской России, мы видим, как человек самых высоких идеалов, но далекий от марксистско-ленинских идей и революционной борьбы пролетариата объективно «льет воду на мельницу буржуазно-дворянского строя», ибо призывает не к борьбе с ним, а к соглашению, к солидарности между антагонистическими клас-

³¹ Дриль Д. Ссылка во Франции и России. Спб., 1890, с. 2.

сами. Вот, например, что писал он в газете «Юрист» от 27 ноября 1905 г.:

«Нет, господа, не уголовными наказаниями и мерами полицейского обуздания может и должен быть установлен правовой порядок... В основе его должно лежать чувство солидарности... Важно, что теперь же была составлена на основе искреннего соглашения программа деятельности, держащаяся на правиле „живи и жить давай другим“». Ясно, что под этими словами подписался бы любой буржуазный либерал. Дриль был уверен и в этом его коренная ошибка, что с преступностью можно успешно бороться в рамках капитализма, для чего он и настаивал на необходимости широких мер государственно-общественного предупреждения, направленных на «заботу о тружениках и бедняках».

Все эти либеральные меры сводились к поддержке кустарных производств и артелей, урегулированию отношений между рабочими и предпринимателями, борьбе с жилищной нуждой и нищетой, с детской безнадзорностью и проституцией, улучшению рабочего законодательства и т. п. Несомненно, что подобные меры, обычно предлагаемые сторонниками теории факторов преступности, не решали и не могли решить вопрос об уничтожении действительных корней преступности. Эти корни гнездились в самой структуре капиталистического строя, без ликвидации которого нельзя было серьезно говорить об эффективной борьбе с преступностью.

Возникает вопрос: чем же привлекло к себе гуманного Дриля учение реакционера Ч. Ломброзо, смотревшего на преступников как на хищных зверей, которых надо беспощадно карать?

Здесь, как нам думается, имели значение два обстоятельства. Во-первых, поиски Д. Дрилем нового метода изучения преступности в связи с полной неудовлетворенностью умозрительными доктринами классической школы уголовного права. И, во-вторых, увлечение идеями вульгарного материализма, имеющего в то время все еще довольно большое распространение в естествознании и медицине, которые он жадно изучал. Это главным образом и привлекло его к уголовно-антропологическому направлению, важнейшие реакционные положения которого он, как мы уже говорили, не только никогда не разделял, но и резко критиковал.

«Опыт, конечно, не позволяет сомневаться, что человек может унаследовать от своих восходящих такие особенности психофизической организации, которые предполагают его к преступлениям; но сделаются ли они таковыми, это будет зависеть от окружающей обстановки, от всех жизненных условий вообще»³².

Любопытно, что сам Дриль не причислял себя ни к антропологическому, ни к социологическому направлению, ошибочно считая, что в своих исследованиях он сочетал важнейшие положения и того и другого. По его мнению, и социологическое, и антрополо-

---

³² Дриль Д. Малолетние преступники, вып. 1. Б. г., 1884, с. 3.

гическое направления сугубо односторонни. «Но если научный работник по необходимости односторонен, то наука, напротив, должна быть всесторонней!»³³.

Существенно, что к концу своей жизни Дриль пытался найти иные, отличные как от западноевропейских, так и других русских буржуазных ученых пути решения проблемы преступности. В начале XX в. он все более и более уделяет внимание социально-экономическим «факторам» преступности, подходя вплотную к выяснению ее основной причины, лежащей в самой структуре классового общества. В этом отношении он тяготеет к левой группе русских криминалистов-социологов (М. Г. Гернет, А. Трайнин, М. М. Исаев и др.).

«Очевидно вопиющее противоречие в общественной организации, вызывающее процессии многочисленных голодных безработных, громко требующих от общества в силу своего права на жизнь труда и хлеба, отсутствие которых порождает многочисленные преступления и самоубийства, несмотря на непрерывающийся рост богатства родной страны»³⁴.

Д. Дриль, говоря о том, что капитализм втягивал в производство женщин и детей, разлагал семью, цитирует соответствующее место «Капитала» Маркса. Он приводит большой статистический материал об ужасающих условиях жизни русских и иностранных рабочих, отмечая, что при таком положении вещей неудивителен постоянный рост преступности. Анализируя антагонизмы капитализма, Д. Дриль как честный ученый в противоречие своим либеральным взглядам приходит к мысли о неизбежности революции, поскольку, по его же словам, «так дальше жить нельзя». Чтобы этого не случилось, он утопически призывает правящие круги принять, наконец, «соответствующие меры».

Такие слова, как нам думается, высоко поднимают Дриля над всеми другими представителями буржуазных криминологических школ, вуалирующих истинные причины преступности при капитализме.

Отметим, что Д. Дриль с большим уважением относится к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, хотя по своим политическим и научным взглядам он, конечно, был далек от марксистского мировоззрения. Но он не отвергал этих трудов.

«Следует указать на известное сочинение Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которое по своим фактическим данным, по своему тонкому анализу представляет чрезвычайный интерес и заслуживает самого сосредоточенного внимания со стороны всех, стремящихся уяснить себе факторы, вызывающие развитие не только преступности, но также порочности и безнравственности вообще»³⁵.

³³ Дриль Д. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Б. г., 1912, с. 185—186.

³⁴ Там же, с. 324.

³⁵ Дриль Д. Указ. соч., с. 381.

Основываясь на этой работе Ф. Энгельса, Дриль утверждает, что рабочие превращаются в совершенно других людей по сравнению с буржуазией, что они вырождаются физически. Конечно, Дриль как либерал не делает каких-либо революционных выводов, не говорит о необходимости смены такого общественного строя, которому органически присущи нищета и преступность. Наоборот, он вызывает к «сильным мира сего», требуя эффективной помощи «несчастливым», рисуя, в случае оставления всего постарому, самые мрачные перспективы. Утопизм Д. Дриля налицо. «Казалось бы, фактически обоснованные указания на образовавшуюся глубокую общественную пропасть между недостаточным большинством народа, рабочим классом, и достаточным меньшинством, буржуазией, должны были обратить на себя внимание и вызвать со стороны руководящих классов настойчивые усилия к скорейшему заполнению этой опасной пропасти. В действительности этого, однако, не случилось, и доказательные утверждения Энгельса и множества других исследователей не оказали нужного влияния. Дело продолжает идти прежним путем»³⁶.

Весьма убедительны аргументы Дриля, направленные против утверждений реакционеров о том, что социологические работы, характеризующие противоречия капиталистического общества, якобы «вносят смуту и подрывают законный порядок».

«Нередко против ученых исследователей выдвигались обвинения в стремлении «расшатать устой общественной жизни» и «вносить смуту в общество». Но так ли это? Ведь исследователи только констатируют и выясняют явления и естественные законы, этими явлениями управляющие. Явления и факты одними отрицаниями нельзя сделать несуществующими. Поэтому неудивительно, что и новейшие научные исследования только еще более ясно и наглядно показывают нам, насколько прав был Ф. Энгельс в своих утверждениях»³⁷.

Хотя Дриль и подошел вплотную к выяснению действительных корней преступности, хотя он неоднократно ссылается на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, однако его либеральные взгляды не позволяют сделать вывод о необходимости революционной перестройки капиталистического строя для действительно эффективной борьбы с преступностью. Наоборот, он искренне уверен, что в рамках капиталистического общества вполне возможна такая борьба, не понимая органической связи между преступностью и структурой этого общества. Отсюда его утопические призывы к урегулированию отношений между рабочими и капиталистами, к всемерной поддержке промысловых кооперативов, якобы дающих возможность «честным труженикам» найти работу, к широкой благотворительности в пользу «слабых и падших» и тому подобным мерам «общественного оздоровления». Несмотря на та-

³⁶ Дриль Д. Указ. соч., с. 381—382.

³⁷ Там же.

кие призывы, Д. Дриль в исследовании истинных причин преступности, в анализе «явлений современной жизни и особенностях ее строя» стоит несравненно выше других социологов. Своими сочинениями Д. Дриль, вопреки своим политическим взглядам, невольно толкает всякого непредубежденного читателя к самым «крамольным» выводам, к твердому убеждению, что преступность, нищета и другие социальные «язвы» неизбежны при данных общественных отношениях.

§ 4. АНТРОПОЛОГИ—ВРАЧИ

В. Ф. Чиж. Порочные воззрения Ч. Ломброзо нашли довольно большое распространение среди русских врачей, многие из которых, находясь под влиянием идей вульгарного материализма и совершенно абстрагируясь от социальных условий, трактовали преступность как биологическое явление, как объект медицины, а не юриспруденции. К ним относились В. Чиж, П. Тарновская, Н. Н. Баженов, И. Троицкий, И. Оболенский, Павловский и др. Особенно рьяными ломброзианцами, выступавшими по вопросам преступности, являлись В. Чиж и П. Тарновская. Показательно, что некоторые работы этих ученых получили весьма лестный отзыв непосредственно от самого Ломброзо.

Известный психиатр, профессор Юрьевского университета В. Ф. Чиж наиболее четко сформулировал свои реакционные взгляды на происхождение преступности в докладе, сделанном на торжественном собрании общества русских врачей в память Н. И. Пирогова 27 декабря 1893 г. в Петербурге на тему: «Преступный человек перед судом врачебной науки». Прежде всего В. Чиж отрицает «влияние социальной среды на преступность, что весьма распространено. Предполагалось, что стоит лишь изменить общественные условия, изменится и человек». В. Чиж бездоказательно и безапелляционно заявляет, что «социальная среда не влияет на преступность» и учения «подобного рода» якобы потерпели полное фиаско.

«С большим уважением мы должны отнестись к тем независимым умам, которые создают новое, совершенно несогласное с господствующим учением — учение об органической преступности»³⁸.

Основываясь на статистических данных, якобы «бесспорно» доказывающих особые, присущие только преступникам психофизические особенности, В. Чиж заявляет, что преступление полностью зависит от «физической организации» преступника. Об этом говорили многие, но все это прошло незамеченным, как все первые попытки, стремящиеся ниспровергнуть господствующее уче-

---

³⁸ Чиж В. Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. Спб., 1894, с. 4.

ние. «Только Ч. Ломброзо, энергия которого не уступает его гениальности, завоевал новому учению внимание... Бессмертная заслуга Ломброзо состоит в том, что он создал целое направление в науке — криминальную, или уголовную, антропологию, и в этом надо видеть, конечно, проявление гения!»³⁹.

После такого восхваления Ломброзо В. Чиж пытается установить признаки «врожденного, или привычного» преступника. Полностью солидаризируясь с наиболее последовательным и жестоким из всех антропологов — итальянцем Гарофалло, В. Чиж старается опровергнуть бесспорное положение о том, что нищета порождает преступность.

«Социологи стремятся доказать, что преступники происходят из низших слоев общества, что бедность порождает преступления. Но забывают, что во всех странах число преступников между высшими классами общества относительно больше чем между низшими»⁴⁰.

Игнорируя известное положение о том, что больше 9/10 общего числа преступников составляют выходцы из «низших» слоев населения, бывшие безработные, нищие, бродяги, проститутки и т. д., В. Чиж берет то, что ему выгодно, а именно относительные показатели о грамотных некоторых профессий среди всего населения и среди преступников. Так, по его расчетам, во Франции, например, лица свободных профессий составляют 4 %, преступники — 7, в Пруссии соответственно — 2,2 и 4 %, в Испании безграмотные составляют 2/3 населения, а между преступниками безграмотных только половина. Жонглируя цифрами и умалчивая о классовом составе преступников, он отрицает какую-либо связь между материальным положением и преступностью. Он демагогически утверждает, что всякий в зависимости от своих способностей занимает в жизни более или менее желательное для него положение и только личными свойствами обусловлена «ступень той лестницы, на вершине которой хотелось бы поместиться». Но, по его мнению, «преступники обладают самой несовершенной организацией, которая делает для них недоступной всякую другую деятельность. Хотя в дальнейшем В. Чиж и говорит о том, что нужно принять меры к укреплению здоровья тех, которые наследованно или вследствие дурных гигиенических условий в раннем детстве рискуют «иметь организацию», с которой нельзя приспособиться к среде, его предложения как бы повисают в воздухе. Действительно, какие меры могут превратить «врожденного преступника» в честного человека, раз этот преступник представляет собой особый организм, имеющий только ему присущие психофизические черты? Все это так же нереально, как, по образному выражению тогдашней реакционной газеты «Новое время», явно симпатизирующей взглядам антропологов, превратить тигра в кошку.

³⁹ Чиж В. Ф. Указ. соч., 5—6.

⁴⁰ Там же, с. 13.

Таким образом, по мнению В. Чижа, преступность как явление биологическое не зависит от социально-экономических условий, а преступники — это двуногие тигры — безусловно неисправимы, и в целях защиты от них «честных людей» их надо навсегда изолировать из общества. Совершенно очевидна реакционность и определенная политическая направленность взглядов В. Чижа⁴¹.

Однако надо иметь в виду, что не только юристы, но и многие врачи выступали против идей Ч. Ломброзо, аргументируя их несостоятельность статистическими и антропометрическими данными. Так, например, А. С. Беляков пишет, что он производил антропометрические наблюдения над 3000 арестантами Харьковского «тюремного замка» и пересылочной тюрьмы. По его заключению, основанному на сравнении средних показателей различных измерений черепа и других органов, даже самые тяжелые преступники ничем не отличаются анатомически от организма солдат, т. е. честных людей, которых А. Беляков также исследовал⁴². И. Г. Оршанский в докладе, сделанном на Петербургском съезде естествоиспытателей и врачей в 1890 г. на тему «Наши преступники и учение Ломброзо», приходит к следующему выводу: «Нужно раз навсегда осознать, что не столько дурные люди создают преступление, сколько дурные условия жизни превращают массу слабохарактерного темного люда в преступников... Чтобы бороться успешно с преступлением, необходимо изменить условия, порождающие преступление. В поднятии духовного, материального и культурного уровня масс заключается спасение от тяжкого зла преступности»⁴³.

При этом ряд врачей оспаривали подобные утверждения и стояли на позициях теории Ч. Ломброзо.

На IV Международном конгрессе уголовной антропологии (Женева, 1896) П. Тарновская сделала доклад «О женской преступности». Этот доклад был извлечением обширного труда, основанного на 160 наблюдениях над женщинами-убийцами. Доклад вызвал самые лестные замечания со стороны Ч. Ломброзо, признавшего его за «образцовый»⁴⁴. Что же доказала П. Тарновская? Цель ее исследований — доказать с помощью статистики, что женщины-преступницы и проститутки отличаются анатомически от честных женщин. Подобную цель, как известно, ставил перед собой и Ч. Ломброзо⁴⁵. П. Тарновская подтверждает правильность точки зрения главы итальянской школы материалами, взятыми из русской действительности. С этой целью она проводит

⁴¹ Чи ж В. Нравственность душевнобольных. Б. г., 1891; Его же. К учению об органической преступности. Б. г., 1892; и др.

⁴² См.: Беляков А. С. Антропологическое исследование убийц. Б. г., 1884.

⁴³ Оршанский И. Г. Наши преступники и учение Ломброзо. Спб., 1891, с. 19, 20.

⁴⁴ Розенбах П. Четвертый конгресс криминальной антропологии. — «Журнал министерства юстиции», 1896, № 9, с. 179.

⁴⁵ См.: Ломброзо Ч. и Фереро Г. Женщина — преступница и проститутка. Киев—Харьков, 1897.

специальные статистико-анатомические исследования более 140 проституток, 220 воровок и 160 убийц, выводит многочисленные средние и относительные показатели (средний рост, вес, средние размеры нижней и верхней челюсти, черепа, зубов, скул, лба и пр.), сравнивает их с такими же показателями антропометрического характера, полученными путем обследования честных женщин. Она составляет ряд обширных статистических таблиц, материалы которых якобы бесспорно доказывают правоту уголовно-антропологической школы для всех стран мира. Сопоставляя данные этих таблиц с данными, приводимыми в трудах Ч. Ломброзо, П. Тарновская устанавливает, например, что средний рост честных женщин на 1,5 см меньше роста воровок, а размеры нижней челюсти проститутки на 1,5 мм больше челюсти добродетельной женщины, причем у преступниц и проституток видны «явные признаки вырождения»: аномалии черепа — 26%, чрезмерное развитие затылочного бугра — 34%; асимметрия лица — 59% и т. д. и т. п. На основании такой статистики она утверждает: «Мы приходим к одному заключению: преступница представляет анатомические и функциональные особенности, отличающие ее от женщины нормальной... Особенности эти и ненормальности несравненно резче выступают везде у проституток, чем у преступниц, несмотря на дальнейшее расстояние, разделяющее Италию от России, независимо от совершенно различных бытовых условий, климата, расы, различного строя жизни этих двух стран»⁴⁶.

Таким образом, по мнению Тарновской, преступницы и проститутки — это существующая повсюду «особая порода людей», устанавливать и распознавать которых позволяет статистика.

«При исчислении признаков вырождения у преступниц и проституток многие средние цифры Ч. Ломброзо совпадают с моими... Следовательно, существование нескольких таких признаков у человека... дает право причислить его к дегенеративному типу... Я подтвердила эти выводы статистическим наблюдением над женщинами-преступницами — убийцами, отравительницами, поджигательницами — более 380 наблюдений, и многими проститутками, причем дегенеративный тип привычных проституток несравненно сильнее выражен, чем у преступниц... Подтверждение моих выводов в работе Ч. Ломброзо... сделанной над людьми совершенно иной расы и других социальных условий, доказывает, насколько верны и точны методы исследования, которыми пользуется антропология»⁴⁷.

В других сочинениях П. Тарновская на основе вновь собранного и обработанного материала приводит все ту же основную мысль антропологов, что «преступники щедро наделены физиче-

---

⁴⁶ Тарновская П. Н. Новые работы по криминальной антропологии. — Доклад I секции русского общества охранения народного здоровья 27 декабря 1891 г. Спб., 1892, с. 13.

⁴⁷ Там же, с. 13, 14, 15.

скими и нравственными признаками вырождения, резко отличающимися их от нормальных здоровых людей»⁴⁸.

Знакомясь с работами П. Тарновской, невольно поражаешься, как это вдумчивый исследователь причин преступности и проституции в России совершенно не видит, или, вернее, не желает видеть бросающееся в глаза всякому человеку поистине жуткое экономическое, политическое и правовые условия жизни преобладающего большинства русских женщин конца XIX в. Но П. Тарновская проходит мимо этих условий, которые, являясь неизбежными и неустраняемыми в царской России, вынуждали многих женщин торговать собой и идти на преступления. Зато с серьезным видом она пишет: «Ч. Ломброзо утверждал, что цвет волос у преступников в громадном большинстве случаев бывает темный или черный и волосы у них густые. Из нашей статистической таблицы мы видим, что у честных женщин преобладают светлые волосы и глаза, среди воровок и проституток было больше брюнеток»⁴⁹.

Что это? Ограниченность буржуазного ученого, особенно врача, смотревшего на все «социальные болезни» главным образом с медицинской точки зрения, или умышленное искажение в классовых целях истинных причин преступности и проституции? Мы думаем, что здесь имело место и то и другое. Но как бы то ни было, сугубо реакционный характер работ П. Тарновской не вызывает никаких сомнений. Ведь недаром либеральная пресса того времени выступала против идей антропологической школы и, в частности, против работ П. Тарновской. Не только преобладающее большинство юристов, но и все круги русской интеллигенции, находившейся, как правило, до 1905 г. в оппозиции к правительству, резко критиковали ломброзианство, если им приходилось соприкасаться с вопросами преступности. Не оставались, естественно, в стороне и многие крупные писатели. Так, например, В. Короленко и С. Елпатьевский в воспоминаниях о Глебе Успенском рассказывают о его возмущении в 1887 г. публичной лекцией П. Тарновской, которая статистически вывела, что челюсть проститутки на какую-то долю миллиметра больше челюсти добродетельной женщины. Отсюда делался вывод, вызвавший негодование Успенского, что женщина с выдвинутой на долю миллиметра челюстью обречена стать проституткой. Значит, не беспроектная нужда и нищета заставляет зачастую женщину идти на улицу, а особые свойства ее «порочной породы», наглядно характеризующейся целым рядом физических признаков, в том числе и размерами челюсти.

«Это было время сильного увлечения теориями Ломброзо... Лекторша (Тарновская) на основании ряда исследований приходила к заключению, что «тип женщины-проституток» ниже среднего женского... Оказалось, что нижняя челюсть проститутки вы-

⁴⁸ Тарновская П. Н. Воровки. Антропологическое исследование.— «Журнал русского общества охранения народного здоровья», 1891, № 5, с. 5.

⁴⁹ Тарновская П. Н. Указ. соч., с. 63—64.

стует на какие-то полтора миллиметра больше, чем у средней добродетельной женщины. Вся эта физиолого-анатомическая статистика... глубоко оскорбила Глеба Ивановича и приводила его в негодование. Он знал «жертвы», и притом именно жертвы общественных условий и «общественного неустройства». А здесь выдвигался «низший тип», осужденный фатально несовершенствами собственной организации. Центр тяжести всей вины, тревожившей совесть и вызывавшей к справедливости, переносился из ответственности социальной среды в фатальные условия природных предопределений»⁵⁰.

Известно также глубокое возмущение идеями Ч. Ломброзо М. Горького. Но антропологи, в том числе и П. Тарновская, упорно придерживались своих взглядов, «доказывая» все новыми и новыми статистическими данными существование «врожденных» преступников и проституток. Любопытно, что П. Тарновская совершенно не замечает, что приводимые ею биографические данные отдельных убийц, воровок и проституток полностью опровергают точку зрения антропологов, ибо все эти женщины стали преступницами или проститутками из-за нетерпимых условий своей жизни, а не в силу «врожденных» свойств.

Не менее показательны мотивы преступлений и других женщин. Одна крадет белье, чтобы не умереть с голоду, другая убивает старика мужа, который издевался над молодой женой, возвращая ее к себе «по етапу» после неоднократных побегов, третья, в прошлом прислуга, идет на улицу, будучи соблазненной своим хозяином и оставшейся без работы на руках с ребенком. Все примеры Тарновской, повторяем, полностью опровергают ее антинаучные доводы, но, подобно другим антропологам, она игнорирует реальные факты и продолжает давать «биологическое» объяснение преступности: «Пользуясь статистическим... материалом, можно доказать присутствие у большинства преступных женщин признаков, указывающих на их отклонение от нормального типа как в физическом, так и в психическом отношении»⁵¹.

Надо отметить, что, рассматривая мероприятия по борьбе с преступностью и проституцией, П. Тарновская, как и другие русские врачи-антропологи, проявляет обычную для них непоследовательность, предлагая утопические проекты в буржуазно-либеральном духе. По ее мнению, никакие карательные меры не в состоянии уменьшить воровства и других нарушений общественной жизни, пока не будет обращено внимание на корни зла и не будут приняты меры к ограничению пьянства и к уменьшению развития болезней, передающихся наследственно, пока не будут облегчены пути к нахождению заработка всем желающим трудиться, организовано элементарное образование женщин и допу-

⁵⁰ Короленко В. Г. Сочинения. М.—Л., 1929, с. 583—584; см. также: Елпатьевский С. Воспоминание о Г. Успенском.—«Красная нива», 1927, № 16, с. 13.

⁵¹ Тарновская П. Женщины-убийцы. Спб., 1902, с. 478.

шение их к различного рода профессиям. «Надо дать большой размах гуманной филантропии, цель которой — помощь падшим и борьба с пьянством, развратом и болезнями»⁵².

Подобные рецепты борьбы с преступностью противоречили исходным позициям антропологов о существовании «врожденных» преступников и проституток. Действительно, если последние представляют собой особый «биологический тип», то не может быть и речи о его изменении под влиянием «гуманной филантропии» и других мер. Вольно или невольно, но все работы П. Тарновской, как и других «антропологов», обосновывали необходимость изоляции подобных типов от честных людей в целях «защиты общества». Поэтому все призывы о гуманном обращении «с падшими», о лечении преступников, о превращении тюрем в больницы и т. п. совершенно не вытекали из основных посылок уголовно-антропологической теории и как бы повисали в воздухе. Подобные призывы являлись по сути дела той дымовой завесой, за которой особенно в период империализма царское правительство, как и буржуазные правительства других стран, проводило беспощадную карательную политику, направленную против любых, опасных для интересов господствующего класса людей, нередко изображаемых «врожденными преступниками».

---

⁵² Тарновская П. Воровки, с. 66—67.

Царская Россия, как известно, была «тюрьмой народов». Здесь гнет капиталистический сочетался с гнетом самодержавным, еще сохранились многие остатки крепостничества, продолжавшие мешать беспрепятственному развитию буржуазных отношений. Революционное движение систематически демократизируется, и рабочий класс начинает играть все большую и большую роль в этом движении. Среди передовой части рабочего класса получают распространение идеи марксизма, в конце столетия появляются первые сочинения В. И. Ленина. В тот период преобладающее большинство русской интеллигенции выступало против царского правительства с позиций либерализма. В области криминологической и уголовно-правовой либералы резко критиковали ломброзианство, поддерживаемое в России лишь явными консерваторами. В дальнейшем, с расширением движения масс, особенно после 1905 г., либералы делают резкий крен вправо и защищают царизм. Для борьбы с «крамолой» мирно объединяются бывшие идейные «противники»: «классики», «антропологи» и «социологи».

«Либералы, — писал Ленин, — отличаются от консерваторов (черносотенцев) тем, что представляют интересы буржуазии, которой *необходим* прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы».

Но эта прогрессивная буржуазия еще более боится демократии и движения масс, чем реакция. Отсюда вечные стремления либералов к уступкам старому, к соглашениям с ним, к защите многих коренных устоев старины»¹.

До 1905 г. либеральная интеллигенция ратовала за буржуазную демократию, за ликвидацию остатков крепостничества, за обеспечение некоторой политической свободы, а следовательно, выступала против реакционных идей Ломброзо. Так, например, крупный русский юрист Н. Д. Сергиевский, представитель классического направления в уголовном праве, будучи в 80-х годах XIX в. весьма умеренным либералом, писал в своей работе «Антропологическое направление в исследованиях о преступлении и наказании»: «Влияние цивилизации и образованности Ломброзо признает неблагоприятным. По его мнению, надо уничтожить суд присяжных как склонный к оправданию преступников, а также право помилования. Преступников надо уничтожать как вредную породу... Ломброзо мракобес. Он требует уничтожения публичности и гласности судопроизводства, стеснения права печати, соб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21; с. 472.

раний и проч. Он рекомендует как идеал состояние восточных деспотий»².

Исключительно резко критиковал взгляды «антропологов» проф. Казанского университета Н. Г. Грегорович. В 1896 г. он прямо заявил, что учение Ломброзо обязано своим успехам не развитию и усовершенствованию медицинской науки, а газетной рекламе, «падкости зеваяк до всякого шарлатанства», главным образом социально-политическим стремлениям, которым оказалось на руку изобретение «особой породы» людей, живущих среди общества, которых можно будет на основе известных одним антропологам признаков преступности объявить вне закона и устранить из человеческого общества всякими пригодными к тому мерами — преимущественно беспощадными.

«...Учение Ломброзо, — подчеркивал Грегорович, — вносит в государственную и общественную жизнь принцип неравенства людей между собой; этому-то принципу и обрадовалась всесильная плутократия и она-то обеспечила успех этих бесчеловечных учений»³.

Любопытно, что Грегорович, пожалуй, наиболее четко из всех буржуазных ученых подчеркивал сугубо классовый характер учения антропологов, как, впрочем, и социологов, «научно обосновывающих» «общественную необходимость» беспощадной расправы капиталистического государства с «опасными» для него людьми. Так, в одной из своих работ Грегорович писал: «По мнению антропологов, преступник опасный человек, а опасный человек — точно бешеная собака. Поэтому нужно прежде всего избавиться от опасного человека каким бы то ни было способом... Здесь полное безразличие к соразмерности тяжести наказания с тяжестью преступления, полное беззаконие... Решительным признаком опасности признается рецидив, особенно в нищенстве, безработице; для борьбы с этими опасными людьми рекомендуются самые беспощадные меры... Обществу нужно бороться не с придуманной антропологами преступностью, а с фарисейской благотворительностью, с безвыходным положением всеми отверженного и преследуемого за каждый даровой кусок хлеба бедняка, ругаемого бессмысленным, придуманным антропологическими школами названием «преступник». Всю эту антропологическую затею, — резюмирует он, — следовало бы обойти презрительным молчанием, если бы оно не оказалось пригодным орудием опасных для общественного мира сил, доказавших свое могущество в новейшем законодательстве — систематическое преследование нищих и пр.»⁴.

---

² «Юридический вестник», 1882, № 2, с. 212, 220—221.

³ Цитируется по кн.: Есипов В. Очерки русского уголовного права. М., 1904, с. 37—38.

⁴ Грегорович Н. Вопросы так называемого уголовного права. Казань, 1897, с. 36—38, 73.

Следует отметить, что не только специалисты-юристы, но и представители самых различных кругов тогдашней интеллигенции — философы, писатели, журналисты и пр. — подвергают ломброзианство суровой критике. Так, философ-идеалист Э. Л. Радлов в весьма острой статье «Чезаре Ломброзо и уголовная антропология» писал в 1892 г., что последнее сочинение главы итальянской школы — «Новейшие успехи науки о преступнике» — блещет полным отсутствием логики и здравого смысла. Смешны рассуждения Ломброзо о признаках нормальных людей и преступников.

«У нормальных людей нос или кривой (26,8%), или волнистый (25,4%)... а воры преимущественно имеют нос прямой (40,4%), широкий (53,28%) и т. п. Ломброзо находит, что белокурые расы более склонны к революциям, а черные — к бунтам. Он противоречит сам себе, ибо несколькими страницами ранее сказал, что Италия и Испания имеют наибольшее число революций. Количество революций, — говорит он, — прямо пропорционально длине человеческого роста... Многословие и хвастовство — отличительные черты сочинений Ломброзо... он исходит из зоологической точки зрения на преступника. К политическим преступникам, — подчеркивает Радлов, — г. Ломброзо относит и государственных деятелей, и религиозных энтузиастов — одним словом, всех выдающихся людей. Нормой для Ломброзо служит средней руки буржуа, который ничем не выделяется, копит деньги и плодит детей, — все остальные преступники»⁵.

Географ и социолог, Л. И. Мечников; будучи убежденным противником царизма, подчеркивал выгодность для последнего идей ломброзианства и правильно утверждал, что преступление есть явление не биологическое, а социальное.

«Не только преступление, — писал он, — но и сам человек-преступник, на которого антропологи-криминалисты указывают как на корень всего зла, есть продукт той же социальной почвы»⁶.

Надо, однако, иметь в виду, что уголовно-антропологические идеи все же нашли своих, правда весьма немногочисленных, защитников среди наиболее реакционных кругов тогдашнего общества. Так, ярый черносотенец, организатор позорного дела Бейлиса, министр юстиции с 1906 по 1915 г. И. Г. Щегловитов в своей статье «Репрессия суда присяжных в России», опубликованной в 1897 г., наряду с яростными нападками на «суд улицы» предлагает усилить наказания против преступников, которых «ничего не может исправить, ибо их пороки врожденные»⁷. «О неизлечимости» многих преступников, а следовательно, о необходимости их изоляции в целях «защиты общества» писали иногда

⁵ «Русское обозрение», 1892, август, с. 837, 848, 854, 857, 859.

⁶ Мечников Л. И. Уголовная антропология. — «Русское богатство», 1886, № 3—4, с. 106.

⁷ «Гражданское и уголовное право», 1897, кн. 3, с. 9.

реакционные газеты, особенно «Новое время». Критика уголовно-антропологических идей проводилась не только в печати, но и устно на различных конгрессах, диспутах и т. п. И здесь находились немногие защитники антропологов, как правило консерваторы. Так, в журнале «Вестник Европы» за 1890 г. указывалось, что через месяц в Петербурге должен собраться IV Международный пенитенциарный конгресс. Самый важный вопрос, входящий в программу конгресса, — это вопрос о том, есть ли прирожденные преступники? Доклад по этому вопросу, составленный В. Д. Спасовичем от имени комиссии Петербургского юридического общества, разрешает его в смысле безусловно отрицательном. Ни один из признаков прирожденных преступников по «теории» Ломброзо не установлен с полной достоверностью. Статистика может показать эти признаки и у совершенно честных людей. Антропологическая теория, — подчеркивает буржуазно-либеральный журнал, — ведет к признанию «смертной казни, что возмутительно и бесчеловечно». «С мнением Спасовича, — указывалось далее, — согласилась почти единогласно вся комиссия, кроме одного г. Латышева, весьма консервативно настроенного. Г. Латышев — сторонник антропологов хотя и отвергает казнь, но стоит за ссылку (лучше на отдаленный изолированный остров), соединенную с пожизненным заключением и тяжкими работами»⁸.

Любопытно, что на международных конгрессах криминальной антропологии идеи Ломброзо подвергались весьма серьезной критике, причем наиболее резкой со стороны русских юристов. Так, на IV конгрессе в Женеве, состоявшемся в 1896 г., Ломброзо сделал обширный доклад, в котором, основываясь на большом статистическом материале, утверждал наличие врожденной преступности, т. е. все то, что с такой неослабной энергией он защищал в течение трех десятилетий.

Ломброзо, с некоторыми оговорками, защищали целый ряд иностранных юристов и психиатров, как например, Ферри, Винклер, Оттоленги, Гарофалло, и многие другие. Из представителей России одна Тарновская поддерживала Ломброзо. Все же остальные — Фойницкий, Дриль и Закревский — резко выступали против взглядов «антропологов».

Как и следовало ожидать, «Ломброзо с упорством настаивал на своем учении... Никакие конгрессы, — сказал он, — не будут в состоянии поколебать его идей, основанных на 40-летнем опыте и на слишком 50 000 отдельных наблюдений»⁹.

К числу немногочисленных защитников уголовно-антропологического направления в России следует также отнести криминалиста А. П. Лихачева, прокурора Петербургского окружного суда, автора ряда работ по уголовному праву и статистике, одновременно сотрудничавшего в черносотенной газете «Новое вре-

⁸ «Вестник статистики», 1890, т. 3, с. 354—355, 356.

⁹ Розенбах П. Четвертый конгресс криминальной антропологии. — «Журнал министерства юстиции», 1896, № 9, с. 171—172.

мя» и придерживающегося самых реакционных политических взглядов. Лихачев — противник суда присяжных и сторонник жестоких репрессий против «неисправимых преступников». Он противник распространения просвещения среди народа и улучшения его экономического положения. Он восторженно отзывался о Ломброзо и Ферри и всеми своими высказываниями характеризует себя как явного обскуранта.

«Уменьшается ли преступность с развитием цивилизации? — вопрошает Лихачев. — Солидные статистические исследования отвечают на этот жгучий вопрос отрицательно»¹⁰.

По мнению автора, наряду с другими причинами, повышение материального и культурного уровня «простолудинов» является серьезным «фактором», способствующим росту числа преступлений.

«Возвышение зарплаты, — пишет Лихачев, — и улучшение общих условий жизни особенно увеличивает число преступлений против нравственности: улучшенное питание увеличивает избыток сил, который ищет себе нередко выход в удовлетворении животного чувства»¹¹.

Подобные рассуждения, достойные «зубра — помещика», не требуют комментариев, так же как и следующие: «Элементарное образование, в настоящее время распространяющееся в народе, есть орудие обоюдоострое. Увеличивая восприимчивость ко всему доброму, оно увеличивает и способность к злу. Грамотность открывает возможность совершать некоторые более тонкие преступления... Учение в народной школе ослабляет индивидуальность»¹².

Для «доказательства» этого Лихачев приводит несравнимые статистические данные о преступности «в неграмотной России и в Саксонии, где высоко стоит народное образование» и где преступность и самоубийство («явления, по Лихачеву, одного порядка») во много раз выше. Он вполне солидаризируется с Ломброзо и Ферри по вопросу о существовании «неисправимых преступников», которые «представляют собой антропологическую разновидность и в современном обществе являются со свойствами низших рас, отличаясь поэтому от нормального человека из среды цивилизованного народа»¹³.

Лихачев полностью присоединяется к точке зрения Ферри, который считает вполне допустимым смертную казнь для природных преступников, но, не желая «раздражать толпу», рекомендует заменить казнь неисправимых преступников пожизненным заключением.

Исключительно показательны рассуждения Лихачева, повторяющие, по сути дела, мысли Ферри о том, откуда происходят

¹⁰ Лихачев А. Новые работы в области уголовной статистики и антропологии. — «Журнал гражданского и уголовного права», 1883, № 3, с. 1.

¹¹ Там же, с. 2.

¹² Там же, с. 4.

¹³ Лихачев А. Указ. соч., с. 10.

«прирожденные преступники». Эти рассуждения буквально насыщены ненавистью реакционера к «низшим классам», многие представители которых якобы самой природой обречены на преступления. Отсюда «обоснование» беспощадных репрессий к «неисправимым преступникам». Классовый характер таких взглядов совершенно очевиден. Они непосредственно направлены на защиту самодержавно-буржуазного государства от любых «нарушителей порядка», без труда объявляемых неисправимыми преступниками.

По мнению Лихачева, в обществе существуют три класса, резко отличающиеся друг от друга в отношении преступности. «Высший класс, — лицемерно утверждает Лихачев, — не преступен, так как наследственность, религиозность и нравственные убеждения, санкции собственной совести и общественного мнения делают, естественно, честными его представителей. Для этого класса уголовный кодекс не нужен»¹⁴.

Вполне понятно, что к такому классу относятся состоятельные, образованные и религиозные люди, образцом которых является для Лихачева «средний» русский барин.

«Другой класс, — пишет он, — низший, состоит из лиц, труднодоступных идее нравственности и честности, потому что они лишены всякого образования и воспитания, поглощены первобытной, почти животной борьбой за существование, наследуют от предков и передают потомкам аномальный организм, в котором часто оказываются свойства первобытной, низшей расы, проявляется атавизм. Из этого класса выходят прирожденные, неисправимые преступники. Для них бесполезны временные наказания»¹⁵.

Совершенно ясно, о какой низшей расе, порождающей «неисправимых» преступников, которых необходимо «навсегда» удалять от «честных людей», здесь идет речь. Речь идет о широких трудящихся массах, о десятках миллионов городских и сельских пролетариев, задыхающихся под гнетом самодержавия и капитализма, что неминуемо обрекало многих из них на нищету, бродяжничество и преступность. Но Лихачеву, так же как и другим реакционерам-антропологам, до этого, конечно, нет никакого дела. Они не хотят этого видеть и в апологетических целях стремятся завуалировать действительные корни преступности антинаучными рассуждениями о биологических особенностях «неисправимых» людей. Далее Лихачев говорит о третьем, «общественном классе лиц, не родившихся преступниками, но и безусловно честных, доступных идеям права и нравственности (каким? — С. О.), получивших известное образование и воспитание. Из этого класса, — поясняет автор, — выходят случайные преступники. Наказание для них может быть полезным»¹⁶. Другими словами, случайные преступники не представляют особую опасность для

---

¹⁴ Лихачев А. Указ. соч., с. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 16.

господствующего класса. Их можно подвергать обычным наказаниям. Таким образом, Лихачев наиболее откровенно из всех русских антропологов показал сугубо классовый характер ломброзианства, используемого реакционными кругами тогдашнего общества в своекорыстных интересах.

Показательна для политических взглядов Лихачева трактовка самоубийств, которые он рассматривает по-расистски, как удержание «низших», не приспособленных к «цивилизованной» жизни индивидов. О действительных причинах самоубийств Лихачев, естественно, умалчивает, клеймя самоубийц как преступников, нарушающих «вековые» устои общества. Полностью солидаризируясь в этом отношении с западноевропейскими антропологами, он пишет в своей другой работе: «Самоубийцы суть преступники. Их поступок подлежит позору. Как и убийцы, самоубийцы суть самолюбивые эгоисты с противообщественными стремлениями. Общество не может совершенствоваться без удачного подбора более развитых личностей. Оно без сожаления смотрит на исчезновение личностей недоразвившихся, эгоистичных, лишенных великодушных качеств, составляющих нашу цивилизацию»¹⁷.

Явным человеконенавистничеством, лютой злобой ко всему тому, что в какой-то мере является протестом против существующих норм, установленных антагонистическим государством, пропитаны приведенные слова. Лихачев умышленно не замечает экономических причин самоубийств, так же как и проституции, о которой он, соглашаясь во всем с французским антропологом Шосинаном, приводит такое высказывание последнего: «Проституция кажется нам гораздо опаснее самоубийства. Самоубийство является лишь средством общественного подбора, способом самопроизвольного исчезновения негодных личностей. Другое дело проституция. Когда проститутки воспроизводят, они создают новые существа, столь же вредные, как они сами»¹⁸.

Обидевшись, очевидно, за потребителей «живого товара», которые, как правило, принадлежали к представителям «хорошего общества», Лихачев «глубокомысленно» пишет: «Автор забывает, что качество детей зависит не исключительно от качества матерей»¹⁹. Комментарии, как говорится, излишни.

В своей работе «Преобразования в уголовном судопроизводстве, предлагаемые последователями итальянской школы уголовного права», Лихачев считает совершенно правильной точку зрения Ферри, который опровергает презумпцию невиновности обвиняемого, «принятую в современном уголовном судопроизводстве». Предположение невиновности, по его мнению, неуместно в уголовном процессе.

¹⁷ Лихачев А. Новые работы в области уголовной статистики.— «Гражданское и уголовное право», 1893, № 1, с. 126.

¹⁸ Лихачев А. Самоубийства в Западной Европе и Европейской России. Спб., 1882, с. 131.

¹⁹ Там же.

Лихачев, основываясь на якобы «частных и необоснованных оправданиях суда присяжных», требует максимального сокращения компетенции «суда улицы». Он абсолютно согласен с Ферри, не допускающим «амнистии, называя ее юбилеем преступления», и с Гарофалло, требующим самых жестоких наказаний для самых легких преступлений, если они совершены «преступными типами».

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что если социологическое направление в криминологии и уголовном праве в России являлось на определенном историческом этапе относительно прогрессивным, то антропологическое направление было с самого начала своего возникновения сугубо реакционным, вполне отвечающим политическим взглядам и интересам наиболее консервативной части господствующих классов. Вполне понятно, что монархические круги тогдашнего общества, черносотенная печать поддерживали идеи антропологов в рассматриваемый нами период. Особенно это имело место во время проведения так называемых контрреформ, т. е. ряда реакционных мероприятий правительства Александра III, проведенных в России в 1889—1894 гг. и имевших целью укрепление самодержавия за счет пересмотра умеренно-буржуазных реформ 60—70-х годов. Еще в большей степени это наблюдается в начале XIX в.

Однако надо иметь в виду, что, не говоря уже о революционных демократах, преобладающая часть тогдашней буржуазно-либеральной интеллигенции выступала против контрреформ царского правительства, поскольку они поддерживали и всячески укрепляли сословные привилегии, вотчинно-полицейскую власть помещиков и тем самым мешали свободному развитию капитализма в России. Вот почему антропологические идеи не находили поддержки среди либерально настроенных юристов, которые в своем большинстве были тогда сторонниками социологического направления.

Совершенно прав проф. М. Д. Шаргородский, который писал: «Заслуживает внимания тот факт, что в условиях царской России до революции 1905 года буржуазная наука уголовного права находилась в известной мере в оппозиции к действовавшему уголовному законодательству и отрицательно относилась к существующей системе наказаний, поскольку она содержала еще большее количество пережитков феодализма. Буржуазные авторы требовали буржуазной реформы законодательства»²⁰.

---

²⁰ Шаргородский М. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957, с. 292.

**Особенности развития
криминологической мысли
в последние годы царизма
(начало XX в.)**

Эпоха монополистического капитализма в России характеризуется резким обострением классовой борьбы между пролетариатом совместно с беднейшим крестьянством, с одной стороны, и буржуазией с помещиками — с другой. Напуганные политическими выступлениями и революционными требованиями рабочего класса, представители либерально-буржуазной науки делают резкий крен (особенно после 1905 г.) в сторону реакции. «Свободной конкуренции, — писал В. И. Ленин, — соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹.

Такую тенденцию мы наблюдаем и в области уголовного права и криминологии. Представители классического, социологического и антропологического направления, сближаясь между собой в основных взглядах на преступление и наказание, стремятся выработать радикальные, с их точки зрения, меры, обеспечивающие борьбу с преступностью в рамках защищаемого ими буржуазного строя. Ознакомление с работами Н. Таганцева, И. Фойницкого, Е. Тарновского, П. Тарновской, А. Жижиленико, М. Чубинского, С. Готеля и других, вышедших в начале XX в., вполне убеждает нас в этом. Так, например, крупнейший русский уголовный статистик Тарновский в ряде статей, посвященных исследованию политических преступлений, рассматривает последние «как смуту и возмущение против законных властей», требуя самых суровых мер против «возмутителей порядка». Фойницкий и Таганцев утверждают, что основная причина преступности кроется главным образом в личных качествах преступника, которого зачастую не в состоянии «исправить» самая благоприятная среда. В рассматриваемый нами период продолжает активно выступать одна из наиболее последовательных представительниц антропологической школы в России — Тарновская П. Н., находя среди врачей и юристов все большее и большее число сторонников. Она по-прежнему утверждает, что опытный исследователь будет в состоянии по внешним признакам и нравственным особенностям субъекта определить его предрасположение к преступлению. В этом смысле понимаемый тип Ломброзо должен существовать, причем повторность преступлений, по ее мнению, — вот опасный существенный коэффициент преступной наклонности. В своей работе² Тарновская с удивительным упорством защищает свои старые взгляды. Бросается в глаза громадное преобладание физических при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

² См.: Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. Спб., 1909.

знаков вырождения преимущественно головы и лица у женщин-убийц, превосходящих в значительной степени число дистрофий, встречаемых у непроступного населения. Так, например, дистрофии головы у женщин-убийц насчитываются в 66%, тогда как у непроступных крестьянок они равняются 10%, а у интеллигенток только 2%. Обитательницы тюрем и публичных домов представляют известное сходство независимо от национальности. В результате она, естественно, приходит к старому выводу о том, что, пользуясь статистическим материалом, можно доказать присутствие у большинства преступных женщин признаков, указывающих на их отклонение от нормального типа, как в физическом, так и в психическом отношениях.

В 1907 г. в своей новой работе³ Тарновская «на основе обширных статистических исследований» опять стремится «объективно доказать» (в какой раз!) правоту учения Ломброзо: Тарновская не остается в одиночестве. Усиление реакции благоприятствует распространению порочных воззрений антропологов среди части юристов и врачей. Так, например, Н. С. Лобас, бывший врач Сахалинских каторжных тюрем, писал: «Продолжительное знакомство с преступным миром дает мне смелость предоставить большой материал, подтверждающий взгляды представителей антропологической школы на преступника как на человеческое существо, деградированное, психофизически оскуделое»⁴.

Отрицая какую-либо связь между общественно-экономической средой и преступностью, Лобас отмечает, что причины преступности нужно искать не только в жизненных условиях, окружающих данную преступную личность, но и в ней самой, «в несовершенстве ее психофизической организации, не позволяющих ей избирать тот путь, каким идут все». Отсюда отбрасывание моральных и законных норм как хлам, отсюда — преступная дорога.

Криминалист Б. Гомберг, ополчась против критики теории Ломброзо со стороны А. Ф. Кони и других прогрессивных юристов, писал: «Не к „охоте на человека“ стремится учение итальянской школы, а к возможно более полному установлению истины на суде, путем анализа не одного деяния, но и критического отношения к субъекту преступления. Именно такое всесторонне-объективное течение уголовного процесса имеет своей целью проведение резкой черты между преступником случайным и так называемым прирожденным (глубокоиспорченным, фатально лишенным раскаяния и нравственных чувств)»⁵.

Прирожденных преступников, по мнению Гомберга, так же как и Лобаса, надо «в целях защиты общества» карать без пощады.

³ См.: Тарновская П. Н. Распределение преступности по профессиям. — «Журнал министерства юстиции», 1907, № 8.

⁴ Лобас Н. Убийцы. М., 1913, с. 4.

⁵ Гомберг Б. Опыт изложения основных начал этиологии преступления. М., 1911, с. 15.

Жестокие меры по отношению к преступникам, предлагаемые антропологами, находили поддержку среди реакционеров, которые требовали от правительства не только сохранения, а еще более широкого применения смертной казни, введения телесных наказаний и т. п. Вот, например, что писал в 1906 г. царю «Союз русского народа» — самая крупная черносотенная организация в дореволюционной России. «Союз русского народа умоляет тебя, государь, о сохранении смертной казни, неприменение которой, а также дарование амнистии, по крайнему нашему разумению, приведет к ожесточению и самосуду над крамольниками»⁶.

Через 6 лет, в 1912 г., газета черносотенных землевладельцев «Земщина» писала: «Мы полагаем надо организовать ходатайство о введении телесных наказаний. Только физическая боль может заставить разных злодеев сдерживать свои зверские инстинкты. Без хорошей порки ни тюрьма, ни каторга им не страшны»⁷.

Надо заметить, что и социологи вполне солидаризируются с последними в необходимости всемерной защиты буржуазно-дворянского государства от все увеличивающейся преступности. Так, например, профессора Петербургского университета, социологи Чубинский, Жижиленко и Гогель предупреждают, что намечаемые меры борьбы с преступностью ни в коем случае не должны касаться изменения социально-экономических основ капиталистического строя.

«Главное — это то, — подчеркивает Гогель, — что меры против преступности не должны быть смешиваемы с мерами по разрешению социального вопроса, потому, что это меры другого порядка, другого характера»⁸.

Гогель приходит к выводу, что непосредственным фактором совершения преступности большей частью является фактор индивидуальный — нравственное состояние личности. Вполне понятно, к каким практическим выводам можно было прийти, основываясь на подобных воззрениях. Следует иметь в виду, что наряду с откровенно реакционными положениями о причинах преступности многие русские криминалисты в рассматриваемый нами период были не прочь с помощью либеральной болтовни уверить читателя в полной возможности эффективной борьбы с преступностью путем отдельных реформ в рамках капитализма.

Так, М. П. Чубинский писал: «Необходимо, чтобы правительство и общество энергично принялись, руководствуясь данными, собранными наукой, за трудную и долгую работу, направленную к ослаблению огромного социального зла, именуемого преступностью. Великая задача борьбы с преступностью не может быть

---

⁶ Гернет М. Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. Б. г., 1917, с. 16—17.

⁷ Там же.

⁸ Гогель С. К. Роль общества в деле борьбы с преступностью. Б. г., 1906, с. 64.

решаема с надеждой на успех без целого ряда систематических социальных реформ»⁹.

И он намечает десятки мероприятий по старой программе «превентивной социальной гигиены» социологов, позволяющих, на его взгляд, успешно бороться с преступностью, не затрагивая «социальных основ» существующего строя. Тут и «разумная» филантропия, и расширение общественных работ, и устройство земледельческих колоний, и реформа системы налогов, и уничтожение антисанитарных городских кварталов, и многое другое, уводящее в сторону от действительного разрешения проблемы борьбы с преступностью.

Поворот буржуазно-либеральной науки, в том числе и юридической в сторону реакции, особенно после революции 1905 г., характеризуется также резкими нападками ее представителей на материалистическое объяснение преступности, отрицанием и извращением марксизма. Тот же Чубинский отмечал, что «созданная и исповедуемая К. Марксом и Ф. Энгельсом доктрина экономическо-материалистического понимания истории должна была привести к уяснению роли экономических факторов преступности, но в то же время все остальные факторы умаялись и отодвигались на задний план»¹⁰.

Выступая против указания П. Лафарга о том, что в условиях капитализма усовершенствование карательной системы бессильно задерживать прогрессивное движение преступности, Чубинский с раздражением отмечал: «Последнее положение остается совершенно голословным, но оно гармонирует с той основной мыслью автора, что с уничтожением капиталистического строя исчезнет и преступность»¹¹.

«Необходимо, — демагогически заявлял Чубинский, — не огульное порицание современной цивилизации (читай капитализм. — С. О.), а твердое уяснение ее светлых и темных сторон и работа для развития первых и для победы над вторыми. Все это и дает соответствующие результаты»¹².

Любопытно, что А. А. Жижиленко, будучи уже советским профессором и говоря о причинах преступности, даже не упоминает о капитализме как питательной среде преступности. Более того, он считает, что она вполне устранима в рамках буржуазного строя, в котором «светлые стороны» в конечном счете «парализуют» темные. «Преступность питается не цивилизацией как таковой, не светлыми сторонами культуры, а теньевыми... постепенно исчезающими... Теневые стороны, вызывающие преступность, постепенно будут парализовываться светлыми ее сторонами»¹³.

⁹ Чубинский М. П. Курс уголовной политики. СПб., 1912, с. 364.

¹⁰ Чубинский М. П. Указ. соч., с. 243.

¹¹ Там же, с. 269.

¹² Там же, с. 349.

¹³ Жижиленко А. Преступность и ее факторы. М., 1922, с. 52.

Таким образом, в период империализма представители буржуазного уголовного права и криминологии делают резкий крен в сторону реакции, что характерно не только для России, но и для Западной Европы.

Постоянное общение русских и западноевропейских криминалистов не могло не оказывать взаимного влияния на взгляды в отношении причин преступности и мероприятий по борьбе с ней. Социологическая теория уголовного права и криминологии, например, была впервые разработана русским ученым Фойницким еще в 70-х годах XIX в. В дальнейшем сформулированные им основные положения используются западноевропейскими учеными в трудах Ферри, Тарда, Принса и других. Можно привести и обратные примеры, когда, скажем, реакционные воззрения Ломброзо нашли приверженцев у нас в России в лице П. Тарновской, В. Чижана, Минилова, Н. Лобаса и прочих исследователей. Однако надо иметь в виду, что уголовно-правовые и криминологические теории при общности основных положений, будучи примененными в конкретно-исторических условиях царской России и Западной Европы, приобретали специфические черты. Более того, эти теории не оставались стабильными и на отдельных этапах развития той или иной страны. Напомним, что если социологическая теория в области криминологии и уголовного права в России являлась в начале своего возникновения относительно прогрессивной, то в период империализма она становится сугубо реакционной. «Либеральное» социологическое направление в этот период принципиально ничем не отличалось от откровенно реакционного антропологического, только было замаскировано «левой» фразеологией. До 1905 г. буржуазно-либеральные криминалисты в России находились до некоторой степени в оппозиции к царскому правительству, требуя ликвидации многочисленных политических и правовых пережитков крепостничества. После 1905 г. большинство таких криминалистов переходят к открытой поддержке самодержавия, вуалируя эту поддержку либеральной болтовней о необходимости защиты общества от «опасных для него субъектов». Большим успехом пользуются в период империализма в России труды западноевропейских исследователей преступности, специализировавшихся на искажении ее истинных причин, как например, труды Листа, Ферри, Ашафенбурга и т. п. Здесь нельзя не отметить общности задач как западноевропейской, так и русской уголовно-правовой и криминологической науки, поскольку и первая, и вторая стремились к одной цели — защите интересов господствующих классов. Отсюда вполне понятные взаимные влияния применительно к особенностям своей страны. Как мы уже сказали, большинство буржуазных криминалистов в период империализма скрывают свои реакционные выводы и предложения за либеральной шелухой, причем некоторые из них не брезгают для этого выдать себя за приверженцев марксизма. Особенно большие «успехи» в подобной маскировке сделал Ферри, нашедший

себе немало приверженцев среди русских криминалистов. И действительно, его наукообразные взгляды, эклектически соединявшие точку зрения антропологов и социологов, его ложный пафос являлись ширмой для затуманивания истинных причин преступности. Придавая опомное значение антропологическому фактору, Ферри писал: «Преступники представляют в современном обществе низшую расу, отступая во всяком случае от нормального типа здорового и культурного человека»¹⁴.

Однако Ферри стремится уверить читателя, что он также признает большую роль социальных факторов преступности и исходит в этом отношении не из чего иного, а из прямых указаний К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Наши некоторые противники утверждают, что преступление есть результат материальной нужды, в какой бы форме она не проявлялась, Я уже 10 лет тому назад опирался на научный социализм, провозглашенный Марксом и Энгельсом... Несомненно экономический фактор играет огромную роль в преступности... Но один экономический фактор без влияния биологического фактора еще не может вызвать преступления»¹⁵.

Почти то же самое писали А. Жижиленко, М. Чубинский и их многочисленные единомышленники, заявляя, что преступление есть «результат трех факторов... что от рождения человек получает известные психофизические особенности, известные предрасположения, которые под влиянием ряда присоединившихся космических и социальных условий могут привести его к преступлению, т. е. мы должны признать, что преступность имеет... органическую подкладку»¹⁶.

Как сходны методы западноевропейских и русских буржуазных криминалистов! Правда, первые были более сильны в искусстве вуалирования и натренированные многолетней парламентской практикой обманывать широкие массы народа рядились в любые одежды, иногда даже в одежды своих классовых врагов. Их русские коллеги, не принимавшие, как правило, участия в государственной жизни страны, были менее сильны в таком искусстве. Если западноевропейские буржуазные деятели, в том числе и юристы, благодаря активному участию многих из них в различных политических и государственных организациях (Ферри, например, был долгое время лидером социалистической партии Италии и министром юстиции) сумели расколоть единство рабочего класса, обмануть его, расчистив в некоторых странах дорогу фашизму, то в русских либералах русский пролетариат, руководимый коммунистической партией, видел своих классовых врагов.

Любопытно, что Ферри пытался связать марксизм с дарвинизмом и позитивизмом Спенсера, т. е. извратить марксизм, приспособив его в качестве «обоснования» своих порочных взглядов.

¹⁴ Ферри Э. Уголовная социология. М., 1910, с. 75.

¹⁵ Там же, с. 192.

¹⁶ Чубинский М. П. Указ. соч., с. 331.

«Продолжая изучать марксистскую социологию и не встречая уже в ней тех утопических тенденций (1), против которых я давно боролся, я открыто принял ее теоретические и практические выводы, указав, что марксизм (экономический трансформизм) находится в полном соответствии с биологическим трансформизмом (дарвинизм) и с универсальным трансформизмом (Спенсер)»¹⁷.

Подобными рассуждениями Ферри пытался выдать себя за «марксиста» и, искажая действительные корни преступности, уверял, что с ней вполне можно бороться в рамках капиталистического строя (стоит лишь применить на практике его «эквиваленты наказаний»). Одновременно он обращается к предпринимателям с «добрыми» советами не «нажимать» до крайней степени на рабочих, не доводить их до раздражения штрафами и взысканиями, что может привести к «опасным последствиям», а заинтересовать рабочих результатами своего труда путем перестройки системы зарплаты.

Классовый смысл подобных рассуждений ясен. Аналогичные советы можно найти и в сочинениях русских криминалистов, которые, считая, что своей реакционной политикой царское правительство «раздражает народ, вынуждая его иногда нарушать законы» (Набоков), предлагали целый ряд либеральных мер, устраняющих «крайности самодержавия» и позволяющих эксплуатировать трудящихся в рамках буржуазной «легальности». Как известно, к таким советам, являвшимся основой всей политики русской либеральной буржуазии, царское правительство оставалось глухо. Надо сказать, что западноевропейские криминалисты, увидевшие в период империализма, что политические и правовые буржуазно-демократические институты не могут сдерживать рост политической и уголовной преступности, призывают к отказу от этих институтов, к усилению реакции. Так, например, Ф. Лист, приводя статистические данные, характеризующие, что преступность в Германии приняла «социально-патологический характер», находит причины подобного явления также и в ряде «нововведений»: суд присяжных, всеобщее избирательное право и пр., что привело к подрыву «вековых традиций» и поколебало религиозные и нравственные воззрения»¹⁸.

Сравнивая требования русских либералов, стремившихся устранить пережитки феодализма, мешавшие «свободной» эксплуатации, и требования их западноевропейских коллег, давно живших в условиях буржуазно-демократической законности, мы видим, как видоизменяются криминологические и уголовно-правовые взгляды буржуазии на различных этапах ее развития. В частности, становится очевидным, что в период империализма буржуазию не устраивают созданные ею правовые институты. Это видно из

¹⁷ Ферри Э. Указ. соч., с. 393.

¹⁸ Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. Спб., 1900, с. 11.

приведенных рассуждений Ферри и других криминалистов, многие из которых в целях маскировки не прочь были объявить себя марксистами (см. Ф. Лист, Г. Ашаффенбург, Н. Ван-Кан, А. Принс и др.).

В период империализма активизируют свою деятельность ломброзianцы. Так, в 1905 г. на Международном пенитенциарном конгрессе в Будапеште «выступил известный антрополог Гарофалло, неоднократно высказывающий свои мнения в литературе о суде присяжных и причислявший его в своей «криминологии»... к «мерам, благоприятствующим развитию преступности»... Суд присяжных... не оправдывается никакими разумными соображениями... в присяжные попадают худшие элементы населения... присяжные не стоят выше народа, который они судят... суд присяжных — это суд слепцов... надо упразднить его совершенно»¹⁹.

Любопытно, что незадолго до своей смерти, уже будучи семидесятилетним стариком, Ломброзо опубликовал статью «Как предупредить преступность?» И здесь он утверждает, что «до тех пор, пока существует мир, будет существовать и преступность. Всегда будет существовать наследственная преступность: люди иные рождаются уже преступниками — их мысли и чувства направлены только к злу. Против таких людей нет никакой терапии. Единственная мера против них — это убивать их или заключать в исправительные заведения; последним способом удалось бы избежать рецидивистов, увеличивающих количество преступлений»²⁰.

В последние годы существования царизма в дореволюционной России получил большое распространение марксизм, вооруживший русское революционное движение подлинно научной теорией о законах общественного развития. Основываясь на этой теории, Коммунистическая партия ведет непримиримую борьбу с многочисленными идеологическими врагами по социально-экономическим, политическим и правовым вопросам. Нет сомнения, что лучшая часть русской интеллигенции, знакомясь с марксистско-ленинскими идеями, не могла не попасть под их влияние, постепенно отходя от привычных идеалистических взглядов и либеральных традиций. Подобный процесс носил иногда весьма мучительный характер, причем многие из них, перешедшие совершенно искренне на сторону молодой Советской власти, долго не могли освободиться от целого ряда буржуазных воззрений. Все это имело прямое отношение и к отдельным представителям буржуазно-либеральной науки, в том числе уголовно-правовой и криминологической, неудовлетворенным казенными университетскими доктринами, отчетливо видящими их фальшь, их явно реакционный, антинародный характер. Надо заметить, что в период импе-

¹⁹ Люблинский П. И. Международные съезды по вопросам уголовного права. Б. г., 1915, с. 205.

²⁰ Ломброзо Ч. Как предупредить преступность? — «Тюремный вестник», 1905, с. 528—529.

риализма, особенно после 1905 г., когда классовая борьба заметно усилилась, среди русской интеллигенции, в том числе и юристов, происходило определенное размежевание. Большая ее часть сделала резкий крен вправо, встав на защиту царизма, меньшинство выступало против, связывая меры борьбы с преступностью с изменением существующего строя. В этом отношении интересно ознакомиться, хотя бы в самых общих чертах, с некоторыми эпизодами, связанными с историей русской группы Международного союза криминалистов, организованного в 1889 г. и объединявшего главным образом криминалистов-социологов. Русская группа, существовавшая с 1897 по 1914 г. и уделявшая основное внимание разработке мер борьбы с преступностью, включала в свой состав криминалистов самых различных политических убеждений, между которыми не раз вспыхивали ожесточенные споры, прекрасно показывающие их классовое лицо. Поскольку исследование деятельности русской группы Международного союза криминалистов выходит за рамки нашей темы, постольку приведем лишь несколько характерных фактов этой деятельности, показывающих остроту борьбы между реакционными и прогрессивными кругами русских криминалистов. С 3 по 6 января 1905 г. в Киеве происходило собрание русской группы, большинство членов которой в особой резолюции о юридической помощи требовало от царского правительства свободы слова, печати, отмены смертной казни, созыва законодательной думы, избранной всеми классами общества, и т. п. «В условиях бесправия и произвола, являющихся основными устоями современного русского строя, ни о какой юридической помощи не может быть и речи... необходимы гарантии свободы личности, слова...»²¹.

Фойницкий, будучи председателем русской группы криминалистов, показал себя на этом собрании явным реакционером, защитником царизма. Выступая против проекта указанной резолюции, он пытался силой закрыть собрание «вследствие допущенных нарушений пределов легальности» и вместе с небольшой группой присутствующих членов покинул зал, направившись в «соответствующие административные органы». Через некоторое время киевский полицмейстер закрыл собрание по требованию Фойницкого. Любопытно, что 74 члена русской группы Международного союза криминалистов (из 115 присутствующих на киевском собрании) в своем письме, разосланном в редакции крупных правых журналов, указывали: «Глубоко возмущенные поведением И. Я. Фойницкого, мы, нижеподписавшиеся, считаем не только невозможным дальнейшее пребывание его в звании председателя, но полагаем несовместимым со своим нравственным достоинством и общественной обязанностью дальнейшее с ним общение и заявляем протест против грубого насилия, учиненного над Киевским

²¹ Русская группа Международного союза криминалистов. Протоколы собрания группы. 3—6 января 1905 г., с. 21.

съездом русской группы Международного союза криминалистов И. Я. Фойницким совместно с местной администрацией»²².

Очередное собрание русской группы, созданное 20 апреля 1905 г., приняло по административным вопросам следующее решение: «Обсудив действия г. Фойницкого на Киевском съезде и после него, собрание выражает г. Фойницкому порицание, а также удивление, что, несмотря на протест большинства членов группы, он не счел нужным выйти из состава членов группы»²³.

После этого заявления Фойницкий до конца своей жизни не принимал более никакого участия в деятельности русской группы. Знакомясь с протоколами последующих собраний группы, мы видим, как ее левое крыло ведет постоянную борьбу с реакционными и умеренно-либеральными криминалистами (В. Д. Набоков, М. П. Чубинский и др.)²⁴ по вопросам, связанным с установлением причин преступности и выработкой мероприятий по борьбе с ней. Так, например, на VI собрании группы, состоявшемся в январе 1909 г., Н. Н. Полянский (в дальнейшем известный советский процессуалист), заслуженный деятель науки РСФСР, выступил с докладом «О государственных преступлениях». Он отмечал, что в России за этот вид преступлений привлекается ежегодно в десятки раз больше, чем в Англии, Франции и Германии, вместе взятых. Он требовал ограждения политических прав народа, которые непрерывно попираются, смягчения наказаний, отмены смертной казни и т. п. На этом же собрании М. Н. Гернет, в дальнейшем крупнейший советский криминалист, криминолог и статистик, лауреат Государственной премии, выступая с сообщением «О новых исследованиях в области уголовной социологии», отмечал, что «преступность — естественное порождение современного строя».

Характерно, что VIII собрание группы, состоявшееся 21—29 апреля 1910 г., было закрыто распоряжением московского градоначальника в связи с тем, что доклады Полянского и др., о государственных преступлениях и производстве в военных судах «могут угрожать общественному спокойствию и безопасности»²⁵.

Особо резкие споры на собраниях группы вспыхивали по вопросу так называемого «опасного состояния», выдвинутого социологами и позволяющего принимать «превентивные меры» против любых лиц, находящихся, по мнению «специалистов», в подобном состоянии.

---

²² «Вестник права», 1905, № 1, с. 251.

²³ Русская группа Международного союза криминалистов. Протоколы собрания группы. 20 апреля 1905 г., с. 18.

²⁴ В речах Чубинского, а также Набокова звучало явное беспокойство из-за непрерывно увеличивающейся преступности (особенно политической) и подчеркивалась необходимость усиления репрессии для защиты «общества» (Русская группа Международного союза криминалистов. Спб., 1909).

²⁵ Русская группа Международного союза криминалистов. Спб., 1911, с. 301—303.

Реакционность понятия «опасного состояния», позволяющего капиталистическому государству применять репрессии против любых «колебателей порядка», совершенно очевидна. Левое крыло русской группы криминалистов в лице Полянского, Трайнина, Гернета выступало против попыток Набокова, Гессена, Чубинского, Гогеля и др. ввести в уголовное законодательство указанное понятие опасного состояния, «подрывающего основные устои уголовного права и ведущего к произволу в области применения репрессии»²⁶.

Отметим, что на этом же собрании выступал Гернет, посвятивший свою речь «Преступлениям по профессии». Он убедительно доказал, что «главный источник преступлений — это пороки общественного строя с его делением человечества на хозяев и трудящихся». Таким образом, в начале XX в. среди русских криминалистов появляется левая группа — Гернет, Исаев, Трайнин, Полянский, Чарыхов и другие, которая пыталась найти иные, в отличие от «признанных» буржуазных ученых, пути решения проблемы преступности, видя ее корни в классовой структуре капиталистического общества. Несомненно, это был большой шаг вперед в развитии криминологической мысли, серьезный удар по буржуазно-либеральной науке. Еще в 1908 г. М. Н. Гернет, полностью солидаризируясь со взглядами П. Лафарга о причинах преступности, писал: «Преступность есть неизбежное следствие современной структуры общества с его правом частной собственности. Автор (Лафарг) совершенно справедливо указывает, что его выводы должны быть распространены на преступность других современных государств»²⁷.

«Как бы ни были разнообразны рассмотренные нами факторы современной преступности, — говорит в другой работе Гернет, — они всегда оказывались в более или менее тесной связи с институтом частной собственности, со средствами производства и распределением богатств. Преступность... всегда была лишь... отражением состояния всего общественного уклада»²⁸.

Яркой фигурой среди левой группы русских социологов был криминалист Х. М. Чарыхов, написавший в 1910 г., будучи студентом последнего курса юридического факультета Московского университета, интересную работу — «Учение о факторах преступности». Прежде всего важно указать, что Чарыхов, правильно подчеркивая огромное значение во всяком исследовании общественных явлений, в том числе и преступности, действительно научного метода, критикует идеалистические методы буржуазной социологии — позитивной, логической и др. Ссылаясь на К. Маркса и Ф. Энгельса, он заявляет, что единственно правильный метод

²⁶ Русская группа Международного союза криминалистов. Протоколы собрания IX группы 28—31 марта 1912 г. Спб., 1912.

²⁷ «Уголовное право и социализм», 1908, с. 3.

²⁸ Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1916, с. 421.

есть «метод диалектический, ибо он рассматривает явления в развитии, движении, в возникновении и уничтожении — и тем самым обнаруживает противоречивую диалектическую природу явлений»²⁹. Нет сомнения, что подобные высказывания имели прогрессивное значение.

Четкой характеристики марксистского диалектического метода и указания на полную необходимость его применения при исследовании преступности мы не находим в работах ни у одного криминолога досоветского периода. В дальнейшем, критикуя «теорию факторов», Чарыхов отмечает: «Но с тех пор как величайший мыслитель XIX века Карл Маркс раскрыл внутреннюю пружину, определяющую и движущую общественное развитие, теории факторов не осталось больше места»³⁰.

Чарыхов, приводя для обоснования своих взглядов огромное количество статистических данных, убедительно доказывает, что преступность неизбежное порождение капиталистического общества. «Современное общество с его всевозрастающей эксплуатацией широких народных масс группой привилегированных буржуа, построенное на фундаменте классовой борьбы, питает и вырашивает современную преступность»³¹.

Он метко критикует криминалистов-антропологов за их биологическое объяснение преступности и проституции: «...женщина не потому является проституткой, что по природе она такова, а потому, что объективные условия ее существования неизбежно толкают ее на улицу, в клоаку разврата, как это блестяще доказал Август Бебель»³².

Смеясь над утопическими, фальшивыми предложениями некоторых антропологов, в частности П. Тарновской, призывающих не карать, а лечить «врожденных» преступников, Чарыхов не без основания замечает: «Современному буржуазному обществу это совершенно не под силу, ибо в обществе, где добрая доля государственного бюджета поглощается милитаризмом, где выдвигаются вперед интересы не широких народных масс, а, наоборот, обеспеченной группы привилегированных собственников, слишком рискованно искать столько человечности, которая смогла бы заставить общество перекроить свой буржуазный бюджет в интересах врачебного дела для широких народных масс»³³.

Основываясь на теории Маркса, Чарыхов так же критикует отдельных социологов, зачастую скрывающих за понятием «цивилизации» истинную причину преступности, — сам капитализм. Так, например, приводя высказывания Тарда о том, что численное превосходство краж на севере Франции, а убийств на юге

²⁹ Чарыхов Х. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910, с. 14.

³⁰ Чарыхов Х. Указ. соч., с. 18.

³¹ Там же, с. 58.

³² Там же, с. 44.

³³ Там же, с. 103.

объясняется не тем, что север холоднее, а юг теплее, а тем, что север более цивилизован, чем юг. «Настоящее объяснение, думается нам, недостаточно потому, что понимание цивилизации как категории исторической возможно с различных точек зрения. Мы позволим себе развить мысль Тарда с точки зрения исторической теории Маркса, основываясь на данных русской уголовной статистики»³⁴.

Чарыхов приводит соответствующие данные о наибольшей распространенности преступности в районах Царства Польского, а наименьшей в Воронежской и Пензенской губерниях, «в полосе чисто земледельческой, вдали от больших городов и промышленных центров». Показав относительно высокий уровень развития капиталистической промышленности в Польше сравнительно со всей Россией, Чарыхов заключает: «Условия капиталистического развития страны имманентно обуславливают... широкую пролетаризацию населения... Мы уже имели случай убедиться в значении материальной необеспеченности: она в большинстве случаев ведет к преступности»³⁵.

Говоря о безусловно выдающейся роли Чарыхова среди других представителей левой группы русских криминалистов, необходимо отметить его явную непоследовательность в отношении своих противников. Наряду с критикой антропологов и социологов, Чарыхов неоднократно говорит с большим уважением о Ломброзо, причем не раз заявляет, что он полностью разделяет точку зрения Листа. Но самое главное заключается в том, что Чарыхов, основываясь на трудах Маркса и Энгельса и отчетливо показав истинные корни преступности в условиях капитализма, не сделал единственно правильного вывода о том, что преступность не может быть ликвидирована без ликвидации буржуазного строя. В своих проектах борьбы с преступностью он полностью стоит на позициях социологов, говоря о необходимости «поднятия уровня материального благосостояния широких масс населения... организации социальной профилактики и гигиены и т. п.»³⁶.

Таким образом, Чарыхов впадает в противоречие с самим собой — с одной стороны, он правильно утверждает, что основной причиной преступности является капиталистический строй, с другой — убеждает, что с преступностью вполне можно бороться в рамках этого строя.

Наиболее глубокое объяснение преступности как неизбежного порождения буржуазного строя дал один из самых, на наш взгляд, талантливых представителей левой группы русских криминалистов, в дальнейшем известный советский юрист профессор М. М. Исаев (Сурский). Важно отметить, что если преобладающее большинство таких представителей, правильно установив

---

³⁴ Там же, с. 110.

³⁵ Там же, с. 115.

³⁶ Там же, с. 145.

причины преступности, были весьма непоследовательными в разработке мероприятий по борьбе с ней, то Исаев с удивительной для того времени четкостью заявлял, что лишь уничтожение капитализма даст возможность устранить преступность. Наряду с этим он резко критиковал социологов и антропологов как защитников интересов господствующих классов, что имело в то время прогрессивное значение. Особенную ценность в этом отношении представляет его статья «Социологическая школа в уголовном праве как защитница интересов господствующих классов» (1904). Ссылаясь на Маркса, Исаев пишет: «Современные криминалисты: и антропологи, и социологи являются ничем иным, как идеологами капиталистического общества... Преступность, которую порождает с естественной необходимостью капиталистическое общество, не может быть уничтожена раньше, чем будут уничтожены самые основы данного общества»³⁷.

Положение о том, что сам капитализм есть основной источник всех общественных «язв» и что без его ликвидации они не устранимы, — основное в работе Исаева. Иронизируя по поводу форм социологов, которые «борются за класс, а уверяют, что борются за все человечество», Исаев резюмировал: «...в самом капиталистическом обществе, говорим мы, лежат причины преступности и путем частичных реформ эти причины не будут устранены. Не стоит останавливаться на подобных «реформах», ибо путем паллиативных мер, без окончательного уничтожения капиталистического общества, невозможно устранить преступность»³⁸. В статье «Преступность и экономические факторы» (1905) Исаев приходит к еще более правильному выводу о том, что «только с переустройством капиталистического общества в социалистическое, а это является железным логическим выводом из анализа причин преступности... возможно достигнуть освобождения человечества от преступности»³⁹.

---

³⁷ Проблемы преступности. Харьков, 1924, с. 118.

³⁸ Там же, с. 123.

³⁹ Свирский М. Преступность и экономические факторы. — В кн.: Проблема преступности. Харьков, 1924, с. 186.

Введение	5
--------------------	---

Часть I

Преступность и ее причины в дореформенной России	7
Глава I. Структура и динамика преступности в дореформенной России	8

Часть II

Исследование преступности и ее причин в России в период промышленного капитализма	24
Глава I. Анализ показателей преступности до новой организации уголовной статистики (1871 г.)	25
Глава II. Анализ показателей движения и структуры преступности за последнюю четверть XIX в.	30
Глава III. Анализ состава осужденных по классам, сословиям и занятиям	36
Глава IV. Анализ состава осужденных по демографическим и юридическим признакам	44
Глава V. Анализ показателей статистики наказаний	51

Часть III

Исследование преступности и ее причин в период монополистического капитализма	57
Глава I. Анализ показателей движения и структуры преступности до первой мировой войны	59
§ 1. Преступность в годы, предшествующие первой русской революции, и в период ее совершения	59
§ 2. Преступность в годы столыпинской реакции и нового промышленного и революционного подъема	67
Глава II. Анализ преступности в период первой мировой войны	73
Глава III. Анализ преступности малолетних правонарушителей	86
Глава IV. Анализ состава осужденных по классам и отраслям народного хозяйства	91
Глава V. Анализ показателей статистики наказаний	99

Часть IV

Основные концепции о причинах преступности и борьбе с ней в дореволюционной России	104
Глава I. Особенности развития криминологической мысли в первой половине XIX в.	105

<i>Глава II. Особенности развития криминологической мысли в конце 50-х и 60-х годов XIX в.</i>	111
§ 1. Исследование преступности и ее причин русскими учеными, примыкавшими по своим политическим взглядам к революционно-демократическому направлению	113
§ 2. Исследование преступности и ее причин русскими учеными, примыкавшими по своим политическим взглядам к либеральному и монархическому направлениям	121
<i>Глава III. Классическое направление в уголовном праве и его отношение к изучению причин преступности</i>	129
<i>Глава IV. Социологическое направление в уголовном праве и криминологии</i>	133
<i>Глава V. Антропологическое направление в уголовном праве и криминологии</i>	155
§ 1. Общая характеристика особенностей антропологического направления	155
§ 2. Исследование основных криминологических работ виднейших представителей антропологического направления в России	157
§ 3. Антрополог — юрист Н. А. Неклюдов	158
§ 4. Антропологи — врачи	174
<i>Глава VI. Защитники и противники ломброзианства в России</i>	181
<i>Глава VII. Особенности развития криминологической мысли в последние годы царизма (начало XX в.)</i>	189

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСКАЕТ
в 1981 г.

Ковалев М. А.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В монографии рассматриваются положения, касающиеся усиления прокурорского надзора в деле обеспечения прав граждан, соприкоснувшихся с расследованием преступлений; раскрывается сущность гарантий прав личности, выступающих в качестве объекта прокурорского надзора. Определены задачи и способы охраны прав личности при дознании и предварительном следствии. Выявлены особенности надзора за обеспечением конкретных, наиболее важных в этих стадиях процесса прав личности.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСКАЕТ
в 1981 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ДЕПУТАТА МЕСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Справочник, подготовленный с учетом опыта предшествующего подобного издания (1-е изд. вышло в 1963 г.), содержит систематизированную юридическую информацию, отвечающую современному уровню развития советского права и необходимую для эффективной депутатской деятельности. Наряду с материалами по основным отраслям советского права в Справочнике приводятся краткие сведения об организации работы местных Советов, отдельных их органов, об участии общественности в деятельности Советов.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ВЫПУСКАЕТ
в 1981 г.**

Марченко М. Н.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО
ОБЩЕСТВА**

В монографии исследуются некоторые общие проблемы, касающиеся политической системы современного буржуазного общества (структура, идеология и т. д.). Раскрываются основные отличительные признаки буржуазных партий, выступающих в качестве структурных элементов политической системы общества, рассматриваются их наиболее важные функции. Особое внимание уделяется критическому рассмотрению взглядов буржуазных ученых на политическую организацию современного буржуазного мира.

ОСТРОУМОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРИЧИНЫ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Заведующая редакцией *Н. А. Рябикина*

Редакторы *Г. И. Соломаха,*
Х. И. Халиulina

Художник *В. С. Казаков*
Художественный редактор
М. Ф. Евстафьева

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
В. П. Кададинская,
Г. В. Зотова

Тематический план 1980 г. № 48
ИБ № 894

Сдано в набор 14.05.80
Подписано к печати 20.10.80
Л-113099 Формат 60×90^{1/16}
Бумага тип. № 1
Гарнитура литературная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 13,0+0,125 (вкл.)
Уч.-изд. л. 14,09 Изд. № 977
Зак. 379 Тираж 3880 экз.
Цена 1 р. 20 к.

Издательство
Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

Ц. 1р. 20к.